

Глеб Берг

На гуме

Авантюрно-антропологический роман

Глеб Берг

На гуме

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=30106502

SelfPub; 2018

Аннотация

Роман повествует о жизни студента Факультета Мирового Господства МГУ в 2003-08 годах. Главный герой – интеллигентный московский юноша из буржуазной еврейской семьи, с неподдельным любопытством открывающий для себя мир, скрывающийся за фасадом кавказского диаспорального сообщества столицы и познающий различные грани его многообразного этоса. За 5 лет своего обучения герой проходит через различные этапы понимания культуры, нравов, мотиваций и чувствований своих новых друзей, принимает участие в их авантюрах и эскападах.

Содержит нецензурную брань.

Предисловие Никиты Дмитриева.

Сборник рассказов "На гуме" представляет собой воспоминания интеллигентного и остроумного юноши, учившегося в МГУ в середине 00-х, о дружбе и совместных авантюрах с теми его однокашниками, по большей части уроженцами Кавказа, которые на фоне прочих выделялись "крутизной" и пристрастием к пряным удовольствиям.

Подобного рода тексты неизбежно соотносятся с двумя многотысячелетними, конститутивными для европейской цивилизации литературными темами – темой героя-любовника и темой путешествия на Восток. Не упасть в грязь лицом в таком случае более, чем трудно, так как писать приходится с неизбежной оглядкой на классиков. Один из них, Лермонтов, как автор "Героя нашего времени", там прямо упомянут. В абсолютном большинстве случаев подобного рода отсылки служат залогом, в терминологии советской литературной критики, "красивости и литературины масштабов совершенно гомерических", но не в нашем случае: чувства меры, юмора и языка автору не отказывают. Ему удастся не впасть в нарциссизм, не злоупотребить любовными и этнографическими сценами, избежать дурновкусной языковой вычурности.

Однако, не художественные достоинства представляют главный интерес этой книги. Перед нами – важный антропологический документ, с большой точностью регистрирую-

щий практики поведения, ходы мысли и, главное, аутентичную речь авангарда, – молодых, дерзких и богатых, – той части российского общества, что ныне переживает, и еще долго будет переживать, рост и экспансию.

Оказаться одновременно своим в их среде и способным реалистично и иронически описать этот опыт – случай редчайший. Редка, необычна и концентрация на повседневности, причем повседневности московской – при том, что обычно действие сочинений на кавказскую и, шире, восточную тему, во-первых, происходит далече, а, во-вторых, имеет дело с нечем экстраординарным – войной, страстями и т. д.

Кавказский диаспоральный мир, его внутреннее устройство совершенно неизвестны и непонятны остальному российскому обществу, и это незнание опасно контрастирует с той важностью, которую он имеет. Жизнелюбивый, энергичный, неотёсанный юноша, родившийся в кавказской сельской местности на закате советской эпохи, соприкасавшийся с войной, переживший вместе с внезапно (а иной раз и незаконно) разбогатевшими родителями 90-е годы, и получивший доступ к высшему образованию в столице (зачастую благодаря коррупции) – именно он, а не рассказчик, главный герой этой книги, да и, более того, одно из ключевых действующих лиц нашей современности. Трудно представить себе фигуру, менее годную к созданию новой культуры, однако эта миссия, против воли, досталась именно ей

– миссия обжить новую социальную и географическую среду
– мегаполис, выработать правила принятия решений, самовыражения, этикета, чувствования в десятках и сотнях дотоле незнакомых ситуаций и транслировать их старшим, младшим, соплеменникам на малой родине, менее привилегированным членам своего сообщества.

В свидетельстве, причем изнутри, об аккомодации и творении нового, ходе, неосознанном, с завязанными глазами, в новый мир, состоит антропологическая ценность и новизна этой книги. Сноровка в выстраивании мизансцен, внимание к деталям внешности, умение чутко передать особенности речи, развитое чувство комического, наличествующие у автора, имеют тут не только художественное, но и исследовательское значение: менее острый инструмент бы не подошел. Между ними нет никаких противоречий. Нет его и между фантазийным и реалистическим началами в книге: сама её социальная почва настолько сочна и гротескна, что совершенно их снимает.

Париж, 2015

Эх, помню Зоську!
Иосиф Бродский

НА ГУМЕ

Когда я был еще школьником, родители часто пугали меня историями из лубочных шоу ночного эфира – криминальными историями о коварных драг-дилерах, подсаживающих на наркоту несмышленных московских студентов. Единжды поддавшись, бедолаги оказывались у злодеев на пальце, позволяя высасывать из себя деньги и жизнь, пока, в конце концов, не отъезжали от передоза на ссанном матрасе в каком-нибудь грязном притоне. Воображение рисовало inferнальные сценки в духе Иеронима Босха – главное здание МГУ, оцетинившееся сотнями блестящих игл, униженных тушками маленьких стенающих наркоманов – как шампуры обуглившимся шашлыком; вокруг, окутывая увенчанный звездой шпиль, угрожающе сгущаются черные грозовые тучи; и даже витающий в воздухе страх перестает быть чем-то эфемерным – он ощущается кожей. Делалось как-то не по себе. Впрочем, став, наконец, студентом, я иной раз убивал целый день в поисках самого захудалого барыги, способного посадить меня хоть на что-то.

Марихуану я начал курить лет в пятнадцать, еще в экстернате, и курил с тех пор почти ежедневно. Это стало образом жизни и даже стилем – пусть и сомнительным. Померкшим

безразличным взглядом смотрел я сквозь проносящихся мимо людей, заморачивающихся на спорте, учебе или работе. Мне было откровенно пачкуна на все это. Ну, того самого пачкуна, что остается на дне унитаза после того, как погадишь.

Зимой 2004 года, кажется в феврале, я впервые попробовал синтетику. Сева Гнус, мальчик-шприц в прикиде от парочки мэйнстримовых итальянских дизайнеров, угостил меня экстази. Это была белая собачка. Точнее не собачка, а так называемый значок – @. На счет экстази у меня были свои предубеждения: я часто слышал, как у кого-то расплавился мозг или остановилось сердце из-за неприятия организмом всего этого химического дерьма. Я стоял перед нелегким выбором и все же решил ворваться в эту тему. «Получи удовольствие или сдохни» – рассудил я, запив колесо минералкой.

Мы с Гнусом учились тогда на первом курсе вновь созданного Факультета мирового господства МГУ, слывшего сборищем избалованных детенышей, способных лишь разбрасываться родительскими деньгами и уже к первой паре наряжаться в вечерние туалеты. Насколько мне известно, с тех пор мало что изменилось.

В ту ночь компанию нам составляли две нарядные куроч-

ки из МГИМО – тоже первокурсницы – я познакомился с ними накануне и потерял из вида сразу же, как мы вошли в Инфинити – едва открывшийся и, по бытовавшему мнению, лучший R&V клуб города той зимой. И плевать, что внутри не было ни одного человека старше двадцати, а располагался он в здании кинотеатра на Красной Пресне, в интерьере которого для полного счастья не хватало разве что бильярдных столов – это мало кого смущало. Куда важнее было, сколько лэйблов на одежде у посетителей – это было неким социальным мериллом – крупные принты с именами дизайнеров должны были украшать каждую составляющую туалета от трусов до головного убора. И не дай бог никакого ноунэйма или массмаркета! Не стоит забывать: то был разгар эпохи путинского гламура – самое пекло – со стразами, автотагаром, туфлями из меха пони, золотым, розовым – чем угодно, лишь бы *чикки пищали*.

Впрочем, это было вовсе не ново, еще Гончаров упоминал заносчивый дворянский молодняк, свысока смотревший на тех, «кто не так одет, как они, не носит их имени и звания» и не бывает «у князя N, куда только их пускают». В Инфинити тоже пускали не всех, по крайней мере, в первый сезон – после которого появляться там стало неприлично. Эпические великаны в камуфляжных комбинезонах и закатанных на затылке шапках-пидарках из последних сил сдерживали металлические перегородки, отделявшие обетованную зем-

лю клуба от жаждущих войти. Это напоминало сцену эвакуации из голливудского фильма о зомби или инопланетных захватчиках: толпы спасающихся от гибели людей, поддавшись панике, рвутся в стремительно закрывающиеся двери крепости (или паромы или космического корабля), олицетворяющего призрачный шанс выжить, в давке затаптывая тех, кто не устоял на ногах. На расстоянии вытянутой руки от всей этой истерии, преисполненный чувством собственной значимости, вальяжно расхаживал фейс-контрольщик с лицом маленького, но важного речного божка. Время от времени подобно спайдермену он выхватывал кого-нибудь из толпы и за руку утаскивал внутрь. Тем временем орды страждущих все прибывали и прибывали. Задние ряды, наседая, выдавливали передние: тех, кто, прорвавшись к заграждению, не сумел войти, толпа выносила назад, отторгая как слабых, и обрекая начинать все сначала. Полифония голосов, не умолкая, звала фэйс-контрольщика – кто по имени, кто «по-братски»; иные требовали позвать Володю, Лену или Ахмеда, призванных каким-то образом «все решить»; те же, кому во входе уже отказали, изрыгали проклятья и грозились выебать в рот.

– А ну их на хуй, поехали лучше в NN, – совсем отчаявшись, громко произнес худенький мальчик, несмотря на минусовую температуру, одетый в пеструю кожаную куртку и модные джинсы с дырками на коленках.

– Конечно, поехали! Че мы вообще в этот лоховник приперлись? – уверенно отвечал его спутник с покрасневшими на морозе носом и ушами, а на лице его явственно читалось почти трагическое: «Туда нас точно никогда не пустят...»

И все вокруг тоже понимали, что это даже не пяти-, а трехкопеечная дешёвка, но молча в таких ситуациях уходили только немые. Это было своего рода ритуалом, даже правилом клубной культуры тех лет: не пускают – громко говори: «а поехали в *ещеболеекрутойклуб*» и с важным видом уходи – никто же не станет проверять куда ты в итоге отправился – в Иерусалимский дворец или в Копотню.

Еще в Инфинити действовало правило «семи рук». Пользуясь всеобщей неразберихой, нужно было перелезть через ограждение и, прежде чем охранники успеют вышвырнуть тебя обратно, с угрожающим жестом семь раз прорычать: «RRRRУКИИ! Ээ! RRRУКИ, я сказал!» После седьмого повторения тебя уже не имели права выгонять – ты внутри, все легитимно. Правило, впрочем, работало только для брюнетов.

Так вот, едва перенесшись с адского московского мороза в теплое фойе клуба, я почувствовал, как таблетка начала действовать. Мой первый трип был совершенно ни на что не похож – не было ни эйфории, ни легкости, ни нежности. Ме-

ня даже не мазало. Не знаю, употребляют ли еще это слово – мазало – но явление, уверен, по-прежнему существует доколе в мире производятся колеса и димыч. Это как оргазм, длящийся пару часов – глаза закатываются, по коже проходит дрожь, хочется раздеться и всем телом скользить по шелковому белью бесконечной двуспальной кровати, изредка бросая взгляды на собственное отражение в зеркальном потолке. Вместо всех этих прелестей я просто на время утратил способность воспринимать чужие слова. То есть, слова-то я слышал – но только каждое в отдельности – сложить же из них предложение решительно не удавалось.

Обдолбанный, я стоял среди всего этого калейдоскопа блестящих предметов и тщеславных ухмылок, когда ко мне подошла Катя – подруга из универа. Она ужасно мне нравилась: высокая голубоглазая блондинка, изящная и тонкая как струна, всегда доброжелательная и улыбчивая, но без всякой телочьей слащавости и хорошестьи. Она была прелестна. Впрочем, яйца я к ней не подкатывал – в нее был влюблен старина Гнус.

– Привет, Марк! – обрадовалась она мне.

– Привет, Кать!

– @#\$\$%? – ее слова, подобно леттристскому стиху, слились в набор звуков.

– Что? – удивленно переспросил я.

– @#%!

– Что? – я, действительно, никак не мог зацепиться за смысл сказанного.

– @-#-\$-%! – произнесла она по слогам.

– Что-что!? Слушай, я не понимаю...

– Ладно, все с тобой ясно, – с разочарованным видом хлопав меня по груди, она нырнула в толпу и исчезла.

Пригорюнившись, я присел у барной стойки, заказал водки и закурил сигарету. В то время все молодые люди курили Парламент Лайтс, стоивший сорок рублей за пачку, или, в крайнем случае, Кент, который стоил рублей на десять дешевле и воспринимался мной как апогей демократичности – этакий нарочитый вызов всему лакшери дискурсу – типа «эй, посмотрите все, какой я рубаха-парень». «Кури Парламент и не выебывайся, чертов хиппи!» – кричало все мое естество при виде таких персонажей. Те же, кто курил какие-то третьи марки (исключая разве что телок, куривших Вог), и вовсе вызывали искреннее недоумение и казались почти инопланетянами. Завидев таких чудаков, я идентифицировал их как *народ*, тех самых, что наступают друг другу на ноги в трамваях, смердят и лезут везде без очереди – тех самых понаехавших и понаостававшихся – вынужденное неудобство, с которым приходилось мириться. Власть бренда в условиях информационного общества была столь сильна, что для иных становилась реальной проблемой и опреде-

ляющим жизненным фактором. Однажды, ботаник с моего курса даже пожаловался в сердцах, что стесняется приходить в курилку со своей пачкой чего-то там.

– Ты че, белены объелся!?! – осадил я его. – Как можно быть таким конъюнктурным? Чтоб не смел больше стесняться. Понял?!

– Понял, – грустно вздохнул он.

Быть жутким снобом, но при случае делать вид, что ты простой парень или простая девчонка – было еще одной характерной чертой уродов вроде меня.

Тем временем передо мной появилась стопка. Я нехотя опрокинул ее, затушил в большой металлической пепельнице сигарету и поехал домой.

2

Класса с восьмого я жил с мыслью, что буду поступать на факультет журналистики МГУ. Не то что бы я мечтал стать журналистом, просто мама всегда хотела, чтобы я пошел именно в Московский университет, а на журфаке уже училась моя сестра и дорожка вроде была проторена. К тому же с детства считалось, что у меня есть способности к письму, а филологический факультет казался чем-то уж слишком

феминным. Об аде вступительных экзаменов я еще не задумывался и знал только, что, когда придет время, каким-то образом *буду* студентом журфака. Подумаешь, рассуждал я, что может быть страшного в этих вступительных экзаменах – поучу пару недель, да и сдам все – собраться только подпоясаться.

Школьное образование после шестого класса я всегда считал пустой тратой времени – куча лишней информации, которая мне вряд ли пригодится в жизни. Ну, может, кроме истории и литературы. Учителя, очевидно, разделяли это мнение и не докучали мне своими предметами, не глядя ставя «удовлетворительно».

Наступил май 2002 года, занятия в экстернате, где за год я закончил десятый и одиннадцатый классы, подходили к концу. Не то чтобы я сильно напрягался – все происходило само собой. Я просто ходил иногда на пары и являлся на экзамены, где нам почти официально разрешали списывать. Как показала практика, этого было достаточно, чтобы получить аттестат без троек. О школе уже можно было забыть, раз и навсегда перевернув эту страницу.

Впереди маячило лето, на которое я не планировал ровным счетом ничего кроме отдыха. Дни напролет, 24x7, я бездельничал со своими друзьями-рэперами, меряясь шириной

штанов и в камень накуриваясь марокканским гашишем. В сущности, не уверен, что он имел какое-то отношение к Марокко, но парень, который нам его продавал, утверждал, что в него добавляют яд скорпиона. Мы смеялись над этим приделом, но сама идея всем нравилась. Еще мы играли в Контер-страйк в компьютерных клубах и стритбол на площадке у дома. Ну, и без телочек, конечно не обходилось.

У Маши, девушки моего приятеля, были прямые темные волосы и идеальная белая кожа с легким румянцем на красивом, озаренном огромными серыми глазами лице. Еще были длинные ноги и чокнутая грудь третьего размера. Маша часто тусовалась с нами.

В тот день мы торчали в баскетбольной коробке во дворе на Беговой улице в ожидании куска гашиша. Солнце мягко пригревало асфальт, трава и листья деревьев, успевшие уже покрыться внушительным слоем городской пыли, монотонно шелестели на ветру. Из огромного кассетного магнитофона, какие носили на плечах би-бои из восьмидесятых – доносились скрэтчи и рифмы Eric B & Rakim. Парни бросали мяч в кольцо, а я сидел чуть поодаль на земле, спиной опершись о деревянную стенку коробки, и записывал в блокнот рифмы, время от времени поглядывая на пританцовывавшую в паре шагов от меня Машу.

*за несколько мгновений до удара в гонг
я выхожу на ринг – еще один раунд
ухожу от ударов как donkey kong
чтоб последнего врага отправить в нокаун*

*как спаун наношу удар за ударом
фактически задаром из темного угла
дождавшись врага и выдохнув паром
ко лбу его приставляю два блестящих ствола*

bang! bang! ...

Рифма не шла, у меня никак не получалось сконцентрироваться и продвинуться дальше этих двух несчастных четверостиший – я все время отвлекался на Машины прелести, мерно подпрыгивавшие в такт бита и басов.

– Бля! Да это же просто не по-христиански! – не выдержал я наконец.

– Что? – перестав танцевать, Маша удивленно посмотрела на меня.

– Да ничего, блин, все классно...

Она со снисходительным видом пожала плечами и поспешила сменить тему:

– Уже знаешь, куда будешь поступать?

– В МГУ, на журфак, – ответил я машинально.

– Серьезно? – мне показалось, что она оживилась, – а я – на юрфак. Жаль только, они в разных частях города находятся – так бы вместе учились.

Услышав это, я со свойственным юности максимализмом, немедленно сделал вывод, что она меня хочет. Черт, мне было всего пятнадцать, и уровень тестостерона просто зашкаливал – кровь била то в голову, то ниже пояса – и ради перспективы провести пару часов в постели с этой крошкой я был готов забить на журналистику и посвятить себя юриспруденции, кибернетике, нидерландистике – да чему угодно.

– А может и на юрфак, – напустил я тумана, – пока не решил.

– Было бы круто, – улыбнулась Маша, – если правда задумаешь, могу поделиться конспектами.

Вот это звучало заманчиво.

Тем же вечером я сидел дома над тарелкой пасты и, подперев рукой голову, уже минут пятнадцать пялился в одну точку. Мама успела загрузить посудомойку и накормить собаку; на улице, как по команде, зажглись фонари, а я все сидел и думал о Машиных сиськах: как они там, интересно?

– Ма, – вдруг опомнился я.

– Что, дорогой? – не глядя на меня, ответила мать и закрыла окно, чтобы заливавшаяся во дворе сигнализация не мешала нашему разговору.

Сформулировав про себя то, что созревало в моей голове уже несколько часов, я осторожно произнес:

– Я понял, что хочу быть юристом.

– А что случилось? – уточнила мама, как ни в чем не бывало, стараясь не выдавать настороженности.

– Думаю, это мое призвание... – поделился я и в тот момент действительно в это поверил.

– Что ж, – она облегченно вздохнула и, снисходительно улыбнувшись, ответила, – почему бы и нет.

Все решилось на другой день. Роль ментора в кампании моего поступления играл один славный профессор, друг семьи. Мама позвонила ему и сообщила, что Марик нашел в себе новое призвание и теперь жаждет стать юристом, а она, как родительница, готова этому способствовать. Собственно, так я и не стал журналистом. Впрочем, уверен, профессия не много от этого потеряла.

В МГУ же я оказался лишь год спустя. Последующие

осень, зима и весна стали для меня сушим адом без друзей и свободного времени – я впахивал как раб на галере, занимаясь с репетиторами по истории, обществознанию, английскому и литературе. Меня дрючили, как шлюху в кабине грузовика, так, что к маю 2003-го я уже и не помнил о существовании этой Маши или как там ее звали.

3

С Муслимом мы познакомились в июне 2003 за пару дней до первого вступительного экзамена на юрфак, во время консультации по литературе, проходившей в Первом Гуманитарном корпусе МГУ – или, проще говоря, *на гуме*. Я и мой кореш Изя, шарообразный горский еврей в джинсовой куртке, которую сам он называл почему-то жилеткой, сучали на последнем ряду поточной аудитории, когда, распахнув выдавшую виды дверь из потрескавшегося ДСП, с большим опозданием вошел бледный худющий абрек с невиданным доселе гонором и тяжелым взглядом. На нем была вызывающе неприталенная рубашка, модного, за пару лет до того, синего цвета, неприглядные узкие джинсы и немислимые туфли с острыми носами, длиной стремящимися к бесконечности. В водворившейся тишине он, гулко цокая каблуками о вздутый почерневший паркет, поднялся на самый верх и уселся рядом с нами на одно из откидных сидений с разодранной дерматиновой обшивкой и торчавшими из него

обрывками рыжего поролона. Консультация возобновилась. Мы с Изей были отрезаны от выхода и, молча глядя на лектора, просидели до самого конца. Когда вопросы абитуриентов иссякли, а вещавший с кафедры профессор пожелал всем удачи и удалился, Муслим повернулся к нам и произнес сакральное:

– Салам алейкум, пацаны.

Это был первый в моей жизни салам алейкум, положивший начало целой плеяде последующих – тех, что мне еще только предстояло услышать и произнести. Веха своего рода – почти как девственность потерять.

Собрав пожитки, мы вместе вышли из корпуса и закурили.

– Ну, чо, стремно перед экзаменом? – улыбаясь одними глазами, спросил Муслим.

– Ну, так, – ответил Изя с видом человека, осведомленного лучше других, но наш собеседник, казалось, не заметил этих ноток.

– Главное – намаз делай, братан, и все ровно будет, – посоветовал Муслим, и на всякий случай уточнил, – делаешь намаз?

Изя замялся и не ответил. Он просто стоял как истукан, уставившись на невзрачный фасад первого *гума*, составленный из огромных немых окон и серых, потрепанных временем и непогодой, панелей. Изя почему-то не спешил объяснять Муслиму, что евреи не делают намаз – не знаю, может, не хотел разочаровывать.

– Ааа, не делаешь! – с лукавой улыбкой погрозил ему пальцем Муслим. – Вы, кстати, сами откуда, пацаны?

– Я из Дагестана, – оживился Изя, родившийся, впрочем, в Одинцово и в Дагестане бывавший всего пару раз.

– А я отсюда, – кивнул я в сторону Ленинского и почти застеснялся того, что, как и родители, родился и вырос в Москве.

– Я с Нальчика, – отрекомендовался Муслим и, со значительным видом подняв палец, продолжил, обращаясь к Изе, – делай намаз, братан! Если в течение дня не успеваешь, вечером сразу за весь день делай – от перемены мест слагаемых, сумма не меняется.

Часы пробили два и воздух, как слюда, дрожал на палящем солнце. Я взглянул на Изию. От жары его грузное тело разбухло еще сильнее. Он весь покрылся испариной, а крупная капля пота, уже с минуту разраставшаяся у него на лбу, сорвалась, наконец, с места и лавиной обрушилась вниз – через висок и щеку, лавируя между толстыми смоляными во-

лосками его редкой щетины – пока, словно в лунку, не ска- тилась в уголок рта. Молниеносным движением, словно ха- мелеон, Изя выкатил язык и слизнул ее.

– Ладно, рад был познакомиться, – потушив сигарету, прервал я неловкую паузу и протянул Муслиму руку, – на экзамене увидимся.

Мы распрощались и разошлись – Муслим побрел обратно в корпус, а мы – в сторону метро. Всю дорогу мы с Изей шли молча.

«Мощный человек, – думал я про нового знакомого, – ни- когда еще не видел, чтобы люди *так* вживались». В этом ху- дом узкоплечем парне чувствовалась нестигаемая сила духа и готовность покорять своей воле всякого.

Меня нервически передернуло.

– Этот Муслим много внимания привлекает, – с делови- тым видом заключил Изя, доедая купленную у метро шаур- му, – когда поступим, можно будет с ним общаться, а сейчас лучше не надо.

Я не стал возражать.

Полакомившись шаурмой, мы поехали покупать мне костюм и туфли для экзаменов. Нужно было выглядеть шикарно.

4

Не знаю, делал ли Изя намаз, но за сочинение он получил 3/2 или что-то в этом роде, срезавшись таким образом на первом же экзамене. Зато Муслим и я успешно преодолели этот рубеж и снова столкнулись на гуме перед консультацией по обществузнанию.

– Как ты, братское сердце? – улыбнулся он, заведя меня в коридоре первого этажа.

– Нормально. Ты как?

– Со дня на день, – ответил он, подразумевая под этим что-то типа «потихоньку», и неопределенно покрутил ладонью, – а даг где?

– Сочинение не сдал.

– Не вывез тему? – серьезное выражение лица Муслима сделалось почти сочувственным.

– Типа того.

– Бывает, чо поделать.

– Ну да.

Мимо нас, через просторный, отделанный серым мрамором

ром холл, вереницей тянулись абитуриенты. «Как со смены на заводе» – подумал я, но промолчал. Муслим смотрел на меня все тем же сочувственным взглядом. Я не знал, что тут еще сказать.

– Ладно, братан, увидимся еще, – он похлопал меня по плечу и продолжил свой путь к мировому господству.

Высидев консультацию, я подждал телочку из моей группы с занятий по обществознанию и праву, обещавшую отксерить для меня недостающие конспекты. Не желая тухнуть в душном корпусе, я вышел на крыльцо большого сачка – как в университете называли восточный вестибюль первого гума – тот, что со стороны проспекта Вернадского. Стоя под козырьком и опершись о колонну, я курил свой легкий Парламент и наблюдал за красивой блондинкой с томными голубыми глазами и незажженной сигаретой во рту. Она увлеченно рылась в дебрях собственной сумочки – очевидно, в поисках зажигалки. Сессия даже у самых нерадивых студентов давно закончилась, и можно было сделать вывод, что эта крошка была абитуриенткой. Вся вылощено-пастельная, как Хизер Локлир в Династии, для своих семнадцати она выглядела неприлично шикарно. Легкий средиземноморский загар, шмотки и украшения, как со страниц глянцевого журнала, укладка – все выдавало в ней маленькую мажорку. Умиленно глядя на нее, я на какое-то мгновение даже задумался.

мался над тем, что стою на пороге первого пятилетнего этапа новой взрослой жизни и, кто знает, быть может, именно эта красотка с надменным фэйсом – моя будущая жена – черт знает, чего ждать от этого МГУ. Тем временем, отчаявшись отыскать зажигалку, красотка бросила на меня беспомощный взгляд. Не считав послания, я продолжал тупо смотреть на нее довольно отрешенным, надо полагать, взором – я слишком много курил, чтобы додуматься предложить ей огня.

– У тебя нет зажигалки? – сдавшись, попросила она.

С равнодушным видом я сделал несколько шагов ей навстречу и молча дал прикурить. Со стороны это вряд ли было заметно, но она произвела на меня впечатление.

Тем сильнее стал мой облом, когда на следующий день я завалил экзамен по праву. Не зная порядочно ни одного билета, я, тем не менее, был уверен в конечном успехе предприятия. Оказавшись в аудитории, я сел за парту, перечитал доставшиеся мне вопросы и стал судорожно вспоминать хоть что-нибудь – и что-то даже вспомнил, но ответ мой, не смотря на это, оказался не слишком внятным. По десятибалльной шкале его оценили только на пять.

– Хотите, могу один поставить, – съехидничал младший

экзаменатор, когда я начал вполголоса нервно плести что-то о секретных списках.

Такие и правда существовали и, более того, по договоренности с одной влиятельной университетской матроной, я должен был в них числиться. За поступление на юрфак она объявила нам двадцать тысяч долларов – и, насколько мне известно, эта цена была тогда стандартной. Еще около двадцати мама отдала за моих репетиторов: по литературе, праву, истории и английскому, который в итоге вообще отменили.

Матрона объясняла, что в рамках существовавшей системы, преподаватели, входившие в экзаменационную комиссию, составляли списки «своих» абитуриентов. Поэтому, придя на экзамен, заряженные детишки, даже не попав к своему преподу, гарантированно получали проходной балл.

– Ставьте пять, – махнув рукой, ответил я и поплелся к выходу. В сбой системы мне как-то не верилось, а в голове промелькнуло трагикомичное «нас предали».

Узнав о постигшем меня Ватерлоо, мама, приехавшая забрать свое чадо после экзамена, моментально поменялась в лице и спешно начала кому-то звонить. Отойдя в сторону, она долго разговаривала по телефону, и в тот же день все бы-

ло решено – мы забрали деньги у обосравшейся матроны и вновь обратились к маминному знакомому, который нас к ней отправил. Он предложил возможные варианты дальнейшего развития событий – поступать снова через год или выбрать другой факультет. Откладывать начало студенческой жизни мне совершенно не улыбалось, да и на юрфаке свет клином не сошелся, поэтому, недолго думая, я согласился на только что созданный Факультет Мирового Господства. Оставалось только явиться на экзамен по истории отечества и получить на нем высший балл, но это уже было формальностью.

5

Явившись на экзамен по истории, я заметил, что ряды абитуриентов серьезно поредели. Это особенно бросалось в глаза в огромном конференц-зале Первого гума, откуда, позже, всех нас по очереди препровождали в экзаменационные аудитории на седьмом этаже. На откидных, обшитых бордовым велюром, креслах одного из рядов я увидел ребят из своей группы по обществознанию. Подойдя ближе, я был приятно удивлен, заметив среди них и ту самую блондинку, на которую пялился у входа в корпус несколько дней назад. Она потрясающе выглядела и явно знала об этом. Я поздоровался со всеми и сел рядом, поймав себя на мысли, что все складывается как в кино. Ее звали Лиза. Она смотрела на меня с нескрываемым интересом. Через каких-нибудь четверть ча-

са, разговорившись, мы вышли на улицу покурить. Погода стояла паршивая: с затянутого серой пеленой неба, прибывая к земле июльскую пыль, вяло падали редкие капли дождя. Что-то явно намечалось.

– В костюме ты совсем по-другому выглядишь. Такой ло-
щенный, – похвалила Лиза мой туалет.

– Довольно непривычно себя в таком виде чувствую, –
улыбнулся я и ответил встречной любезностью, – ты тоже
прекрасно выглядишь. Я кстати видел тебя пару дней назад.
Помнишь, я дал тебе прикурить?

– Да, но вообще-то мы с тобой и до этого пересекались
– на занятиях по праву, – удивленно ответила Лиза, – мы
ходили к одному репетитору.

– К Владимиру Иванычу? Странно, я тебя там не видел.

– А еще обедать вместе ходили, – Лиза снисходительно
улыбнулась, как будто говорила *hello-o-o*, - ну, в смысле тоже
всей группой.

– Серьезно?

– Боже! Как ты мог меня не запомнить?

– Действительно странно, потому что сейчас я просто не
могу оторвать от тебя глаз.

– Видимо на занятиях на кого-то другого смотрел, – ух-
мыльнулась Лиза.

– Да, на Владимира Иваныча...

– Хах, да, очевидно. Я кстати только поэтому к тебе и об-

ратилась, что мы вроде как знакомы.

– Ну, теперь могу пообещать, что уже не забуду тебя, – лукаво улыбнулся я.

В ответ на этот неуклюжий реверанс она, разомкнув красивые пухлые губы, выпустила струйку сизого дыма и одарила меня одним из этих женских сексуально-провокационных взглядов, призванных лишать рассудка. В ее случае это действительно работало. Так, несколько секунд мы стояли и молча пялились друг на друга – в романтических комедиях такие сцены сопровождаются слащаво-занудными саундтреками и 3D графикой с голубями и сердечками.

– Классная рубашка. Что это? – вернувшись к реальности, поинтересовалась Лиза и заботливо смахнула с моего плеча пару капель дождя, предательски упавших с карниза, под которым мы прятались.

Не знаю, то ли мы были детьми, то ли это и впрямь было в духе времени, но все в обязательном порядке спрашивали друг друга о подобных вещах, не видя в этом ничего зазорного. Я, правда, был исключением. Да и то, только потому, что слишком концентрировался на себе. Мне было откровенно насрать, что на ком надето – и уж, во всяком случае, кто это сшил.

– Не помню. Если хочешь, посмотри, что написано, – я оттянул слегка ворот.

– Прикольная фирма – мне нравится, – с интересом взглянув, заключила Лиза, казалось, не заметив мой ироничный взгляд.

Докурив, мы вполне довольные друг другом вернулись в конференц-зал и вскоре отправились сдавать экзамен.

Вдоволь накокетничавшись, свой билет я ответил на «отлично». Весь этот ад и нервозность были позади – я готов был пуститься во все тяжкие. Думаю, то же испытывали все новоявленные студенты – всем страстно хотелось *по полной*, а новая жизнь начиналась прямо здесь и сейчас.

Сразу после экзамена человек пятнадцать будущих юристов, в основном из числа моих бывших одноклассников, собрались в неоправданно дорогом пивняке рядом с университетом, чтобы не отходя от кассы, прямо по горячим следам отпраздновать успешное поступление в МГУ. Пиво я не любил и в качестве альтернативы заказал сто грамм Хеннесси ХО, упоминаемого в каждой второй англоязычной хип-хоп композиции тех лет, как неотъемлемый атрибут жизни богатых темнокожих гангстеров. Не то чтобы я был ценителем коньяка, напротив, до того дня я вообще ни разу его не пробовал. Выбор же обуславливался исключительно конъюнкту-

рой – очень хотелось быть крутым, а парни вроде Снуп Догга и Редмана кое-что в этом смыслили. Тем более в глазах сидевшей рядом Лизы, это, как мне казалось, выгодно отличало меня от остальных – попивающих пивас. Когда принесли угрожающего вида sniffтер, я деловито покрутил его в ладони, оценил аромат и пригубил. Обжигающая язык и губы сильно пахнувшая жидкость оказалась совсем не тем, что я ожидал. «И это, блядь, и есть Хеннесси?!» – возмутился я про себя – «все-таки этим черным гопникам нельзя доверять». По всему выходило, что с пойлом придется повозиться. Час спустя, уже отобедав, я таки додумался заказать кофе и добавить коньяк в него, но не успел допить, как все стали собираться. Ехать домой мне хотелось меньше всего, поэтому, когда одна из присутствовавших телочек предложила продолжить веселье у нее, я не раздумывая согласился. Тем более туда собиралась и Лиза.

Когда мы доехали до места, все были уже изрядно подшофе. Шампанское быстро закончилось, и сразу же началась водка. Смешав ее с морсом, мы с Лизой уже минут тридцать торчали на балконе, ведя довольно нелепую беседу о больших деньгах, нешуточных страстях и пресыщении жизнью – или о чем-то не менее вопиющем.

– Понимаешь в чем дело, мне скучно жить, в свои семнадцать я перепробовал все, что люди не успевают попробо-

вать за всю жизнь, – раскачивал я, подразумевая под этим несколько половых актов, дюжину поездок в дальнее зарубежье и с полсотни выкуренных косяков. Я пребывал под сильным впечатлением от лермонтовского «Героя нашего времени», разобранного вдоль и поперек при подготовке к экзамену по литературе, и взял моду вешать телочкам за рефлексию и хандру, проводя показательный самоанализ с метаниями между Печориным и Грушницким – кто же я, черт возьми.

– Это юношеский максимализм, у тебя впереди еще столько всего, ради чего стоит жить... – переубедила меня Лиза.

– Я думаю забить на университет и свалить в Шао-Линь, – с видом бывалого отвечал я.

– Отдыхать?

– Нет, хочу стать монахом.

– Зачем монахом? – удивилась она, – не надо тебе в Шао Линь!

– А что меня здесь держит?

– Уверена, здесь тебя ждет большое будущее.

– Это мирское...

– Ты самый странный человек, которого я когда-либо встречала! – покачала она головой.

Не знаю, почему телочки так велись на подобные бредни, но в тот момент меня больше заботил производимый эффект нежели хреновы психологические механизмы. Я поднялся с

пола и, опершись задницей о подоконник, посмотрел на небо – ни одной звезды. Я протянул Лизе руку. Она нежно посмотрела мне в глаза и, сжав мою ладонь в своей, готова была оказаться в моих объятьях, но, поднимаясь, больно ударилась спиной о створку открытого окна и вновь оказалась на полу. Наши руки разомкнулись. Она застонала.

Я буркнул что-то об улетучившейся магии и вышел с балкона.

В гостиной надрывались колонки, какой-то парень в трусах и расстегнутой сорочке под запонки стоял на столе с бутылкой виски и читал рэп в унисон с доносившимся из колонок треком – впрочем, на него никто особо не обращал внимания. Вокруг бесновались телочки, кто-то танцевал, вульгарно потрясая жопой, кто-то просто валялся на диване, уже не в силах стоять на ногах. Заглянув в одну из спален, я наткнулся на оргию – несколько человек с упоением жарилось в родительской постели, а в чьей-то заднице пикантно поблескивала пустая пивная бутылка. Я быстро закрыл дверь и прошел на кухню. За столом вокруг запотевшего пузыря с водкой сидели три чувака с суровыми лицами и обсуждали что-то очень мужественное, в глубине души ненавидя себя за то, что стесняются подойти к девочкам. Словом, это была стереотипная студенческая вечеринка, немного более разнузданная, чем обычно, в виду знаменательного повода.

Сделав круг почета и убедившись, что ничего интересного не происходит, я вернулся на балкон. Лиза все еще сидела на полу со своим стаканом.

– Ты в порядке? – спросил я.

– Да, все нормально, – казалось, она уже забыла о случившемся, – спать хочу.

– Я тоже. Поднимайся, а то здесь уснешь.

Я помог ей встать и отвел в свободную комнату. Упав на кровать, мы какое-то время молча лежали рядом. Было очевидно, что у нас будет секс, но я не хотел сразу же набрасываться на нее – мне просто нравилось лежать с ней так, ничего не делая. «С ума сойти, – думал я, – еще утром я был просто мальчишкой предпризывного возраста, которому понравилась незнакомая красотка на улице, а сейчас я уже студент МГУ, валяюсь с ней в постели, и с минуты на минуту мы будем жариться». Размышляя так, я провел минут пять или десять в бездействии, пока не испугался, что кто-то из нас может заснуть и тогда все пойдет прахом – наутро после подобных вечеринок обычно бывает не до секса. Поэтому я поднялся на локте, коснулся ладонью ее щеки и поцеловал красивые разомкнутые губы, намазанные этой пастельной бледно-розовой помадой – как в начале нулевых красилась Дженнифер Лопез. Обошлось без подвигов. Мы быстро перепихнулись и с чувством выполненного долга вырубил-

лись до утра.

После полудня все проснулись злые и помятые с жесточайшим сушняком и, надо полагать, убийственным перегастром. Я открыл глаза. Лизы рядом не оказалось. Я наткнулся на нее выйдя из комнаты – она выглядела немного отекавшей, но все же куда более свежей, чем я.

– Доброе утро, – натянуто улыбнулась она.

– Доброе.

– Как ты себя чувствуешь?

– Плохо, но, думаю, лучше, чем выгляжу, – судя по ее улыбке, я попал в яблочко.

Наскоро умывшись и выпив кофе, все разъехались по домам, предоставив хозяйке квартиры заняться уборкой. Впереди меня ждала Сицилия.

6

Вернувшись в Москву и взяв курс на радикальную смену образа, я отпустил длинные волосы, как в 60-е носили Битглз, а в 00-е преимущественно чеченцы; дорвавшись до магазинов дизайнерских шмоток, стал методично заполнять гардероб вальяжными замшевыми пиджаками, туфлями из меха несчастных пони, клешами из затертого денима, сто-

ившего жизни десяткам турецких рабочих, запрещенными леопардовыми куртками от старушки Вивьен, невысказанными брендованными панамками и прочим китчем.

Гигиена и забота о внешности были возведены в статус религии. Каждое утро я проводил по паре часов в ванной – принимал душ, мазался всякой хренью, тер скрабом лицо, возился с бровями и укладкой. Упаковки геля для волос мне хватало в лучшем случае на пару недель. Маникюр, педикюр, солярий каждые три дня – все это стало образом жизни. «Тот самый Марк, который в розовом» – объясняли друг другу студентки, «ну, самый загорелый парень в МГУ». Это казалось вполне себе титулом.

Понаблатыкавшись за год занятий с репетитором по литературе, я стал бесстыдно втирать телочкам за тоску, жонглируя мотивами и персонажами русского реализма, пописывать лиричный рэп со ссылками на классиков и эксплуатировать образ так называемого *дабл-рок* – что расшифровывалось как полурэперок-полупидарок – или метросексуального рэпера. Не знаю, как я это выдумал, но все были в восторге.

Весь свет московского университета с самого утра собирался в третьем доме по улице Академика Хохлова – легендарном кафе Макс МГУ, ныне закрытом. То была святая

святых, Мекка для безудержных мажоров. Макс слыл единственным местом в мире, где даже в девять утра телочки не появлялись без вечернего макияжа и туалета. Тут и там мелькали сумки Луи Виттон в количествах таких, что на них впопыху было открывать сезон охоты – с каждым днем их становилось все больше и больше, и вскоре уже нельзя было поручиться, какие из них куплены в подземном переходе на Пушкинской, а какие в бутике на углу Столешникова. Виноваты же, как водится, были кавказцы – на этот раз со своим комендантским часом для девушек. Не важно, что доча уже носила окладистые усы и в одиночку создавала шума и суеты за десятерых итальянок в базарный день – она не могла быть себе хозяйкой: родительский гнет заканчивался только с началом супружеского. Мне это всегда казалось каким-то алогизмом: на кой черт им столько дорогих тряпок, если с наступлением темноты уже надо быть дома? Ведь где-то их нужно выгуливать! Вот они и наряжались – в студенческое кафе ранним утром. Всем прочим барышням, приходилось принимать суровые правила игры, дабы соответствовать жестким стандартам провинциального шика.

У мужского пола все было проще. Те, кто посмышленней, с ног до головы увешивались шмотками с логотипами модных домов. Обязательно нужно было, чтобы на жопе красовалась надпись RICH, и кофта, чтоб непременно тоже именная. И куртка. А на ногах – борцовки, желательно крас-

ные. Вообще, в моде тогда были клеши, причем, если сравнивать с семидесятыми – довольно безобидная их интерпретация – но шли они далеко не всем, и большинство носило прямые джинсы или некое подобие «морковок».

Массовая миграция выходцев из южных регионов в Первопрестольную еще только начинал приобретать промышленные масштабы. У юных, едва спустившихся с гор, ребята глаза вылезали на лоб при виде московской разнузданности и вседозволенности. Они еще не готовы были принять местные тренды (повторявшие глобальные), как нечто недостаточно мужественное и не солидное. А может просто не отстреливали фишку, и потому творили собственную моду, наряжаясь в черные шмотки и неизменные шерстяные или акриловые шапки без отворота, плотно облежавшие патлатые головы. На лбу обязательно должен был красоваться стилизованный орел или инициалы итальянского дизайнера, чье имя созвучно названиям сразу двух кавказских народов. На этих шапках и отводили душу. Так, у студента исторического факультета Габи, совсем не было плечей, зато был огромный нос и вот такая шапка, купленная, по его признанию, за восемьдесят тысяч рублей – или около четырех тысяч долларов в пересчете на тот курс.

В воздухе витал неистовый дух R&B, причем в Москве он все чаще трактовался как Rich&Beautiful. Жадно вдыхая его,

приезжие (первое время ходившие в ночные клубы только затем, чтобы кипишнуть с местными) усваивали, что правило есть одно и довольно простое: важно быть богатым, а значит, вещи должны быть именными. Пусть даже имя это выдумали на Черкизовском рынке.

Вообще абсолютное большинство считавших себя причастными ко всему этому лакшери, прости господи, дискусу жили по лаконичному своду истин, берущих корни, вероятно, из очередной нетленки Минаева или Робски. Эти мудрости можно было лицезреть в каждой второй анкете на сайтах знакомств, выполнявших в то время роль социальных сетей:

*Чувства – как Louis Vuitton – или настоящие, или не надо.
Понты – как шубы Roberto Cavalli – идут только Филиппу Киркорову.*

Секс – как Gucci – много не бывает.

Кокаин – как Versace – уже не модно, но многие привыкли.

Сигареты – как Valentino – элегантно, но старит.

Алкоголь – как Dolce&Gabbana – только в меру.

Замуж – как Chanel – традиционно все хотят.

Скромность – как Cartier – украшает.

Выйдя с семинара по фонетике английского языка, проходившего на девятом этаже первого гума, я вошел в лифт и нажал на кнопку «1». Выдержав небольшую паузу, двери плавно закрылись, и я почувствовал, как пол подо мной стал медленно опускаться. Взглянув на загнутые носы своих немислимых казаков, я почти машинально коснулся нагрудного кармана пиджака, нащупав в нем массивный косяк, украдкой скрученный за время пары. Я уже предвкушал как выйду из корпуса, как взорву, залечу, как охваченные огнем будут потрескивать бошки, когда по усыпанной осенней листвой аллее я прогулочным шагом побреду по направлению к Главному зданию, пуская в воздух клубы густого едкого дыма. Томясь предвкушением, я с досадой отметил для себя, что новые лифты были какими-то чересчур вальяжными, точнее тупо долгими – то есть не как Кадиллак, а, скорее, как Волга. Едва эта мысль промелькнула у меня в голове, как лифт остановился на седьмом.

– Ваш покой топтал, – зло прошептал я недавно освоенную фразу.

Из-за открывшихся дверей появился Муслим – в приталенной, по моде измятой рубашке с коротким рукавом и погонами. Он был все также худ и бледен, а взгляд его выражал ласковое снисхождение.

За тридцать дней в МГУ Муслим успел освоиться и стать кем-то вроде смотрящего за первокурсниками. Он объяснял вчерашним школьникам что правильно, а что нет, подкрепляя свои слова двумя беспрекословно авторитетными для них источниками – Кораном и воровскими понятиями. Муслим стремился нести знание и порядок в темные массы невменяемых абреков и первое время все с удовольствием слушали его речи.

Следом за Мусликом в лифт вошел импульсивный человек в спортивном костюме и натянутой на глаза панаме. Ростом он был примерно с меня – около ста восьмидесяти – но покрепче.

– Салам! Как ты, братское сердце? – обрадовался мне Муслим.

– Салам, – ответил я, – да устал на семинарах, прогуляться хочу. Сам-то как?

– Ничо, по-тихому. Вот, познакомься – это Джамал, земляк мой.

– Марк, – протянул я руку.

– Джа, – уточнили из-под панамы.

– А чо, братан, шабануть есть вариант? – взяв меня под руку, поинтересовался Муслим.

– В смысле, шабануть? – тогда я еще не вполне понимал весь этот слэнг и потому сообразил не сразу.

– Ну, в плане шмали.

Догадавшись, что речь идет о траве, я подхватил косяк за крайнюю плоть и вытянул его из кармана. Муслим уважительно кивнул.

– Кайф, щас с него вместе приколимся? – предложил он.

– Давайте, я как раз хотел дунуть.

В эту секунду лифт снова остановился – на этот раз уже на четвертом. Двери медленно открылись, и я увидел высокого бритоголового парня в черно-белой торпедовской розе. Он было шагнул к лифту, но, заметив встречное движение, остановился на пороге.

– Эу! Скинхед! – с силой ударив кулаком по металлической панели с кнопками, прорычал Джа.

Двухметровый фанат с интересом взглянул на странно-го человека в панаме, смотревшего на него как на жертву. Мгновенье помедлив, фанат, видимо, смекнул, что с четвертого можно спуститься и пешком. Или, может, ему просто надо было наверх. Факт тот, что он остался на месте. В повисшей тяжелой тишине, я несколько раз нажал на кнопку закрытия дверей, но она, как на зло, не работала. Я заметил, как вздувались вены на шее Джа, почувствовал, как сжима-

лись его челюсти – казалось он сейчас взорвется. Спустя вечность, двери все же закрылись, и мы поехали дальше.

– Гондоны! Я слышал, они тут черных прессуют! – негодовал Джа, – я поэтому и приехал сюда учиться – чтобы их на место ставить.

Я вопросительно посмотрел на Муслима. Заметив мой взгляд, тот ухмыльнулся и произнес вполголоса: «Ничо, акклиматизируется».

Мы вышли на улицу с маленького сачка. Погода была отличной, осенней – чистое небо, сухой асфальт, усыпанный желтыми листьями. На последнюю пару я все равно решил забить, так что из списка дел на день, оставалось вычеркнуть всего один пункт – «дунуть». Мы решили отправиться на бейсбольный стадион – ни с чем не сравнимое удовольствие скурить косяк на пустующей трибуне и посмотреть непонятную игру с битами и перчатками.

– Не, я не против русских, – немного успокоившись, объяснял Джа, – у нас в Нальчике почти в каждой толпишке среди черных хотя бы один русский пацан есть – и здесь тоже есть охуенные пацаны. Просто эти скинхеды, шакалы, толпой на одного прыгают, а честно, раз на раз выйти, жопы не хватает.

– Я их тоже не люблю, – пожал я плечами, – на рэперов они тоже кидаются.

– А ты чо, рэпер? – осмотрев мой прикид, усомнился Джа.

– Ну, так, почитываю.

– По тебе не скажешь, – заметил он, – а-ну, кайф поддержи, по-братски, зачитай чо-нить!

Так, почитывая друг другу рэпчик, мы шли через баскетбольные площадки и беговые дорожки. Прямо перед нами пронеслись три поджарые красотики, сдававшие нормативы по физкультуре. Рельефные загорелые тела, затянутые в топы и короткие шорты, подтянутые задницы, напряженные икры, хвосты шелковистых волос, торчавшие из бейсболок с логотипами команд формулы-1 – я все еще провожал их взглядом.

– А вон, приколись, какая фифа чешет, – улыбнулся Муслим и кивнул в сторону полной девчонки в дурацком спортивном костюме.

– Она, наверное, думает: зато я умная, – съязвил я.

Поднявшись, наконец, на трибуну, мы были слегка разочарованы – на поле тренировались дети в красно-белой форме, судя по росту – из младших классов школы. Они даже толком не попадали по мячу. Глядя на них мы делали напас

за напасом, передавая джойнт из рук в руки или пуская друг другу паровозы. Между тем дети слились в хаотично движущееся красно-белое месиво, от наблюдения за которым у меня закружилась голова – так, что я чуть не блеванул.

Покурив, Джа окончательно присмирел, а Муслим только добродушно улыбался, выглядывая через щелки своих покрасневших глаз. Когда шмаль закончилась, мы решили отправиться в кафе Макс – съесть по сэндвичу и выпить газировки. По дороге выяснилось, что Джа – не только эмси, но и диджей, а еще боксер и в придачу на четверть эстонец. Прожив всю жизнь в горах, он смотрел на вещи совершенно иначе, нежели москвичи, но в сравнении с другими черными был куда более искренним и не таким категоричным. Он был одним из тех сказочных персонажей, которые даже говоря ложь или преувеличивая, были честнее иных говоривших правду. Словом, он показался вполне славным малым.

8

Ноябрь, половина девятого утра. Сидя на переднем сиденье ржавой оранжевой «шестерки», пойманной за сто рублей до университета, я давился первой утренней сигаретой. Было уже светло, но от лучей солнца, сиявшего где-то наверху, город отделяла мутная пелена облаков. Погода стояла на редкость паршивая: накануне шел снег с дождем, потом уда-

рил мороз, а вся дорога была густо залита мерзкой жижей лужковского коктейля. Я безучастно смотрел в окно на еле двигавшиеся в коматозе утренней пробки машины и думал о своих новых университетских друзьях – Муслиме, Джама-ле, Айке, Гагике, Лорике, Карапете, Якубе, Хусике и многих других. С тех пор как я поступил в МГУ, они практически вытеснили из моей жизни всех прочих. Конечно, где-то они вели себя невоспитанно, где-то были чрезмерно агрессивны, где-то провинциальны – но по мне, они все были классными ребятами.

Нам никогда не бывало скучно, вся жизнь превратилась в сплошную авантюру – смесь Крестного отца и рассказов О.Генри. Как вычислить гондона по транзитным номерам? Кому перепродать устройства, перехватывающие сигнал автомобильных противоугонков (но там можно только от пяти штук брать)? Где замутить ствол? Как щас у осетин с ингушами? Спросите об этом нас, а бонусом узнаете, как лихо мы пошпилили накануне в игровых автоматах или воткнули ко-го-то на светофоре, ну, или у кого какого цвета будет Бентли; и, разумеется, любой из нас в любое время дня и ночи готов был купить или продать мобильный телефон. В этом волшебном мире не было места пресности и прозе – лишь героическому эпосу и боевикам с Майклом Дудиковым.

А на каком живом, полном блестящих жаргонизмов языке

мы общались! Мы целыми днями только и делали, что «петочились», «втыкали», «топтали покой», «закидывали салам-чики», «мотали сиськи». Все это привнесли в мою жизнь новые друзья.

– Какие же они, черт возьми, самобытные, а какие затейники, – думал я, – дух захватывает!

Однако далеко не все разделяли мои восторги. Например, среди посетителей кафе Макс – места, которое мы считали своим – до заката солнца нельзя было отыскать ни одного блондина. Зато туда периодически приезжали отцы кого-нибудь из ребят. Седовласые патриархи в солидных костюмах собирали вокруг себя друзей сына – за столиком в некурящей зоне – и каждому покупали стакан пепси-колы. Сидя с бумажными стаканами в руках, они терли свои загадочные терки на неведомом языке, а если сказать было нечего или просто не хотелось разговаривать, могли часами сидеть молча. Главным в этом деле было, упершись кулаком в коленку, подальше выставлять локоть и вообще стараться выглядеть как можно солиднее. Кстати, тогда же я впервые столкнулся с нерусским национализмом – на такие посиделки подтягивали, как правило, только земляков и говорили не по-русски. Тогда же я впервые задумался о национальном самоопределении – познакомившись с новым человеком, хорошим тоном считалось сразу же спросить: «братуха, не обессудь, сам

кто по нации?» Будучи евреем по отцу и русским по матери, я не входил ни в одну диаспору и на таких тусовках оказывался всего пару раз. Впрочем, в обоих случаях, разжившись стаканом газировки, я под каким-нибудь благовидным предложением вскоре соскакивал. Не то чтобы имел что-то против или хотел выказать неуважение, а просто – с одной стороны – хотел пить, а – с другой – знал массу более интересных способов убить пару часов своей жизни. В сущности, почти все способы казались мне более интересными. Но это уж кто как время проводит.

9

«Слухами земля полнится» – гласит поговорка. Что до МГУ, он не просто полнился, а кишел ими. В университетской социально-коммуникационной системе они играли важнейшую роль. Их запускали о себе, о других, чтобы выситься, низвергнуть врагов или просто развлечься.

Хорошая сплетня распространялась как эпидемия гриппа, передаваясь воздушно-капельным путем, постоянно мутируя и видоизменяясь, обходя стороной лишь немногих имевших иммунитет. Поделиться свежей новостью в Максе или на большом сачке во время перемены было тем же, что чихнуть в переполненном вагоне метро в час пик – в зоне поражения оказывались все окружающие. Источником заразы

мог служить любой желающий, а главных переносчика было два. Первый – студенческий сайт Сачок – интернет ресурс с довольно высокой на тот момент посещаемостью, удобным интерфейсом и разделением на ВУЗы, факультеты, конференции и форумы. Обычно там обсуждали кто круче, кто самый красивый или кто с кем спит. Впервые посетив Сачок, я был ужасно разочарован не найдя в общем списке Факультет мирового господства и незамедлительно написал письмо в администрацию, требуя, чтобы эта оплошность была поскорее исправлена. Я жаждал грязи.

Вторым переносчиком была Зармануш – девчонка с исторического факультета – старая-добрая сплетница. В сравнении с Сачком, ее амплуа казалось пережитком прошлого века, как дилижанс, футбольный либеро или теле-маркетинг, однако вопреки всей кажущейся архаичности, при правильном таргетировании Зармануш попадала в целевую аудиторию с погрешностью, близящейся к нулю, а также служила отличным катализатором сарафанного радио. Впрочем, сачок был куда более охватным медиумом.

И там, и там были свои плюсы и минусы. Сачок напоминал огромное сетевое рекламное агентство – солидное и отлаженное, но в то же время медленное и неповоротливое. Зармануш же – как небольшая креативная студия или предприимчивый фри-лансер – была куда более мобильной, но

зачастую непредсказуемой и ненадежной. Сплетню на Сачке можно было остановить в любой момент, удалив пост; Зармануш переставала мусолить новость только когда та ей надоедала. Сачок был порожденной человеком машиной, электронным ресурсом, существовавшим лишь в виртуальном мире, холодным и бездушным, в то время как Зармануш приносила в стены университета поистине домашний уют отдаленной высокогорной селухи на полпути к пику Машука или Арарата. И самое главное – в отличие от Сачка, Зармануш невозможно было игнорировать: поймав свою жертву за пуговицу где-нибудь в коридоре, она сполна выкладывала все, что имела сказать. В целом же, между двумя медиа не было никакого антагонизма, они мирно сосуществовали и дополняли друг друга.

Классифицируя университетские слухи, следует выделить две основные категории: пиар и черный пиар. Однако в отличие от жизни, где «черный пиар – тоже пиар», в реалиях университета все было наоборот – жажда славы и публичности зачастую приносила только позор и насмешки, не подслащенные никакими дивидендами.

Открыв для себя Сачок, я пару месяцев увлеченно следил за конференцией, посвященной неким Яне и Азамату, нареченным самой скандальной и яркой парой юридического факультета. О ней писали, что нет барышни красивей и мод-

ней, о нем – что он атлет со сталью в голосе и огнем в глазах, и оба они, разумеется, сказочно богаты. Я представлял себе ослепительную голливудскую пару с развевающимися на ветру шелковистыми локонами, жемчужно-белыми зубами, сладострастно прикусившими пухлые губы; одеты они должны были быть в небрежно распахнутые сорочки, обнажившие загорелую грудь – накачанную у него и накачанную силиконом у нее; ну, и, конечно, толпе папарацци, со вспышками и на мотороллерах, вменялось преследовать этих двоих везде, куда бы они не ступили. Я даже немного комплексовал, что мы не знакомы. Всякий раз приходя в Инфинити, я был готов к встрече с ними в любой момент и даже пьяным старался держаться достойно. Иногда мне казалось, что я чувствую на себе их благосклонные взгляды откуда-то из глубин VIP-зоны – я крутил головой, но вокруг были только пьяные первокурсники в шмотках с огромными логотипами.

Моя мама любила повторять, что жить интересней, веря в какую-нибудь сказку. Наверное, поэтому я лет до тринадцати верил в Деда Мороза, а в день, когда обман раскрылся, ревел как девчонка и чувствовал себя так, будто меня поимели вчетвером. Схожие чувства я испытал, когда в Максе мне, наконец, показали ее – кругленькую семнадцатилетнюю теньку в белой рубашке и черной юбке.

– Это та самая Яна?! Это точно она? – совершенно опе-

шив, переспросил я своего приятеля Мишу Рязанцева, учившегося с Яной и Азаматом на одном курсе, и с надеждой добавил, – А... а он?

– Метр шестьдесят.

– Такой? – не веря своим ушам, отмерил я рукой полтора метра от пола.

– Ну, чуть повыше, – приподняв мою руку, спокойно ответил Миша.

– Да хорош! – у меня задрожали губы, – то есть, они это сами про себя что ли пишут?

– Да, я тоже удивился, – пожал Миша плечами и принялся за клуб-сэндвич.

В тот день я как будто прозрел. Как в замедленной съемке я тянул через трубочку газировку и остановившимся взглядом смотрел на людей за соседними столами. Вон, с двумя армянами-бриолинщиками восседает рябой Айка со второго курса соцфака, про которого кто-то постоянно писал на Сачке: «мне очень нравится айка совторого курса соцфака»; вон, за столиком у окна жует свой тост Хусейн в серебристых кроссовках Рима, о котором я как-то раз прочитал: «помоему самый красивый хусейн в дизайнерских серебристых кроссовках пума за 1000\$». А вот, прямо передо мной появился усыпанный угрями малыш Гагик, двухсоткилограммовый человек-колобок метр шестьдесят в диаметре, вдохновивший сразу нескольких девиц (мистическим обра-

зом делавших ошибки в одних и тех же словах, и писавших, как говорят, с одного и того же IP адреса) на любовные строки в ориентальном стиле – что-то там про «хозяина моего сердца».

– Здарова! Как сам, братан? – Гагик протянул мне полную влажную руку.

– Здарова, – я пожал ее, слегка приподнявшись со стула, – Нормально. Как сам?

– Так, ничо, – сделав неопределенный жест, он скорчил странную гримасу и покатился дальше.

На прошлой неделе этот мешок с салом подрался с одним бедолагой. Бедолага был бит, но на этом злключения для него не закончились. Желая уничтожить врага окончательно, коварный Гагик, не дожидаясь возможного продолжения, объявил его «дайвером» – т.е. человеком, ныряющим в пилотку, т.е. одним из тех, кто ублажает женщин орально. Это было идеальным средством сделать человека изгоем – по крайней мере, в нацменской среде. По сути, весь черный пиар на 99% отвечал одной лишь этой цели, и обвинение всякий раз было одно и то же: лизал пизду. Механизм был не нов – прежде священная инквизиция также объявляла неугодных еретиками, а сталинский режим выявлял английских шпионов и прочих вредителей.

Так и тут.

Забавно, что все эти первогумовские и кафемаксовские обличители, как, впрочем, и обличаемые, учились и жили за счет родителей, что в известной степени сковывало их карьеры в мире криминала или радикального ваххабизма. Вместо того чтобы заниматься реальными делами, пацанам приходилось довольствоваться крохами – дерзить охранникам в кафе Макс, хамить телкам, при встрече от души лобызаться друг с другом в небритые щеки и изредка драться из-за глупых шуток. Однако став прокаженным-дайвером о бандитизме приходилось забыть. Таким низвергнутым гангстерам приходилось посвящать себя тому, для чего их, собственно, и отправляли в университет – учебе.

10

На засыпанной слипшимся снегом лужайке против Макса собралось около сорока человек в черных кожаных куртках и остроносых туфлях. С большинством из них я или дружил, или приятельствовал, с остальными по меньшей мере при встрече здоровался. Это сборище было явно спровоцировано какими-то волнениями, о чем лишний раз говорило неумолкающее цоканье сорока языков.

Наотмашь приветствуя собравшихся, я протиснулся в са-

мый эпицентр толпы. Посреди круга в солидном кашемировом пальто и с тростью стоял высокий бородатый абрек – мой приятель Якуб с первого курса юрфака, названный так в честь Пророка Якуба (с.а.в.) – младший братишка местного авторитета Изуддина. Из-за войны и постоянных переездов Якубка получил аттестат о школьном образовании на год раньше сверстников и сразу же поступил в МГУ – ему было всего пятнадцать. Перед ним стояли два брата – Лорик и Карапет – и, помогая себе жестикуляцией, что-то возбужденно объясняли.

– Че случилось? – поинтересовался я у Джамала с интересом наблюдавшего за происходящим из первого ряда.

– Да Якуб с Айком в Максе за столом сидели, чота-чота прикалывались и доприкалывались до того, чо Айк чуть Якубу вилку в глаз не воткнул. Там сразу пацаны подлетели, своих разобрали – Якубка вроде успокоился, а Айк вон, теперь психует, – Джа кивнул на живую стену из набриолиненных армян, насилу удерживавших своего распалившегося друга.

– Я если че, пожалуй, за Якуба впрягусь, – прикинул я, – Айк думает, если на втором курсе учится, то он охренеть че за старшак.

– Да, я тоже, – поддержал Джа.

Не успел он произнести этих слов, как кто-то схватил нас

обоих за руки и резко оттащил за пределы круга. Я вырвал руку и обернулся, ожидая увидеть кого-то из приспешников Айка, подслушавших наш разговор, но перед нами стоял Муслим. Не выпуская рукав Джамала, он снова схватил меня и прошипел:

– А-ну, свалили отсюда!

– Э, в плане свалили?! – возмутился Джа.

– А хуля вы тут третесь? За кого впрягаться собрались? За Якуба впрягаться собрались?! – негодовал Муслим, когда мы отошли в сторону, – Он кто вам, чоб за него под пиздарез лезть?

– Он наш кент, вам! – огрызнулся Джа.

– Кент ваш? А он вас кентами считает?

– Я ебу? Наверное, считает... – произнес Джа и оба мы немного поостыли.

Муслим был в чем-то прав. Держа нас под руки, он потихоньку, как душевнобольных увел нас в сторону гума.

– Это бакланство, чо вы мутите, – учил он, – я понимаю, все себя показать хотят, но, по-братски, это детство. В хипише надо чью-то сторону принимать, только если другого нет варианта.

– Ну, да, двое парняг кипишнули, а собралось полмакса – как в цирке, я ебу, – согласился я и вспомнил, что вообще-то

шел в первый гум на лекцию.

Мы стояли на улице у входа на малый сачок и курили. Можно было сказать, что первая зима в университете миновала. За это время я худо-бедно сдал сессию, попробовал экстази, начал активно тусоваться на R&V и научился безошибочно отличать грузин от армян и кабардинцев от балкарцев.

– Более того, – продолжил Муслим и выпустил кольцо дыма, – если вы его кентом считаете, то это еще не значит, что он вас кентами считает. Надо по поступкам, по отношению судить.

– Ну, да...

– Я вам щас тему приколю, – взяв обоих под руки, Муслим уводил нас все дальше, – короче, в Нальчике два типа было, и они с детства всегда вместе лазили. И один всегда говорил за другого – вот это мой близкий, туда-сюда, я хочу выпить за своего близкого – ну, в таком плане. А второй гривой мотал, но не отвечал никогда. И один кон у них рамс случился из-за того, что тот, который молчал, замутил с сестрой первого. И этот первый на рамсе говорит, ебанный свет, как ты мог так со мной поступить, ты же мой близкий. На что другой отвечает, а с чего ты, братуха, взял, что *ты* мой, близкий? Этот бедолага говорит, ну как же, я же всегда об этом говорил! А тот – но я-то нет! – Муслим выпустил еще

одно кольцо, – Такая легенда.

– Это печально, – цинизм этой ситуации стал для меня настоящим откровением.

– Это жизнь, братуха, надо по поступкам смотреть.

И правда, ярлыки типа «приятель», «кент» или «близкий» – были только словами и не всегда искренними. В сущности, даже между близким и терпилой лежала очень тонкая грань. В общении с любимым мажором важно было сохранять баланс – залошив его, можно было сказать что-то вроде "уася, не обессудь, ты же мой близкий" и тут же крутануть на копейку. А он в свою очередь будет рад поделиться и не станет переживать, что его снова развели – ведь ты его близкий, а значит, он рад поддержать тебе кайф. Какая-то такая арифметика.

Тарас Квази-Ахмедов, пухлый розовощекий парень с глазами навывкате, был носителем самого эксцентричного кавказского акцента в МГУ нулевых. Настолько, что даже в самых высокогорных аулах его речь резала б слух. Кроме того, Тарас был гением мимикрии, способным раствориться в любой национальной или этнической среде, покуда ее представители худо-бедно изъяснялись по-русски. Тот коллективный полиглот из многочисленных роликов на youtube, фи-

лигранно имитирующий различные кавказские акценты, в сравнении с Тарасом был просто любителем. В том смысле, что все парни из всех роликов этого жанра были детьми в сравнении с ним.

– Э, как сам, братуха? – столкнувшись на гуме, Тарас прижал к сердцу Бабрака, с которым я познакомил его накануне, – как на хате? Как матушка?

– Ниче, по-тихому. – бесхитростно отвечал Бабрак, – как сами пацаны?

– Нормально, – ответил я.

– С кайфом, жи есть, – Тарас деловито надул щеки, – че, вообще, нового?

– Да все по-старому, – от этого рутинного обмена любезностями Бабрак, казалось, сделался каким-то меланхолическим, но вдруг что-то вспомнил и просиял, – а-ну, ща анекдот вам приколю!

Я мысленно потер руки – у этого пацана было неплохое чувство юмора.

– Короче, – начал Бабрак, – как вы, походу, знаете, у осетин есть три народности – иронцы, дигорцы и кударцы. Иронцы, короче, хитрые. А кударцы наоборот – как Сега наш – простые, прямолинейные – чисто лбом все прошибают. И, значит, один кон, поспорили иронец с кударцем, что если

кударец у иронца на хате лбом дверь высадит с трех попыток – то эта хата ему перейдет. А если нет, – продолжал Бабрак, – то кударец на иронца год бесплатно пахать будет. Ну, кударец говорит – не вопрос, считай ты, васечек, бездомный! Разбежался значит ииии – БАЦ головой! Дверь ни с места! Кударец башку потер – че за фигня – снова разбежался – БАЦ! Дверь как стояла, так стоит! Кударец разозлился, поднатужился, разбег побольше взял – в третий раз – БАЦ! И все равно нихуя! Ебанный свет, говорит, я признаю, я проиграл, но по-братски – чо у тебя за дверь такая?! На что иронец, посмеиваясь, открывает дверь – а тама, короче, стоит другой кударец и лбом ее держит!

Мы рассмеялись.

– Ай, ат души, братуха, – радовался Квази-Ахмедов.

– А я все ждал, что там еще дигорец появится, – улыбнулся я.

– Все ждут, – пожал плечами Бабрак.

Уговорившись оставаться с Бабраком на хлопкэ, мы двинули в Макс.

– Ара, инч чка чка, Ереван ум? – неожиданно заголосил Тарас, наткнувшись по пути на Армена, – ахпер джан, вонцисс?

– Ахпер! Ара, как сам? – без задней мысли отвечал Армен.

– Ничо, братка, нормална всё. После пары, по-бряцки, чо делаешь? Нэ хочэш в кино паехат?

– Ну, давай созвонимся.

– Давай, братуха, на связи тогда, – с умопомрачительным акцентом скрипел Тарас.

Едва выйдя из корпуса, он уже прикуривал сигарету Сега:

– Слышал анекдот про иронцев и кударцев? – поинтересовался Тарас.

– А ты откуда такие анекдоты знаешь?

– Так, я же тоже осетин – у меня бабушка осетинка!

– Э, у тебя сколько бабушек, ебукентий? – вспыхнул Сега, – ты при мне уже одну ингушам и одну армянам обещал. Мало тебе было?!

– Э, зачэм так гаварышь? – смущенно улыбался Тарас, а его пухлые щечки стыдливо румянились, – на всех хватит!

– Иди, отсюда, э! Еще раз услышу такое, я тебя лавашну!

– Ладно, ладно, осади! – возмущенно отмахивался Тарас.

Спустя еще четверть часа, восседая за столом в кафе Макс в компании четырех азербайджанцев и двух грязнух, он с кудахтающим акцентом, характерно подергивая подбородком, высказывал услышанную где-то идею о целесообразно-

сти узаконивания в России шариатских судов.

– Тарас, какой Шариат, какой Ислам? – с недоумением уточнила одна из грязнух с загорелыми сиськами и фуфлыжным Луи подмышкой, – ты же христианин.

– Нэт, я мусульманин, – на голубом глазу заверил он.

– Какой ты, нахрен, мусульманин, у тебя же вон крест висит! – возмутилась другая, с красивым, но оранжевым от автозагара лицом.

– А я так мусульманин, – поборов смущение, отвечал Тарас и, повышая скрипучий голос, вскрикивал, как бы в подтверждение своих слов, – МОСКВА ДЛЯ ЧЕРНЫХ!

– Ахахах! Не могу, Тарас – самый черный в Москве, – азербайджанцы заливались смехом, но походу им все же льстило, что такой белобрысый парень с таким большим золотым крестом отводит «черным» российскую столицу.

Явившись в первый гум на лекцию, Тарас непременно заглядывал в кафетерий на малом сачке и с немислимым акцентом интересовался у грузинки-продавщицы, свежие ли хачапури, так, что стоявшие в очереди борцухи-дагестанцы, удивленно озирались, не понимая, то ли это в доску «нашинский», то ли какой-то дерзила вздумал их пародировать. Однако, убедившись, что это всего лишь Тарас, возвращались к своим делам.

– Что за карьерист этот ваш Тарас! – в приватном разговоре делился соображениями Муслим.

– В смысле, карьерист? – не понял я.

– Ну, смотри: с акцентом разговаривает, национальности, как перчатки меняет, армянский вон учить стал... теперь машину ему купили.

– Ну?

– Ну... так потихоньку будет продвигаться, наращивать свой авторитет среди черноты, а курсу к пятому станет, хуй его, правой рукой какого-нибудь бандита в МГУ.

– Он очень радуется, когда его за черного принимают.

Мы оба рассмеялись.

Забавно, что сам того не понимая, Тарас, подобно представителям московского художественного сообщества, таким как Анатолий Жигалов, группа «Коллективные действия» и другим, по сути занимался субверсивной аффирмацией, сделав перформансом всю свою жизнь. Став «нашинским» больше, чем сами «нашинские», своим нелепым гротескным поведением он нарочито обнажал глупости и пороки свойственные тем, на кого старался быть похожим.

– Я не националистка и всегда толерантно относилась к кавказцам, но какой же мудака этот Тарас! – услышал я как-то на гуме.

Впрочем, машину ему и правда купили очень вовремя. Он жил недалеко от меня и каждый день по пути из дома в университет и обратно проезжал в квартале от моего дома. Будучи с ним в приятельских, я часто этим пользовался.

Однажды вечером мы пробирались домой через задыхавшуюся от пробок Москву. Уже успело стемнеть. Из колонок доносился рык Высоцкого. К вечеру мы были довольно замученные и всю дорогу ехали молча.

– Заебали меня эти черножопые, – на чистом русском вдруг пожаловался Тарас.

Я лишь похлопал его по ноге.

12

Близилась летняя сессия, в зеленых кронах деревьев чирикали воробьи, а солнце безжалостно жарило – хотелось переодеться в шорты и поскорее съехать куда-нибудь на Гоа (на тот момент относительно новое для России туристическое направление, еще не облюбованное просветленным быдлом). Выйдя с семинара по политологии, проходившего в здании социологического факультета, я решил, что учебы с меня хватит и вместо следующей лекции свернул в сторону

кафе Макс. Проходя через широкий переулок с потрескавшимся асфальтом и сколотыми бордюрами, плотно заставленными припаркованными тачками, я поравнялся с поликлиникой МГУ – выкрашенным желтой краской четырехэтажным зданием. Оттуда вышел Джа в приталенной белой сорочке с крупным плейбоевским зайчиком, вышитым на груди. У него была перебинтована рука, но мина на смуглом лице казалась вполне довольной. Покачивая на ходу корпусом и отработывая хук слева, он деловито двигался в мою сторону.

– Здорова, чувак, – приветствовал я его.

– Ты считаешь меня кастрированным бараном? – с серьезным видом уточнил он, пожимая мне руку.

– Почему ты так решил?

– Ну, потому что «чувак» – это кастрированный баран.

– Сам придумал?

Джа усмехнулся.

– Ладно, просто, по-братски, не называй меня так больше.

– Не вопрос, – согласился я, – а че такой серьезный? Что с рукой?

– Да ничо, – поморщился он, – помнишь, я на той неделе скина воткнул?

– Нет.

– Ну, вот, об его башку лысую и расхерачил. Сначала просто рана была, а потом палец распух и гнить начал. Ну, я вчера подумал, взял нож, блюдце и – ЧА! ЧА, бля! – вскрыл его нахрен, – объяснил Джа, рассекая воздух воображаемым лезвием, – а оттуда гной фонтаном как брызнет!

– Жесть. А че врач сказал?

– Говорит, если бы я еще пару дней протянул, палец отрезать бы пришлось. А тогда о боксе можно было бы забыть.

– Да уж... – до Макса оставалось еще метров пятьдесят, и я решил перевести тему с гноя на что-то более приятное, – а ты хороший боксер?

– Хороший, но сейчас не тренируюсь практически...

На самом деле и эта тема мало меня занимала – понуро опустив голову, я просто шел к поставленной цели – гавайскому сэндвичу и стакану газировки – попутно разглядывая туфли своего спутника – черные, с узкими прямоугольными носами, загнутыми практически в мертвую петлю.

– Ну, самое главное талант у тебя есть? – спросил я, не отрывая от них взгляд.

– Талант пиздец какой есть! – мгновенно выпрямившись и надув тощую грудь выпалил Джа.

– Тогда нахуя тебе палец?

Шок и возмущение смешались в его взгляде. Открыв рот, чтобы парировать мой циничный выпад, он лишь безмолвно глотал воздух как пойманный в сети сом.

– Чо ты за тип, Марк! – с удивлением, превосмогающим негодование, воскликнул Джа, – нет, чтобы поддержать друга, издеваешься надо мной!

– Ладно, зато настроение поднял, – подыграл я, смекнув, что сказал какую-то глупость, и похлопал его по плечу, – в Макс пойдешь?

– Надо пацанам салам закинуть, – он кивнул в сторону нескольких квадратных фигур, черневших поодаль, возле гремевшего новым таркановским шлягером сто сорокового Мерседеса, – сам не пойдешь?

– А я там со всеми виделся уже, – соврал я, – если че, в Макс приходите, я внутри буду.

– Роберта с Альмурзой не пускают – на той неделе с охранниками кипишнули, – объяснил Джа с некоторым пиететом. Статус «вне закона» – пусть даже в студенческом кафе – считался престижным среди учащихся младших курсов – по крайней мере, среди черных ястребов вроде Джамала.

Зайдя в Макс и купив сэндвич с газировкой, я окинул взглядом столики. Человек непривычный решил бы, что попал на флэшмоб или костюмированную вечеринку – все парни были брюнетами в черном, все девушки – загорелыми блондинками с сумками Луи. Не увидев среди присутствующих никого, с кем захотелось бы разделить трапезу, я уселся за свободный столик подальше от знакомых лиц. Закинув

ногу на ногу и, чинно выложив на стол новый мобильник и пачку сигарет, я приступил к трапезе, попутно глаза по сторонам. В какой-то момент мой взор остановился на красотке с отличным задом и осиной талией, выглядывавшей из-под короткой кофты. Она сидела ко мне спиной – через стол или два, в компании неумолкающих подруг – так что я даже не мог разглядеть ее лица, а отвлекшись на хиппиш какого-то борца с охранниками, не заметил, как она исчезла.

В тот же день я еще дважды замечал ее промелькнувшие в толпе бедра, а выйдя с последней пары, увидел, наконец, и лицо. Она сидела на подоконнике лестничного пролета и курила крепкие мужские сигареты с шоколадным фильтром. Остановившись рядом, я тоже закурил.

– Весь день тебя сегодня встречаю, но ты постоянно поворачиваешься спиной.

– А, чувак в леопардовой куртке, – ухмыльнулась она, – если так, откуда ты знаешь, что это я?

– Ты сегодня видела хоть одну девочку, одетую во все черное? – я улыбнулся и добавил, – Кроме красивой блондинки в зеркале.

– Думаю, нет, – пожала она плечами.

– Выходит, это ты.

– Пожалуй.

– Я Марк.

– Я Алиса. Приятно познакомиться.

– А уж как мне приятно, – я поцеловал ей руку, – с какого ты факультета?

– С философского. А ты?

– С мирового господства, – ответил я и предложил, – слушай, может, сходим куда-нибудь вместе? Хотя бы по чашке кофе выпить.

– Можно.

– Как насчет субботы?

– Давай.

Мы обменялись телефонами и в ближайшие же выходные встретились в Кофетун на Тверской, заведении популярном среди неистовых абреков. Потом сходили в кино и прогулялись по бульвару, потом пожарились и, в общем, неплохо проводили вместе время. Помимо безукоризненного вкуса, Алиса была для меня носителем чего-то светлого и неиспорченного Москвой, что выгодно отличало ее от окружающих грязнух – размалеванных кукол в натянутых на уши стрингах, чьи жизненные ценности, измерялись в долларах, лексусах и дольчегаббанах, похотливых и расчетливых стерв, голодных до привилегий, роскоши и разврата – тех самых грязнух, так полюбившихся мне спустя пару лет.

Теперь же впереди ждало лето, которое мы с Алисой провели вместе, а на пути к нему стояла лишь вторая в моей

жизни сессия из шести экзаменов и шести зачетов.

ВТОРОЙ КУРС

1

К началу нового учебного года я опоздал примерно на неделю. Желая захватить еще немного солнца и рассудив, что в день знаний учиться все равно никто не будет, мы с Алисой довольно спонтанно сорвались в Турцию с обратными билетами на второе сентября. Вернувшись в Москву, из аэропорта мы поехали домой, где, разумеется, и залипли. Третьего сентября случилась пятница, и я решил, что нужно быть последовательным и догуливать неделю до конца – тем более никто не умрет, если я начну учебу с понедельника. Однако к вечеру субботы, хорошенько выспавшись и начав скучать, я поехал тусоваться. Вернувшийся с каникул и из отпусков народ безудержно козлил в клубах, понимая, что державшийся на термометрах плюс – лишь финальный летний аккорд перед началом семимесячной зимы. Будучи человеком по сути своей запойным, я бросился заливаться шампанским, глотать таблетки и шлепать крепкие загорелые зады с такой жадностью, что в университете оказался только восьмого числа. Да и то лишь потому, что, обдолбавшись на вторичной хип-хоп вечеринке в маленьком клубе на Никольской, расчувствовался и захотел немедленно увидаться

с первогумовскими чудилами.

– Чехов много в этом году стало, – делился наблюдениями Муслим, – в прошлом почти не было.

Мы сидели в большом, размером с оконный проем, углублении, зиявшем в стене против отделения Сбербанка – доживавшего последние дни в стенах первого гума. Полагаю, раньше это был застекленный шкаф с портретами вождей на полках и какими-нибудь информационными материалами о вкладах или пятилетках за три года. Теперь уже не оставалось ни стекол, ни полок – их место заняли тощие задницы местных нариков, облюбовавших укромный уголок для своих сходняков. С закрытием банка место стало совсем непроходным – на втором этаже не было ничего кроме верхних входов в поточки – почти не используемых – и дрянного буфета с картонной пиццей и газировкой. Если тебе не нужно было в одну из этих аудиторий, дверями выходивших в просторный темный холл с ветхим почерневшим от времени паркетом и неприветливыми бледно-зелеными стенами, ты вряд ли сунулся бы в этот угрюмый тупик. Еще туда выходили двери туалета, в котором мы курили хэш из пластиковых бутылок. На весь 2004/2005 учебный год полка на банке стала местом притяжения всех баловавшихся студентов.

– Странно, почему они так *вдруг* появились, – сбив мине-

ралкой сушняк, отреагировал я на последние слова Муслима, – что изменилось-то за год?

– Лет пять назад их очень много было, – стал объяснять он, – и было много горячих голов, попутаеть чо тут за бес-предел творили. И ректор, говорят, распорядился сразу всех их отчислить и новых в МГУ не принимать больше. Но сейчас походу поостыл, раз столько народу зачислили. У вас же тоже до хрена?

– Да, несколько человек пришли. Но в том тоже были.

– Кто, например?

– Ислам.

– Ислам, братуха – ингуш. Это не одно и то же, – поднял палец Муслим, – есть нохчи – чеченцы, есть галгаи – ингуши, а вместе их называют вайнахи.

– Прикол. Как в анекдоте, знаешь, – обрадовался я, – типы ингуши собрались и решили – че это вся слава чеченцам достается? Собрали толпишку и пошли банк грабить. Ну, их, короче, мусора принимают и на другой день в новостях передают: сегодня при попытке ограбления банка была задержана банда чеченцев, которые нагло утверждают, что они ингуши.

– Воот, – выдыхая из легких дым, кивнул Муслик.

– Азеров, кстати, тоже много пришло – в том году пара человек всего было.

– У них учиться вообще не очень принято – торгоши, есть. Сейчас, видимо, стали о будущем думать.

– Походу, – пожал я плечами.

Этот разговор стал своего рода приквелом к курсу профессора Татунц по этносоциологии – единственному предмету, который я в обязательном порядке посещал в ходе осеннего семестра. В расписании на понедельник двумя первыми парами значились ее лекции – аккуратная посещаемость которых позволяла избежать неприятностей, с которыми многие столкнулись еще до сессии. Отсутствие в аудитории во время переключки на двух занятиях влекло за собой повинность – подготовку и защиту реферата на выбранную профессором тему. Причем было совершенно неважно – проболев ты, проспал или прогулял. Собственно, только благодаря этому я таки влился постепенно в предмет, ставший одним из моих любимых за все пять лет обучения.

Так, отсидев две пары в понедельник утром, я обретал свободу еще на целую неделю. Посещение других предметов было по сути факультативным, если ты, конечно, не претендовал на красный диплом – а я не претендовал.

С чувством выполненного долга выходя из аудитории в широкий с высоченными потолками и мраморными полами коридор, я закуривал сигарету и неторопливо плелся к выходу. Не афишируя своей дерзости, миновал охрану на проходной и оказывался на улице – на широченной парадной лестнице величавой устремленной в небо высотки. Оттуда

мой путь обычно лежал на гум – точнее, на банк – где все уже кишело нариками, а меня неизменно ждали три точки сносного университетского хэша.

2

Прежде чем стать совсем конченным, я только нюхал изредка кокос и жрал таблетки – по выходным в крутых клубах, запивая все это игристым вином, в компании распервейших университетских мажорок и моего подельника с юрфака Миши Рязанцева – отпрыска папы-министра и мамы-педиатра. Так, вальяжно потягивая шампанское на занимавшей целый двор летней веранде модной в то время Шамбалы, клуба на Кузнецком мосту, мы оживленно обсуждали *много денег*. Миша в пижонском белом пиджаке и черной рубашке, деловито зачесывая за уши длинные светло-русые волосы, увлеченно рассуждал о будущей карьере.

– Подумываю сейчас помощником депутата пойти, – объяснял он, – ну, не такого депутата, который за правду-матку, – Миша сжал кулак в козу и постучал себя по лбу, – а нормального, нашего, у которого бизнес, женщины, кокаин, тусовки. Даже пофиг, пусть платят тысячу долларов поначалу. Зато к третьему курсу буду двушку получать, к четвертому – уже трешку, к пятому – пять, а когда диплом получу, там уж десятка будет, и можно жить как-то.

– А я не буду работать пока не получу диплом, – пожал я плечами и поправил высокий воротник распахнутой на груди сорочки, фривольно торчавший из-под замшевого пиджака, – в МИДе без диплома делать нечего, а идти какой-то офисной крысой за три копейки, я считаю, просто не для меня. Тем более от меня этого никто и не ждет.

Миша сделал глоток шампанского и понимающе кивнул. От собственных слов я даже немного рассердился – как это так, я – и офисной крысой! Кому это вообще пришло в голову! Прикурив сигарету и смахнув со лба длинную челку, я поднял свой бокал и мы, преисполненные ощущения собственной исключительности, чокнулись.

– Смотри скорей! – Миша кивнул на двух привлекательных, фигуристых, но довольно просто одетых девчонок, – как их сюда пустили?

– Ну, задницы ничего, – оценил я, – да и на лицо так, неплохо, но вот одеты, конечно...

– Моя подруга Ксения говорит, что достойная барышня, выходя из дома, всегда должна быть одета не меньше, чем на семь тысяч долларов, – с мечтательной улыбкой произнес Миша, и со значительным видом добавил, – и это не считая того, что у нее Верту. Причем совершенно простая девчонка, когда ее водитель не может забрать из универа, она без вопросов садится на метро.

Мишин пиетет мгновенно передался и мне – я одобрительно кивнул в знак согласия.

– А эти, они вроде симпатяги, но живут, наверняка, в общаге, купили по паре джинсов Дольче Габбана и весь год из них не вылезают... ну такие, словом, девятки заряженные, – привел я аналогию из мира автопрома.

Мише моя шутка понравилась. У нас вообще был отличный тандем – мы были очень довольны собой и друг другом.

– Девяаяятки, – растекся он в умиленной улыбке.

Окна окружающих домов, очерчивавших границы летней веранды, дребезжали от убийственных басов, бит поспешно отстукивал ритм, проникновенно подвывал вокал, а на освещенной десятками софитов сцене осыпанных блестками гоу-гоу поочередно трахал голый накачанный негр. Гости неистовствовали.

Около четырех нам позвонили подруги из универа – как раз из тех, что не выходят из дома не нарядившись на сколько-то там тысяч долларов – и пригласили заглянуть в Стоун, заведение, позиционировавшееся как ночной клуб с золотыми унитазами. Находился он в паре минут ходьбы от Шам-

балы, так что мы, не найдя причин против, приняли приглашение.

– Просто я не *зачем-парень*, я – *почему-бы-и-нет-парень!* – весело объяснял Миша Лене, одной из наших подруг, дожидавшихся за восьмидесятитысячным депозитным столом – уже изрядно подшофе.

Гости были на взводе. Разгоряченные юноши в темно-синих пиджаках и белых рубашках с высокими воротниками – толпились у бара, спаивая телочек; разгоряченные юноши в обтягивающих майках-алкоголичках и кожаных перчатках с обрезанными пальцами – выдавали немислимые пируэты на танцполе. Диджей York, раззадоренный такой отдачей, бесновался за пультом. Свет софитов рассеивался в блеске каратников, свисавших с ушей, шей и пальцев девчонок, деливших с нами трапезу. Новогодними елками вторили им телочки за соседними столами. Когда разговор замолкал, они просто перемигивались своими блестяшками, словно сигнализируя что-то на азбуке Морзе. Длинный-длинный-короткий – «подруга, у тебя нет лишнего тампона». Короткий-три длинных – «это сумочка из последней коллекции Прада?» Или типа того. Так, обливаясь шампанским и посыпая себя с ног до головы кокаином, мы проторчали в Стоуне еще часа два, пока не иссяк депозит.

– Никогда не понимал людей, которые проводят всю ночь в одном клубе, – объяснял я все той же Лене, – чем больше я пью, тем больше мест мне хочется посетить – благо в Москве стабильно есть три-четыре пристойных заведения.

После этих слов мы всей толпой, несмотря на то, что было уже около шести, решили сорваться в Кас-бар, находившийся у бассейна Чайка, в самом конце Остоженки. В итоге доехали до него только я, Миша и Лена и только для того, чтоб убедиться, что он уже закрыт. Нисколько не огорчившись, мы, не сговариваясь, зашагали Садовому в сторону МИДа. Рассветное солнце слепило глаза, прохладный сентябрьский ветер развевал волосы, мы были опьянены успехом, молодостью и шампанским. Когда тебе восемнадцать, даже после бурной ночи, алкоголя и кокаина ты свеж и полон сил, готов, не задумываясь, пешком сорваться с Остоженки на Старый Арбат, задавшись целью съесть бургер из Макдональдса.

– Но давайте сразу договоримся, – прожевав свой Биг Мак, предупредил я, – ни одна живая душа не должна знать, что мы это сделали.

– Ну, разумеется! – с очень серьезным видом ответил Миша, шумно втягивая через трубочку остатки газировки.

– Это будет наш маленький секрет, – улыбнулась Лена, жмурясь в утренних лучах и невзначай пуская солнечных зайчиков внушительными камнями в своих серьгах.

– Просто, сами понимаете, все-таки не последние люди в МГУ, – пояснил я свою мысль, но это было излишне.

– Я бы даже сказал – первые люди в МГУ! – без доли иронии уточнил Миша.

Вскоре, уже через каких-нибудь полгода, мы вспоминали этот серьезный разговор смеясь над своей детской нуворитетской напыщенностью, но времена были таковы, что поход в Макдак с получасовым ожиданием открытия окошка экспресс-обслуживания в компании панков и бездомных мог здорово подпортить человеку репутацию – по крайней мере в МГУ 2004-го.

3

В течение пяти лет моего обучения в университете кто-то постоянно намеревался устроить студенческую вечеринку в клубе или доме отдыха. Организаторам это сулило бесплатный бар, восхищенные взгляды однокурсниц и даже некий заработок – если на плечах, конечно, была голова, а в ней дельные мысли. Впрочем, даже если вечеринка оказывалась провальной, чувак замутивший ее все равно выглядел крутым – от одной лишь сопричастности всей этой кухне. Клубные промоутеры и фэйсконтрольщики вообще были героями того времени. Женщины любят наделенных властью мужчин, а эти вольны были движением брови дарить праздник

или портить настроение.

Так вот в начале октября 2004 года один из этих дельцов – будучи студентом юрфака – отыскал аутентичный советский дом отдыха посреди непроходимых звенигородских лесов – обшарпанные двухэтажные коробки с двухместными номерами в спартанском стиле и общими удобствами в коридоре. Собрав по полторы тысячи с львиной доли новоприбывшего первого и части второго курсов юрфака, чувак нанял туристические автобусы, дышавшие копотью, словно старый туберкулезник, загрузил в них жаждущих праздника студентов и праздник начался. Я же, хоть и учился на мировом господстве, общался в основном с юрфаковскими и тоже вписался в этот блуд.

Место в автобусе мне досталось рядом с Денисом Салтыковым – Мишиным нелепым приятелем с экономического. Салтыкова все считали алкашом, придурком и гопником, к тому же он был совершенно беспомощным и безвольным существом, которому, несмотря на серьезные габариты и атлетическое телосложение, непременно доставалось по заднице в ходе каждой пьянки. Еще он почему-то говорил о себе в третьем лице, и имел привычку в речи заменять названия предметов названиями брендов.

– Ну, погрузил Дениска свой Самсонит в Фольксваген

Пассат и поехал Голден Джим, – скрипел он, описывая, как провел вечер.

По мере своих скромных возможностей Салтыков старался сделать друзьям приятно – сыграть на фортепиано что-нибудь из Деш Мад (за что бывал бит десять из десяти раз) или подставить правую щеку, прежде чем ударили по левой. "Чего ты такой злой, Миш? Ну, хочешь надо мной поиздевайся..." – предложил он как-то Рязанцеву и тут же получил под дых.

– Марк, а давай с тобой вискарю ебанем? – обратился ко мне Салтыков, едва автобус тронулся.

– А, давай, – согласился я, смерив взглядом литровую бутылку копеечного пойла.

Сидевшие в соседнем ряду Миша и Мопс тоже присоединились.

– Вот, за что я люблю вискарю, – откручивая пробку, делится Салтыков, – так это за то, что набухивает очень интеллигентно. Водки, к примеру, выпьешь, и начинаешь огнем дышать и на разрушение тянет, а с вискарем не так. Пьешь, пьешь и вроде нормальный, а потом – как бы вдруг – оп, и пошел блевать.

По дороге один из автобусов сломался, и наша колонна встала, а путь, вместо обещанных двух, занял часа четыре. За разговорами с Салтыковым, рассказывавшим бессмысленные ничем не заканчивающиеся истории о друзьях-алкоголиках, девушках, которые ему нравятся, а также о том, за что он любит Дешеш Мод, это время показалось вечностью. Я проклинал себя за то, что не додумался взять с собой плеер. Уткнувшись головой в окно, я провожал взглядом пронесившиеся вдоль дороги резные заборчики, покосившиеся деревянные избышки и бесконечные леса Подмосковья.

Когда мы подъехали к дому отдыха, бутылка уже была пуста, а за окном стемнело. Собрав нас на широкой поляне рядом с жилыми корпусами, плотная женщина с зелеными тенями на припухших веках, напоминавшая кассиршу из овощного магазина или школьной столовой, стала поочередно выкрикивать наши фамилии и вручать ключи от номеров.

– Салтыков, Мопсовский!

– Здесь! – откликнулись Мопс и Денис.

– Получите ключ.

– Спасибо.

– Г... Г... Г.! – добравшись до моей фамилии, с трудом выговорила кассирша, – Господи, что за люди, а!?.

– Здесь, – поднял я руку.

Кассирша посмотрела на меня с сожалением.

– Так, а второй – Рязанцев.

– Я! – подал голос Миша.

– Вот, возьмите лучше вы, – вручила она ему ключ.

Сразу видно, человек старой закалки – я не стал спорить.

Интерьер номера составляли две железные кровати и крашеный в белый цвет платяной шкаф с несколькими вешалками, среди которых нельзя было найти двух одинаковых. Удивительно, что они вообще там были. Бросив сумку на пол, я вынул из кармана четыре грамма пыли, приобретенных перед самым выездом из МГУ. Прежде я никогда не сталкивался с такой штукой – она вся рассыпалась в руках, и было неясно через что ее курить. Вероятно, лучше всего подошла бы пипетка, но в нашем распоряжении были только пластиковая бутылка, да кусок фольги. Разом выкурив все четыре грамма, мы развеселились еще сильнее и принялись издеваться над вдрызг пьяным Салтыковым. К этому моменту в нашем с Мишей номере тусовалось уже человек десять, включая только что познакомившихся с нами первокурсников. Сперва они стеснялись лошить такого крупного парня как Денис, но вскоре освоились и с удовольствием поддерживали нас кто как умеет.

– Миша, ну не бей же ты меня подушкой! У меня аллергия на пух! – умаял Салтыков, возвышавшийся над всеми присутствующими.

– Да я тебя сейчас вообще убью! – рычал на него Рязанцев и заливался хохотом.

– Марк, ну ты-то хоть прекрати! Я думал хоть один интеллигентный человек...

– В плане я-то хоть?! Ах ты, гнида антисемитская! – отрывался я на нем за кассиршу.

Покуролесив в номере, мы отправились на дискотеку, где Салтыков своим тупым напором таки подцепил среднестатистическую ту-секси курочку с социологического факультета. Его мутноватые глаза-бусинки так и светились гордостью, когда он осторожно обнимал ее бедра. Дениска распинался как умел, пустив в ход все свои финансы и обаяние лишь бы затащить девчонку в постель. Он почти силой вливал в нее Советское полусладкое – единственный наряду с водкой алкоголь, который можно было достать в местном баре – делал неуклюжие комплементы и собственным телом прикрывал от посторонних глаз. Лишь изредка он отводил от нее взгляд и опасливо косился на Рязанцева, увлеченно кадрившего самую красивую девушку курса со знаками доллара в огромных голубых глазах.

– Раз, два, ТРИ! – прокричал я тем временем и, что есть

мочи, понесся по узкому коридору спального корпуса навстречу бегущему с другого конца Мопсу.

Номерные таблички на дверях комнат словно отсчитывали мгновенья до столкновения – 20, 19, 18, 17...

– А-А-А-А-А! – истошно заорал Мопс, когда мы в неистовом прыжке синхронно оторвались от пола, чтобы, столкнувшись в воздухе плечами, разлететься в разные стороны.

– Круто! – обезумев от восторга, воскликнул я.

– Ну, да. Давай еще раз? – предложил Мопс.

– Давай, я щас из тебя все дерьмо вышибу!

Очень скоро наш нехитрый аттракцион привлек внимание огромного количества первокурсников. Распалившиеся юноши в модных джинсах разделились на две команды и рубились не на жизнь, а на смерть, подобно баранам или преноцефалам, с разбега врежаясь друг в друга. В течение часа этот конвейер работал бесперебойно, поочередно доставляя в середину коридора все новые и новые пары кретинов.

Минут через тридцать, порядочно подустав, я вышел из игры, предоставив неофитам продолжать начатое мной дело. Присев на подоконник у входа в туалет, я закурил сигарету и стал прикидывать что делать дальше. Решив, что было бы неплохо воспользоваться какой-нибудь раскрепощенной

первокурсницей, я уже было приподнял задницу, чтобы отправиться на дискотеку, как прямо передо мной возник Салтыков со своей изрядно наподдавшей пассией.

– Марк, посиди, пожалуйста, с девушкой пока я в туалет схожу, – доверился мне Денис.

– Конечно, братан, иди.

– Спасибо! Я быстро!

Дождавшись пока дверь уборной закроется за его спиной, я добродушно улыбнулся той крошке и констатировал:

– Ну, что – пойдём.

С безразличным видом она повиновалась. Проследовав по коридору, я постучался в номер отдохавшего после битвы Мопса и попросил его перейти в наш с Мишей номер.

– Которая тут Салтыкова кровать? – поинтересовался я.

– Вон, – кивнул Мопс, закрывая дверь снаружи.

Превозмогая робкие протесты своей новой подруги, я стянул с нее одежду и приготовился заняться сладкой любовью, но тут выяснилось, что у нас нет контрацептива.

– Да ладно, расслабься, бэйб, все будет круто, – успокаиваю.

вал я, но телочка пошла в отказ, вынудив меня вложить свое хозяйство ей в руку.

Она дрочила нехотя, но без остановки, а я увлеченно тискал ее сиськи, ожидая, когда она доведет меня до финиша. Наконец, метко выстрелив в ее покрасневшее кукольное личико, я натянул штаны и вышел из номера.

Зайдя в соседний, наш с Мишей, номер, я застал Салтыкова валяющимся на моей кровати. Дениска крепко спал, обняв набитую пухом подушку – уже позабыв о своей нелепой аллергии.

– Салтыков! – толкнул я его в бок, – Подъем Салтыков! Вон твоя телочка по коридору одна гуляет.

– Где? – встрепнулся он, и, не обуваясь, бросился из номера прочь, – спасибо, Марк, а то я ее потерял!

– Я ее, кстати, дал только что на твоей кровати, – добавил я, укладываясь поудобней, когда он выбежал из номера.

– Ааа, какой же ты урод, Марк! – сидевший напротив Миша, расплылся в улыбке, – в рот тоже дал?

– А как же.

– А вот мы утром и спросим, целовался ли с ней после этого Салтыков! – восторженно резюмировал он и побежал с первокурсниками на улицу – бросаться друг в друга вешалками и трехкилограммовыми фигурами от напольных шах-

мат.

На следующий день триста студентов проснулись с тяжелейшим похмельем. Миша собирал сумку, из общей для всего этажа ванной с вафельным полотенцем на плечах вернулся Мопс. Я протер кулаками глаза и посмотрел на часы – было пол одиннадцатого утра. Прикинув, что до выезда в Москву еще больше часа, я рассчитал, что как раз успею умыться и выпить в буфете пивка. Едва я успел подняться, как в комнату впорхнул Салтыков.

– Ну, что, Денис, был вчера в засаде? – справился я.

– А то!

– С этой Наташей или как там ее? – с хладнокровием акулы поинтересовался Миша.

– С ней!

– И целовались, наверное?

– Ну, естественно! – фыркнул Салтыков и снисходительно посмотрел на нас.

– А вот ты и признался, что ты членосос! – злорадно завопил Миша и ткнул растерявшегося Дениса пальцем в самое лицо, – ты, считай, у Марка отсосал!

– Как это, у Марка отсосал?! – испугался Салтыков.

– А вот так! Марк вчера ей в рот дал, пока ты ебучкой щелкал, а ты с ней потом сосался полночи! Лох! – победоносно воскликнул Миша и ударил Салтыкова подушкой по

голове. Следом, разумеется, полетела и моя.

В дверном проеме нашего номера тут же столпились покатывающиеся со смеху первокурсники.

– Ну, то есть, я вспомнил! – старался перекричать их Салтыков, – я вспомнил! От нее пахло алкоголем, и я не стал ее целовать!

Но было уже слишком поздно.

Промозглое осеннее утро как нельзя лучше подходило тому состоянию, в котором все пребывали после вчерашнего. Тяжелые, прокуренные, но довольно бодрые мы явились в столовую, располагавшуюся в отдельном здании. Высокие потолки, кафельные полы и стены создавали бы полное ощущение того, что мы находимся на дне осушенного бассейна, если б не белые скатерти на столах и аккуратные колпачки на головах поварих и кассирши.

Взяв по порции сосисок из туалетной бумаги, порошкового пюре и по булке с повидлом, мы вынуждены были залить все это компотом из кураги, так как пива в санатории не держали.

Обратно мы ехали на тех же автобусах-туберкулезниках, вприпрыжку катившихся по испещренным ямами дорогам.

Окна не открывались, и в салоне стоял плотный запах перегара. Почти все спали или делали вид, что спят, а я рассматривал Россию. Мимо проносились все те же покосившиеся от времени деревянные избышки, чередовавшиеся с безвкусыными трехэтажными коттеджами из красного кирпича, выстроенными в последние десять лет. На обочинах стояли табуретки, а на них трехлитровые банки, внутри которых лежали смятые листы бумаги, означавшие: «здесь продается молоко». То и дело попадались лотки с арбузами и странно-ватого вида автобусные остановки с неизменным надписями “Metallica” и «RAP КАЛ» на стенах. На полпути к Москве мы попали в пробку – чертовы дачники, чертовы аварии, чертова госавтоинспекция.

Уже очень хотелось домой.

4

Как и всякая тусовка, сборище на банке мыслило себя как чистую потенциальность. Банк притягивал очень разных людей – несколько разных компаний из разных, по большому счету, миров, объединенных лишь общим желанием чем-то убиться. Кто-то заглядывал на пять минут, чтобы размутиться и двинуться дальше, кто-то подтягивался в понедельник и оставался до пятницы.

В поисках накура или колес на банк наведывались мажоры с Мирового Господства – мои однокурсники и на курс младше – разряженные как Ашер для театрализованного выступления на Таймс Сквер, увешанные логотипами итальянских модных домов, с большими пряжками и дорогими трубками, призванными демонстрировать высокий достаток и утонченный вкус.

Захаживали ребята с исторического – в большинстве своем «растаможенные», московские, кавказцы на кэжуале – в нехарактерных для южан прикидах а la Томми Джонс из Фабрики Футбола. Они курили гашиш, играли в карты и предпочитали кафе Максу пустые поточные аудитории. Это были те самые нормальные студенты – но не орлы, как я их воспринимал.

С юрфака и соцфака бывали в основном бандитствующие персонажи с акцентом и сочувствующие – они приходили закинуть саламчик Муслиму, скурить не в кипеш плюшку-другую и при необходимости перетереть за дела (за них они перетирали практически везде, где появлялись).

В течение всего осеннего семестра, каждый четверг на банк подтягивался Гнус. Он все еще числился со мной в одной группе, но после первого курса перестал ходить на занятия. В сущности, я тоже нечасто на них бывал, но он и в университете почти не появлялся. Начав травиться еще

до поступления, он аккуратно посещал транс-вечеринки в скейт-парке Адреналин, скидывая по несколько килограмм за ночь и с каждым днем проваливался в это болото все глубже и глубже. Обеспокоенная мать, доктор наук и заведующая кафедрой на одном из факультетов, организовала ему заочное обучение. С тех пор в университет он приезжал только к репетиторам и заодно раскидать дюжину-другую колес – по шестьсот рублей за штуку. К слову, это была та верхняя планка, выше которой дилеры не поднимали розничную цену, но и это уже было грабительством – сами они брали их рублей по сто.

– Э, ты ебанулся, фраер? – возмущался Севиной ценовой политикой Муслим, – за шестьсот рублей я в Питере десятку возьму!

– Братан, ну, мы ж с тобой не в Питере, – примирительно улыбался Гнус, – дешевле никак не могу.

– Ебанный свет, ты чо за тип, Сева? – начинал причитать Муслик, – ладно, хуй с тобой, пусть будет по шестьсот, но за одну таблетку я тебе копейку шас разверну, а за вторую – завтра.

– Не, братан, так не пойдет.

– Э, в плане не пойдет? Я тебя фаршману шас!

Сева замялся:

– А точно завтра отдашь?

– Э, я тебя хоть раз обманывал?

– Ну, ладно, давай шестьсот, – соглашался Гнус, в глубине души понимая, что вторая таблетка – ушла в подарок.

Проблема была в том, что от таблеток я делался недееспособным, а в университете постоянно надо было решать какие-то вопросы. Пришлось перейти на амфитамин – или фен, как мы его называли. Конечно, тело от него покрывалось зловонным потом, а зубы скрежетали как у делающего рывок штангиста, зато было не так заметно, что ты чем-то обдолбан – за запах по крайней мере не отчисляли. Да и с точки зрения рации: на одном колпаке – дозе, умещавшейся в фильтр-мундштук от Парламента – можно было проторчать около часа, а в весе (то есть грамме) колпаков было штук восемь, так что хватало на целый день. Конечно, первое время из-за этого порочного хобби я лишился сна и аппетита, но с привычкой вернулись и они.

Заметив, что творится какой-то черняк, мама резко сократила мое содержание до ста пятидесяти рублей в день, желая лишить возможности покупать себе зелье.

– Умаляю, не убивай себя, – просила она всякий раз, когда

я выходил из дома – пусть даже в булочную.

В таких условиях мне волей-неволей приходилось искать альтернативные источники дохода. Решение лежало на поверхности – каждый наркоман рано или поздно становится дилером – зачастую незаметно для самого себя. Так было с Гнусом, так произошло и со мной. Как бы наивно это не звучало, в один прекрасный день я обнаружил себя банкующим гашишем и феном. Впрочем, пару раз раскидав дерьмо в alma mater, я заметил, что вокруг моей скромной персоны поползли нездоровые слухи.

Блатующие студенты-бандиты декларировали приверженность воровским понятиям, не допускающим барыжничества и сутенерства, воспеваемых американскими гэнгста-рэперами – на лирике коих рос я. Задуматься об этом пришлось только когда конфликт двух идеологий – или, лучше сказать, романтик – таки дал о себе знать. Так, если благовать на гуме или на Максе, будучи облаченным в хипповую кожаную панаму и розовую тенниску, мне удавалось без особых проблем, то «безобидный» наркобизнес, развернутый мной в университетских стенах вызывал слишком много вопросов.

– Смотри, осторожней, – посоветовал мне однокурсник, великочиновничий отпрыск Вова Барышник – барыжниче-

ством, впрочем, не промышлявший ни дня, – за тебя пацаны уже интересовались.

– В плане интересовались?

– Ну, говорят, а у вас че, Марк на факультете барыга? Я говорю, нет – он помочь может, но ни копейки с этого не наваривает.

– Забавно. Спасибо, что предупредил, – поблагодарил я и вдруг осознал, что лавочку пора прикрывать.

Днем позже, я болтался с пацанами у Макса. Погода, для конца октября, выдалась отличная, и люди высыпали из кафе на улицу. Из открытых окон огромного внедорожника с хромированным кенгурином и крутящимися дисками доносились лезгинка – не слишком громко – скорей для антуража, нежели чтоб танцевать. Лучшие люди со всей России с суровыми детскими лицами (иные, правда уже в бороде) петочились небольшими группками, издавая восторженные звуки, обнимаясь и, время от времени, переходя из одного кружка в другой.

– Короче был на Нальчике один нарик, Фрунзиком звали, – начал рассказывать Муслим, когда смолк очередной «ауоу!» – такой вообще, совсем бедолага – килограмм сорок, наверное. И, один кон, идем с пацанами по району, тут ви-

дим – он на углу валяется. Весь, короче, в грязи, в тьмах под гердосом. Ну, я ему – оу, Фрунзик, а-ну приколи, чо самое главное в жизни? Он в моменте не потерялся, приподнимается на локте и так мне заряжает: самое главное, братуха, в жизни – это ярость – попутаеть, говорит!

Я уже слышал эту историю накануне и до того, но всякий раз радовался ей как ребенок. Вот и тогда я разделил с присутствующими благодушный смех – одной рукой обнимая Муслима за плечо, другой поглаживая свой живот – когда заметил выходящего из Макса тощего мажора – придурка с прической как у Бивиса. Он тоже заметил меня и остановился на секунду в раздумье – видимо, оценивая стоит ли врываться в эпицентр собравшегося на углу общества – но все же решился и направился в мою сторону. Поприветствовав присутствующих – знакомых и не знакомых (случайно пропустив хоть одного человека он рисковал остаться без зубов) – чувак смущенно выдавил:

– Слушай, тут к тебе дело есть...

Смекнув, о чем пойдет разговор, я извинился перед собравшимися (чем нивелировал второй взрывоопасный момент – секреты от пацанов):

– Не обессудьте, пацаны, на пару слов отойдем.

Переместившись немного в сторону и заранее понимая, о чем пойдет речь, я задумал небольшой спектакль.

– Че, можно гаша-то у тебя замутить? – предсказуемо поинтересовался мажор.

– Ты ебанулся, фраер? – ответил я вопросом на вопрос.

– В плане? – недоверчиво улыбнулся он, решив, что я его разыгрываю.

– Ты какое из слов не понял?! – повысил я голос, чем привлек к нам внимание, – ты че, барыгу во мне увидел?!

– Блин, ну ты ж мне мутил уже!

– Вот оказывается кто за меня слухи распускает?! – взревел я и толкнул его в грудь, – тебе, гондон, один раз помогли, а ты хуйню за меня трепать начал?!

Два десятка носов, учуяв, что запахло жареным, молниеносно повскакивали с корточек и обступили нас со всех сторон. Забавно, но есть люди, которые прибегают на кипеш быстрее, чем на пожар.

– Вай-вай-вай-вай-вай-вай... – нагнетая обстановку, шуршали вокруг два десятка глоток.

– Ты че, творишь?! – рассердился было мажор.

– В плане «творишь», падла?! – я спустил ему леща, – я тебя вообще обоссу щас.

Мажор вытаращил глаза.

– Ты, гондон, ты в *ком* барыгу увидел?! Ты в *моем кенте* барыгу увидел?! – вклинившись между нами, набросился на него щуплый невысокого роста парень в плотных вельветовых брюках и воздушной льняной рубашке с коротким рукавом.

Признаться, я страшно удивился такому повороту. Не выше ста шестидесяти сантиметров, носатый, с огромными ушами, он чем-то напоминал диснеевского слоненка Дамбо – только злого. Конечно, я припоминал, что его зовут Мини-Гера – но это было все, что я успел узнать о нем за пару рукопожатий, коими ограничивалось наше знакомство. Уже потом выяснилось, что Мини-Геру на самом деле звали Гераклом – его родители, греки из Минеральных вод, мечтали вырастить богатыря, но, как следует из приставки «мини», у природы были на этот счет другие планы.

Прежде чем произошло бессмысленное кровопролитие, в разговор, стремительно переросший в терку, вмешался Муслим. Он отстранил разгорячившегося Геракла и, по-отечески приобняв мажора, стал уводить его в сторону, попутно приговаривая:

– Иди, васечек, своей дорогой, пока ветер без камней.

И тот ушел, радуясь, что не обоссали.

5

Лицо Нарека было испещрено угревой сыпью и глубокими рытвинами; дешевая аккуратная стрижка подчеркивала скошенный затылок олигофрена, а безвкусная одежда довершала печальный образ ботаника. За спиной он всегда таскал деревянную палку – рукоять швабры или типа того – он вроде занимался какими-то единобоствами в одной из университетских секций – уж не знаю насколько успешно. Так или иначе в драках он замечен не был, зато на лекциях и семинарах всегда оказывался на виду. Единственное, что отличало Нарека от классических ботаников – так это оценки. Несмотря на аккуратную посещаемость занятий и декларируемую тягу к знаниям, учился он на одни тройки. Он был тупой.

Муслим, Гнус и я курили на улице возле малого входа в первый гум. День близился к вечеру и по всему было ясно, что пора разъезжаться по домам, но чтобы уехать со спокойной душой, мне не хватало какого-то финального аккорда.

– Смотри, че за бедолага почесал? – зевнув, указал я на смешного крепыша, гусиной походкой семенившего мимо

корпуса.

– А это Нарек – он больной, – равнодушно ответил Гнус, – мы с ним в одной школе учились.

– Да ну нахуй?

– Ну, да. Он, кстати, кавказцев очень боится.

– Он же вроде сам черный? – удивился Муслим.

– Сейчас покажу, – деловито ответил Гнус и быстрым шагом направился в его сторону, – эй, Нарек! Здорова!

– Привет! – остановившись, ответил Нарек несколько недоверчиво.

– Помнишь меня? – подойдя вплотную, поинтересовался Гнус.

– Ну, да.

– Ты в МГУ теперь учишься?

– Ага.

– Слушай, хочу тебя кое с кем познакомить, – с трудом сдерживая смех, объявил Гнус, – Муслим, иди сюда!

Увидев приближающегося Муслима, Нарек явно запаниковал и, не сказав ни слова, развернулся и стал уходить.

– Эу, братское сердце! Куда ты? – окликнул его Муслим.

С опаской обернувшись, Нарек испуганно вытаращил глаза и перешел на галоп. Через несколько секунд он уже скрылся за углом корпуса, оставив нас одних надрываться от смеха.

– Попадешься мне еще, шняга мусорская, – пальцем погрозил ему вслед Муслим.

Московский университет, по крайней мере та его часть, что расположена на Воробьевых горах, представлял собой целый город с огромной территорией и тысячами студентов, аспирантов и преподавателей. Можно было, едва поступив на первый курс, занять у кого-нибудь денег и не пересекаться потом до самого вручения диплома. Смотря, конечно, у кого и сколько – но уж совершенно точно не стоило даже пытаться спрятаться от Муслима, особенно если учишься с ним на одном факультете – номер заведомо дохлый. Вот и новая встреча с Нареком не заставила себя долго ждать. Буквально на следующий день после несостоявшегося знакомства, когда ничего не подозревавший юродивый мирно пасся у стенда с расписанием занятий, Муслик подкрался бесшумно, как рысь.

– Ой! – только и успел произнести Нарек, когда Муслим мягко подхватил его под руку и увлек за собой на лестничный пролет.

– Чо ты от меня бегаешь, Нарек? – очень спокойно поинтересовался Муслим, – мы же не звери с тобой дикие.

– А я и не бегаю, – смешавшись, отвечал Нарек.

– Ну, как не бегаешь? А когда ты на улице от меня убежал

вчера, помнишь? Когда нас познакомить хотели.

– А, это ты был? – краснея, Нарек попытался изобразить удивление, – я просто очень торопился.

– А в натуре за тебя говорят, чо ты черных не любишь?

– А за что мне их любить? – осмелев, ухмыльнулся бедолага.

– Ну, ты же вроде сам армянин.

– Нет, я русский! – с вызовом отрезал Нарек.

– Эу, ты чокнулся, что ли, дурак? – по-отечески замахнулся на него Муслим, – посмотри на себя, какой ты русский?

Нарек в ужасе отпрянул.

– Это, васечек, нехорошо – от своей нации отказываться. Я с тобой теперь буду воспитательную работу вести – хочешь, не хочешь. Возьму над тобой шефство.

С тех пор Нарек больше не бегал от Муслима, а Муслим обращался с ним снисходительно, как с ребенком – объясняя, когда он чего-то не понимал, и журуя, если не слушался.

6

– Братан, прости, что за яйца продержал, но там жесть как все сложно делалось, – заплетающимся языком объяснил Сева Гнус, – и колеса, кстати, кончились, есть только бумага по

семь.

– Какая бумага? – не понял я.

– Кислота. Матрица перезагрузка. Двенадцатикапельная – пояснил Сева.

– Сев, ты шутишь? – у меня опустились руки.

– Да, не, мужик, какие уж тут шутки-то сейчас.

Мы втроем – я, Сева и мой экстернатский кореш Макс – стояли под козырьком заправки на улице Удальцова, против нестройной шеренги «хрущевок», доживавших свой век у подножия многоэтажных новостроек. Под оранжевым светом фонаря все рябило от падавшего снега с дождем. Мои красные борцовки и воротник из искусственного меха промокли, а горло болело – то ли от простуды, то ли от вчерашних спидов.

С Максом мы встретились еще днем и несколько часов промотались по городу, пытаюсь выловить Гнуса и замутить колес – сначала ждали его в МГУ, потом в прокуренной забегаловке на Кузнецком мосту и вот под вечер притащились на Проспект Вернадского. Но, как говорили в Аугсбурге 1555-го, «*cujus regio, ejus religio*» или, как переиначили в МГУ нулевых, «на чьем возу едешь, того песню поешь», и мы послушно покоряли все новые точки на карте – в соответствии с инструкциями неуловимого недодилера, путешествовавшего между реальностью и иллюзией с пакетиком

экстази в трусах. Стоило нам прибыть в условленное место и позвонить ему, выяснялось, что он уже уехал, и мы снова отправлялись в путь. К моменту, когда мы доехали до Вернадки, я был готов наброситься на него с кулаками – особенно после того как он невинным голосом заявил, что уже выдвинулся на Якиманку. Впрочем, когда я объяснил, что такого варианта нет и это уже перебор, он таки согласился встретиться с нами на этой чертовой заправке.

– Да ладно, чувак, давай бумаги замутишь, – словно дьявол, повисший над моим плечом, подначивал Макс.

– Ну, давай, – секунду помедлив, кивнул я, – за неимением кухарки ебем дворника.

Я долго не решался попробовать кислоту, хоть и слышал много интересного о ее эффекте: все эти галлюцинации, духовные прозрения и прочее дерьмо. Единственное, что меня останавливало – это риск изменить свой генотип или генофонд – короче, фигню из-за которой дети или внуки могут родиться мутантами.

На самом деле, кислота, которую мы замутили у Гнуса была не первой в моей жизни – первым был сахар – кусок рафинада с каплей лизера – который я сожрал за несколько месяцев до этого, но почему-то убеждал себя, что он не в счет. Тот сахар заставил меня крепко задуматься – за пару

часов из наивного ребенка, я превратился в ребенка куда более прошаренного с собственным мнением и способностью разбираться в людях. Это был один из этапов моего взросления – первый босс на уровне «взрослая жизнь».

Каждая «марка» состояла из двенадцати капель лизергина, так что для начала закинув под язык по четыре, мы поймали такси и поехали ко мне. За окном проносились пейзажи окутанных промозглым вечером новостроек, водитель плохо говорил по-русски и вполголоса подвывал доносившемуся из колонок заунывному восточному напеву.

– Хорошо, что темно, – сказал Макс, проводив взглядом здание МГИМО, откуда его недавно отчислили.

– Почему?

– Ну, когда светло, так едешь в такси, смотришь в окошечко и думаешь – все плохо, денег нет, опять обдолбался, из института выгнали, маму обманываю...

– Оставляй, – отмахнулся я – такие мысли не годились для трипа. Макс и сам это понимал.

Оказавшись у меня, мы едва успели поздороваться с мамой и пройти в мою комнату, как нас вперло. Чтобы не спалиться, мы оделись в свободные штаны и сноубордические куртки и отправились гулять.

Температура была плюсовая и дождь никак не прекращался. Снеговик с морковным членом, вместо носа, живописно плавился у нас на глазах. Мы бесцельно бродили по слякотному асфальту в тени обшарпанных блочных домов, вдоль заставленных грязными машинами улиц и разговаривали загадками. Точнее каждый из нас говорил то, что думает, а другой интерпретировал это по-своему. Это был просто невоспроизводимый обдолбанный бред, в завершении которого Макс решил разрядить обстановку:

– А прикинь, сейчас два перцовых урода из-за угла выходят, – предположил он зачем-то, и, потрясая перед собой воображаемой иглой, прогнусил, – слыыышь, дааай денег на герку, а то штырну!

– Хорош, – шарахнулся я в сторону.

– А, с другой стороны, мы два типа под кислыми, – воодушевился Макс и, имитируя ультразвуковые волны, стал размахивать перед собой руками и вращать глазами.

Мы закинули еще по четыре капли и, чтобы не испытывать судьбу, свернули в один из подъездов – я знал код от домофона. Сидя на корточках на лестничной клетке одного из этажей, я с интересом следил за неровностями бетонного пола – они то вибрировали, как jell-o, то замысловатыми узорами, наподобие хохломы, расползались по горизонтальной плоскости. Это было все равно, что смотреть в микро-

скоп на пляшущие частицы. Тем временем Макс увлеченно рисовал бычком на стене, неторопливо, но неустанно стекавшей на пол – то плавно, единым фронтом, как раскаленная лава, то стремительно, прорывами, подобно снежной лавине. Рожа нарисованная поверх всего этого получалась хитрой и злой – настолько, что бросив ее незаконченной, мы поспешили свалить.

Пролазив до утра по подворотням, мы с Максом вернулись ко мне – помылись, попили чаю и закинули еще по паре капель, оставив по две на потом. На утро – не смотря на то, что была суббота – у меня был назначен зачет, который принимал мой декан – фактический хозяин МГУ, как говорили. Варианта прогулять не было, но, к счастью, Макс вызвался ехать со мной.

Добравшись до МГУ, мы поднялись на десятый этаж. В залитой светом курилке, роль которой в то время выполняли лестничные пролеты всех этажей (кроме седьмого, на котором располагался юрфак), мы увидели толпу моих однокурсников. Зачет должен был проходить в крошечной обшарпанной аудитории, куда входило по пять студентов за раз.

– Здарова, пацаны! – приветствовал нас с Максом Барышник.

– Здарова. Че там, кто-то сдал уже? – поинтересовался я.

- Хуй его, сам только пришел, – потянувшись, ответил Барышник, – а вы че, в тягах, что ли?
- Да-не, – поспешил откреститься Макс.
- Ды-да, – широко улыбнулся Барышник.
- Ну, короче, да, – понизив голос, подтвердил я.
- Диски?
- Бумага.

Среди торчков, употребляющих клубные наркотики типа таблеток и фена и слушавших вошедший в моду хаус, бумага считалась хренью для трансеров, а сами трансеры лохами. Однако Барышник был всеяден и сразу поинтересовался, не угостим ли мы и его. К тому моменту я рад был расстаться с оставшимися у меня двумя каплями и с готовностью подогнал их ему.

Тем временем в дальнем конце коридора появилась фигура невысокого лысеющего мужчины в мешковатых брюках и джемпере. Бодрой походкой он шагал в нашу сторону, добродушно улыбаясь одними глазами и шевеля окладистыми усами как Тараканище Корнея Чуковского. Весь вид его как бы говорил – вы все, конечно, хорошие детишки, но кое-кто сегодня получит «неуд».

– Здравствуйте, Симон Налимович, – вполне искренними улыбками встретили его студенты. И даже те, кто секунду

назад буркнул себе под нос что-то вроде «я ваш рот ебал», были рады видеть старого взяточника и интригана. Несмотря на свою деятельность он все же оставался человеком, за что и заслужил симпатии и уважение студентов – он вроде был свой.

– Иди сразу, все равно не сдашь, – предложил мне Макс и разразился зловещим inferнальным смехом, секунду спустя резко смолкшим.

Воспользовавшись советом, я зашел в аудиторию следом за Налимычем, вытянул билет и направился было к последней парте, но был остановлен:

– Марк, куда это ты собрался? – удивился Налимыч и, хитро ухмыльнувшись, указал рукой на место прямо перед собой, – садись поближе, давно с тобой не виделись.

Это был провал. Впервые старый черт пригрозил мне отчислением после первого же месяца обучения – кто-то сучнул, что я прихожу на лекции не вполне адекватным. Тогда я пообещал Налимычу, что брошу курить травку, а себе – что больше не спалюсь.

Делать было нечего. Пряча шальные глаза, я безропотно повиновался. Неторопливо прочитав вопросы и убедившись, что это не по моей части, я уставился в огромное окно.

На улице было пасмурно – белая пелена ноябрьского неба нависала над городом, очищенным ночным дождем от снега. У вечного огня стояли какие-то темные фигуры; в опустевших прямоугольных бассейнах-фонтанах, где летом купались пьяные гики с исторического и философского, словно подснежники явились взору кучи всякого мусора – от фантиков и конспектов до бульбуляторов и гильз. Из торчавших вдалеке красно-белых труб ТЭЦ валили клубы пара, сбившегося в монолит на холодном воздухе. Я все надеялся, что Налимыч пожалеет нас и выйдет ненадолго из аудитории куда-нибудь по своим делам, но этого не происходило. Прождав так минут двадцать, я понял, что зря теряю время. Пообещав придти на пересдачу, я поднялся и вышел из аудитории.

На улице возле корпуса мы с Максом встретили Мопсовского, предложившего дунуть. Отец этого чувака был главным наркологом Москвы или что-то вроде того, так что я всякий раз испытывал особое удовлетворение, убиваясь в его компании. Скурив косяк, я немного успокоился и решил ехать на Покровку, в гости к Лене, где со вчерашнего дня пьянствовали Рязанцев и Салтыков.

7

Лох – понятие универсальное и, в зависимости от того, с чьих уст сошло, может обозначать диаметрально проти-

воположное – то есть кого угодно. Так, для быка в бархатном спортивном костюме и замшевых мокасинах лохом будет шуплый хипстер в скинни-джинс и с фотоаппаратом, а для хипстера в свою очередь – бык. Я же сочту за лохов их обоих, а они, вероятно, меня. Таких примеров можно привести массу, однако, студент юрфака Вася Малинин переплюнул решительно всех. Не знаю кого считал лохом он, но если бы в МГУ проводили опрос с целью составить рейтинг топ-3 лохов университета, Василий уверенно занял бы весь пьедестал. Этот несчастный ублюдок словно нес печать судьбы. Казалось бы высокий симпатичный парень, с хорошей фигурой, в нормальных шмотках, без проблем с гигиеной, дикцией или финансами должен бы нравиться всем вокруг, но люди реагировали на него как терьер на велосипедиста. Он никому не нравился.

Декабрь, вторник, полдень. Я приехал в университет за десять минут до начала третьей пары – не то что не помышляя о посещении, но и не представляя, что вообще значится в расписании. Настроение было отличное и я хотел разделить его с кем-то из друзей. В кармане джинс я мусолил пакетик с двумя весами чистейшего польского амфетамина, еще у меня завалился касарь, оставшийся с выходных, безвылазно проведенных у Алисы – я был во всеоружии. На банке же как назло не оказалось ни души. Муслим сдавал экзамен, Барышник завис в игровых автоматах и даже Мини-Гера – мой

новый кореш – торчал денег Изуддину по прозвищу Бешенный, старшему брату хромого Якуба, и временно не посещал университет. Во всем корпусе не оказалось вообще никого, кто мне подошел бы. Вариант отправиться в Макс я вообще не рассматривал, не желая наткнуться на Алису, с которой уже сутки не брал трубку, и вляпаться в какой-нибудь беспонтовый поход в кино или суши-бар. Присев на полку, я закурил сигарету и стал грустно пролистывать записную книжку в мобильном. Когда началась пара и коридоры опустели окончательно, я совсем приуныл – перспектива тусоваться одному целых полтора часа мне совершенно не улыбалась. Чтобы хоть как-то взбодриться, я было решил сделать себе колпак, как вдруг услышал гулкой топот борцовок, доносившийся со стороны мажорки – пятака этажом выше малого сачка со столовой и комком, торговавшим газировкой и картонной пищей. Через пару секунд из-за угла возникла нелепая вытянутая фигура Малинина в светлых, не по сезону, джинсах и приталенной куртке с воротником из искусственного меха (что вроде было модно в том сезоне).

– Эу, Малинин! – окликнул я его, – Ау ола! Иди сюда, говорю!

– Здарова, Марк, – добродушно отозвался он, – как сам?

– Пойдет, – дежурно ответил я, – въебать хочешь?

– Блин, чувак, я бы с удовольствием, но мне на пару надо.

– Мозги не делай, а-ну пошли!

Мне просто нужна была компания и было, строго говоря, плевать, что у Василия другие планы. Раскатав пару дорожек на узкой парте в поточной аудитории, я снюхал одну и протянул Малинину скрученный в трубочку касарь, приглашая оприходовать другую:

– На.

– Эх, ладно, давай, – покорился он.

Дорога за дорогой, мы присели друг другу на ухо и, раскинувшись в изорванных откидных креслах продолбили почти весь день. Непрестанно сбивая сушняк минералкой и одну за другой переводя на пепел сигареты, мы обсудили все что было на душе и на уме – начиная от шмоток и общих знакомых, заканчивая планами на жизнь и семейными отношениями. Знакомые нарики, подхажившие поздороваться и за компанию перекурить, удивленно наблюдали эту картину, но не задавали лишних вопросов – только недоуменно отводили глаза. В девять вечера опустевший корпус и все аудитории закрывались на ночь, но расходиться по домам совсем не хотелось, и мы решили переместиться в Макс. Разговор тем временем успел стать душевным.

– Слушай, Марк, я думал ты такой бесчувственный надменный урод, а ты оказывается хороший человек! – расчув-

ствовался Малинин и, положив руку мне на плечо, едва не прослезился.

– А я всегда считал, что ты (по-братски без обид) – лох и терпила, а ты оказывается нормальный пацан! – ответил я встречной любезностью.

Такая взаимная откровенность растрогала меня до глубины души. Казалось вот оно – простое человеческое счастье: я и мой новый друг, попивая сладкий горячий чай в полупустом студенческом кафе, рассуждаем о жизни, об отношениях, о родителях; за окном буйствует вьюга, а нам тепло и уютно сидеть на этом красном дерматиновом диване. К тому же в носке у меня заныкано фена еще на пару колпаков, а значит горячего для душевного разговора оставалось еще примерно на час.

– Здорово, что ты меня сегодня с пары вытащил, – скрипя зубами и тяжело дыша, улыбнулся Малинин.

– Да, хорошо, что увидел тебя, – ответил я, дергая жилами на лице и обливаясь потом.

Час спустя мы распрощались под блеклым светом фонаря нависшего над автобусной остановкой против цирка. Было уже около полуночи. Редкие машины проносились по Вернадке, поднимая в сухой морозный воздух скрипевший под шинами снег. Мы условились встретиться на другой день –

В том же месте, в тот же час.

– Завтра с меня фен, – пообещал Малинин.

– Заметано, – ответил я, садясь в такси.

8

Наутро я проснулся от звона не унимавшегося будильника, раздраженный словно свежесбривший подбородок опущенный в стекловату. Все было плохо: горло болело так, будто мне дали кулаком в кадык, дерьма не было, денег тоже. К тому же за окном мороз стоял такой, что даже лежа в постели, я мог представить, как у прохожих при вдохе замерзают сопля. Я с головой залез под одеяло и начал было подумывать о том, чтобы забить на универ и остаться дома, но вылезал не долго – ссать хотелось так, что через пять минут мне все же пришлось подняться. Я залез в ванну, помочился, принял душ, оделся, выпил чаю с лимоном и таки отправился в МГУ.

У здания метро Университет я вышел из маршрутки, перешел дорогу по зебре и в торопливом потоке студентов и преподавателей зашагал по аллее мимо опавших скрюченных яблонь. Оказавшись на гуме, целенаправленно поднялся на банк, где застал Мишу и его кореша Ми, неторопливо раскидывавших партию в дурака и ожидавших кусок хэша, ко-

торый должны были принести с минуты на минуту. Это было весьма кстати – первая хорошая новость за день. Усевшись с ними, я присоединился к игре. На отходах меня потряхивало, тряслись не то что руки – дрожала даже голова, как у тех собачек, что таксисты ставят на торпеду, а нижняя челюсть была уже почти на носу. Парни тоже выглядели несвежими.

Мы доигрывали уже третью или четвертую партию, когда на горизонте возник силуэт. По мере того как он выходил из тени, я все отчетливее узнавал в нем нелепого гуфи Малинина.

– Здарова, чувак! – завидев меня, еще на расстоянии шагов двадцати приветственно поднял он руку.

– Фен принес? – не здороваясь, строго спросил я.

– Блин, нет, не получилось, но завтра...

– Пошел на хуй отсюда! – перебил я его, вскакивая с полки.

– Чувааак!

– Нахуй, я сказал!

Не прекращая движения, Малинин резко развернулся на сто восемьдесят градусов и, несколько секунд спустя, исчез за углом.

Парней это развеселило.

– А я еще вчера удивился, че это вы с ним третесь, – посмеивался Ми.

– Он мой хуй, – отрезал я, желая раз и навсегда закрыть эту тему.

Через четверть часа на банк подтянулись Муслим и Барышник, а еще через полчаса Мише таки принесли кусок гашиша.

Когда поточные аудитории пустовали, мы курили гаш прямо в них. У каждой было по два входа – внизу – с первого этажа, и наверху – со второго, что оставляло пути отхода в случае палева. Но палева не было – благодаря внушительным размерам помещения дым моментально рассеивался, не оставляя запаха. В дневные часы, когда поточки были заняты, а в коридорах лазили посторонние, курить приходилось в туалете у банка – не самом, кстати, вонючем, не смотря на второй этаж. Как правило в университетских туалетах воняло тем сильнее, чем ниже они находились, но этим сортиром кроме нас, по сути, никто и не пользовался. Стены, полы и высоченные четырехметровые потолки в нем были отделаны белым кафелем, монументальные бетонные перегородки разделяли кабинки, щеколды на дверях которых, на удивление, не были сорваны. Обычно мы оккупировали две соседние кабинки, вставляли на унитазаы и раскатывали плюшки на

широкой смежной перегородке.

Так, мы с Муслимом стояли на толчках и наблюдали, как коптящаяся на конце расплющенной сигареты жирная плюшка черного крема таяла, наполняя густым дымом пластиковую бутылку через дырку у самого днища. Гашиш был вкусный. Скурив по три плюхи, мы, пошатываясь, вернулись на банк и присели.

– Блеать! – воскликнул я скорее от неожиданности, чем от боли.

Торчавший из полки гвоздь вошел в мою ладонь на пару сантиметров. Не теряя самообладания, я высвободил руку и посмотрел на рану – она была довольно глубокой. Собрав волю в кулак, я приложил все усилия, чтобы не думать о том, чем это чревато. Достав из портфеля парфюм, я обработал рану и постарался абстрагироваться.

– Ты нормально, Марк? – спросил кто-то из парней.

– Да, – ответил я, массивным флаконом стуча по гвоздю, – эту падлу нужно загнуть, чтобы еще кто-нибудь не напоролся.

– Покажи, может тебе в медпункт?

– Нет, нормально. Накуренный я туда все равно не пойду.

Я снова присел на полку и, болтая ногами, стал с любопытством вникать в рассказ Муслима.

– Короче, на нальчикской радиостанции два типа, кента моих, диджеями были, – начал он, – и я, один кон, захожу к ним салам закинуть – а они только из Питера вернулись – и привезли оттуда бутирата – канистру пятилитровую.

– Это че такое, стесняюсь спросить?

– Ну, лекарство для женщин беременных, есть. На вкус как Боржом или Эссентуки и выглядит также, а прет от него как будто сразу пороха и колес въебал, только еще сильней. И хуй чем наебешь! Водка, лимон, шмаль – ниче не перебивает! Короче, кайфуем с пацанами на радио-рубке – разлили эту тему по стопкам, сидим за столом, чота-чота... И тут, короче, Фрунзик вваливается – местный нарик перцовый, есть – совсем бедолага, *вот такой*, – Муслим отогнул мизинец показывая *какой*, – и чота – «бляяя, пяцаны, а чооо это вы тут пьете, дайте-ка я тоже приколюсь». И берет сходу стопку опрокидывает – а этой темы, понял, пробку от кока-колы достаточно выпить, чтобы вперло. Ну, я думаю пиздец ему шас настанет. Дурак, говорю, это бутират был. Он – «да? да ну на хуй? а чо это за тема такая?» и уходит. Ну, мы чота-чота, посмеялись, сидим, про Фрунзика вообще забыли и тут я, короче, на дальняк пошел. Прихожу на дальняк, смотрю – занято. Я – бля, кто там может быть?

– Фрунзик?

– Да, короче, оказалось, охуеешь: там в кабинке стояла банка трехлитровая, чтоб бычки скидывать и газета нарезана, чтобы подтираться. Короче, этот фраер выкинул бычки, помыл банку, налил в нее воды из-под крана холодной и сидел читал обрезки газеты, а из банки сушняк сбивал.

Я посмеялся вместе со всеми, но вдруг заметил, что у меня все сильнее темнеет в глазах.

– Прикинь, чо за ебальник, – улыбнулся мне Муслим.

– Братан, пошли со мной на воздух выйдем, – попросил я, – что-то меня хуевит.

– Базару нет, пойдем выйдем.

Собрав все силы, я поднялся и мы направились к выходу.

– Братуха, держись за меня лучше, – заметив, что меня ведет, подставил мне плечо Муслим.

– Я тебя умялю, не мороси, – отмахнулся я и, сделав еще ровно шаг, в отключке растянулся на паркете.

Когда я открыл глаза, парни на руках вносили меня в сортир.

– Че это вы мутите? – удивился я.

Встав на ноги и придя немного в себя, я скурил еще три плюшки, после чего решил, что учебы с меня уже хватит и поехал домой.

9

Наркоманский угол на банке не слишком привлекал Нарека. Его пугал этот широкий угрюмый коридор и скопление странных неестественно оживленных людей вокруг дырки в стене, вряд ли задуманной архитекторами под притон. Но иногда, когда Нарек на почтительном расстоянии проходил мимо, Муслим подтягивал его пообщаться за как дела и повеселить собравшихся диковинкой. Воодушевленный таким вниманием Нарек не шутя рассказывал сюрреалистические истории – о том, как в его дом ворвались семь женщин-ниндзя и он был вынужден изрубить их всех катаной – или как у него была девушка.

– Нарек, а как ее зовут? – поинтересовался Барышник.

Мы только что закинулись таблетками – я, Муслим, Барышник и Таня – чокнутая объебосница с красными волосами.

– Не твое дело! – огрызнулся он.

– Э, Нарек! – погрозил пальцем Муслим.

– Ну, а что он меня спрашивает?! – возмущенно развел руками бедный юродивый, а смачные прыщи окаймлявшие его скошенный лоб с массивными надбровными дугами наливались кровью и пульсировали.

– Не вынуждай меня, Нарек, – строгим тоном предупредил Муслим.

Нарек обиженно надулся, но все же ответил:

– Оля.

– А ты ее трахал? – тут же спросил Барыга.

– Конечно, трахал!

– А сколько раз?

Нарек, перебирая пальцами на руке, посмотрел вверх – очевидно, считая, и через несколько секунд смущенно ответил:

– Один.

Смеяться было нельзя, чтоб не спугнуть такой аттракцион, но очень хотелось.

– А ты когда ее трахал, вы предохранялись? – поинтересовалась Таня.

– Не понял? – не глядя на нее уточнил Нарек.

– Ну, презерватив вы использовали?

– А как же!

– А ты кончил когда ее трахал? – не унимался Барышник.

– Да.

– А сколько раз?

– Четыре!

– Сколько ж у тебя презервативов было! – с улыбкой похвалила Таня, но Нарек воспринял это как вопрос.

– Два!

– Да ну нахуй, – не выдержал я.

– Нарек ты, кстати, знаком с Таней? – прервал вивисекцию Муслим.

– Нет.

– Ну, так познакомься – как дикарь себя ведешь, я ебу!

– Здорова! – бросил он вызывающим тоном, искоса, поглядывая на Танину огненную шевелюру.

– Привет, красавчик, – подмигнула Таня.

– Ты уже, Таня, поняла, наверное, Нарек исповедует защищенный секс и никогда не жарится без гондона, – пояснил Муслим.

– Да ладно? Нарек, а если бы я тебе предложила заняться сексом без презерватива, ты бы мне отказал?

– Конечно! – отрезал Нарек.

– Я что тебе на нравлюсь? Ты меня не хочешь?

– А почему я должен тебя хотеть? – возмутился он, – я тебя вообще первый раз вижу!

– Не знаю, вон, ребята хотят, а ты не хочешь...

– Пусть хотят! А у меня своя голова на плечах.

Нарек фыркнул, гордо задрал нос и, придерживая свою палку, в позе Байрона скрестил на груди руки.

– Какой ты независимый. Меня это возбуждает, – замурлыкала Таня, поглаживая его шею, – а если бы я тебе сиську показала?

– Н-не знаю, – помешкав, заикнулся Нарек и моментально сменил агрессию на смущение.

– Ну, давай попробуем, – она повернулась к нам спиной и лицом к Нареку, расстегнула свою красную олимпийку и показала ему грудь.

– Ааа, падла, – рассмеялся я.

– Ой! – только и смог вымолвить Нарек.

– Понравилось? – улыбнулась Таня.

– Да...

Нарека явно начинало клинить. Нижняя челюсть у него в буквальном смысле отвисла, взгляд затуманился сильнее обычного, а из уголка рта к полу шелкопрядом потянулась слюна.

– Хочешь потрогать?

– Нууу... – в смущении заколебался он.

– Пойдем в туалет, – предложила Таня и мягко увлекла его за собой.

– Нарек, главное в пилотку не ныряй – уважать перестанут, – бросил ему вслед Барышник, но опомнившись, добавил, – хотя, кому я это говорю?

В следующие минут сорок Таня развлекала нас дрессировкой несчастного юродивого, капризничая, сменяя холодность лаской и наоборот. Но оказалось, что и Нарек – не подкаблучник – он до последнего показывал характер, то виляя хвостиком, как послушный пудель, то вдруг агрессивничая как замкнувший пит-буль. В какой-то момент, охваченный порывом ненависти, он замахнулся на Таню своей палкой.

– Знаешь, Нарек, иди-ка ты на хуй, – заключила она, – раз собрался меня бить, я с тобой вообще разговаривать не буду.

Не находя, что сказать, Нарек опешил.

– Ладно, все, Нарек, иди, куда шел, раз вести себя не умеешь, – вмешался Муслим, – давай-давай! Все! Завтра придешь.

Нарек нехотя послушался.

На другой день, мы вновь торчали на банке. Кто-то при-

нес гашиш и карты и мы в шесть рук раскидывали партию в дурака. На отходах после вчерашних таблеток, совпавших, вероятно, с ПМС, Таня была явно не в духе, а о своих невинных шалостях с бедным Нареком и вовсе не вспоминала.

Зато помнил он. Ромео появился на банке едва мы доиграли очередную партию и прямо заявил, что им с Таней необходимо объясниться. От неожиданности Ми, пропустивший разыгравшуюся накануне драму, поперхнулся газировкой, вскочил со своего места и разбрызгивая содержимое бутылки во все стороны убежал на мажорку.

– О чем нам с тобой, говорить, Нарек? – скрывая раздражение и игнорируя реакцию присутствующих, спросила Таня, а ее губы скривились в насмешливо-снисходительной улыбке.

– О том, что между нами произошло.

– А что между нами произошло?

– Ну... – затянул он.

– Я просто дала тебе потрогать сиську. Ты хочешь это обсудить? Давай обсудим.

Казалось, что безмолвие Нарека вот-вот должно прорвать исполненной любви тирадой, но – он молчал, и, судя по выражению лица, был ближе к тому, чтоб начать пускать слюнями пузыри.

– Все, заебал, иди, Нарек, не нависай, – снова вмешался Муслим, – видишь, дама не хочет с тобой сейчас общаться. Нахуй ты такой навязчивый? Тебя родители не учили не приставать к людям?

С надеждой Нарек посмотрел на Таню, но, не найдя в ее глазах и тени сочувствия, тяжело вздохнул и нехотя поплелся прочь.

С тех пор он приходил на банк каждую перемену в надежде застать Таню. Все это продолжалось пару недель, пока Мини-Гера – однокурсник Нарека – скорее от безудержности, чем из благих побуждений, избавил его от любовного помешательства, а Таню от назойливого воздыхателя.

В тот день я, Муслим, Мини-Гера и еще несколько человек петочились на банке. Мы только что покурили и рассуждали на псевдо-философские темы. Моя нехитрая гипотеза заключалась в том, что вовсе не обязательно убивать кого-то топором, чтобы почувствовать себя «право имеющим». Речь шла не о каком-то пафосном триумфе воли в духе Достоевского или Лени Рифеншталь, напротив, все сводилось к тому, что можно изменить судьбу человека просто окропив его уриной или попросту обоссав. Когда-нибудь забудет тот, кто сделал, забудут и те, кто наблюдал, но тот, кого обоссали, для

самого себя до самой смерти останется обоссанным.

Нареку просто не повезло оказаться не в том месте не в то время. Он как обычно дежурил шагах в пятидесяти от нас, надеясь встретить Таню, когда Мини-Гера, внимательно слушавший мою речь и ловивший каждое слово умными, как у собаки, глазами, решил испытать услышанную гипотезу жизнью.

– Кайф, я на Нарека поессу? – предложил он Муслиму.

– Аааа давай, – обрадовался накуренный Муслик.

Отлучившись в туалет и вернувшись с полной бутылкой, Мини-Гера давился смехом в предвкушении задуманного розыгрыша.

– Эу, Нарек, подойди-ка сюда, – позвал Муслим.

– Зачем? – откликнулся Нарек с безопасного расстояния.

– Ебанный свет, ты чо такой сложный, а? Тут пацаны тебе интерес задать хотят.

Осторожно ступая по вздувшемуся паркету, на нешуточной измене, Нарек стал медленно приближаться к нам. Он явно что-то заподозрил и потому готов был удрать в любую секунду. «С этими нерусскими нужно держать ухо востро» – читалось в его взгляде.

– Нарек, – обратился к нему Мини-Гера, когда расстояние сократилось до убойного, – чо у тебя с этой Таней, приколи.

Нарек было открыл рот, и приготовился излить душу, но не успел издать и звука, как по-кошачьи молниенсным движением Геракл выхватил из-за спины уже открытую бутылку и выпустил струю янтарной жидкости в его сторону. Чудом увернувшись, Нарек бросился наутек.

Со звонким смехом Мини-Гера пустился в погоню, разбрызгивая на ходу капли мочи. Когда оба скрылись на мажорке, мы все буквально покатывались со смеха.

Спустя минуту, на горизонте показался Геракл с пустой бутылкой в руках.

– Догнал! – победоносно провозгласил он и голос его эхом разнесся по коридору.

Больше Нарек не приходил на банк, но на Муслима, вроде, зла не держал – варианта не было – и через пару недель прислал ему плоды своего творчества – книгу, первая глава которой, называлась «Таня, королева секса».

Близился март, зимняя сессия, наконец, миновала. На абсолютных голяках мы с Барышником и Муслимом сидели за компьютером в Максе и, попивая газировку, любезно приобретенную терпилкой по имени Димарик, просматривали сайт с анкетами московских проституток. С мороза один за другим в Макс заходили раздумывавшиеся абреки с инеем на смоляных ресницах и до блеска начищенными летними туфлями на ногах. Все как один, согласно последним университетским трендам, были одеты в полосатые брюки, приталенные куртки из дубленной кожи, отороченные мехом, и неизменные шапки-пидарки – те самые, с крупными логотипами.

– Бля, смотри че за путана! – понизил голос Барышник и, как олигофрен застучал ладонью по клавиатуре.

– Э, тебе вообще нельзя такое смотреть, – забрал я у него мышку, – походу про тебя говорят: качан дымит – башка не варит.

– В натуре, хайван, – стал смеяться над ним Муслим.

– Заебал, Марк, отдай, – возмутился Барышник, – ща ебну!

– Э! Послушай! – одернул его Муслим, – тему пацан один приколот. Короче, у них на РУДН два шабиста – Мага и Дато – в конкретных тягах заходят в лифт, а там, короче, стоит какой-то пиздец здоровый бурят или ханты-мансиец, хуй его, пиздаглазый, короче. Ну, двери закрываются и один из этих

пацанов решил походу хаха половить – оборачивается к этому быку и говорит: «Вот ты и попался, хитрый Чен!». А тот походу шутку не понял и сходу обоих уработал, прикинь, – Муслим раскраснелся от сдерживаемого смеха, – этот приколоться хотел, а тот ебанат в серьезку воспринял и разьебал их!

– Свой рот ебал! – захлебываясь от смеха восторженно воскликнул Барышник.

– Ну, мне так по крайней мере прикалывали, – пояснил Муслим.

– А я вчера с ТТ разговаривал, – поделился Барышник, – хотел дисков взять в загруз. Она говорит у нее нет – пиздит, конечно – но зато, говорит, есть барбитура, которая штырит как экстази. Четыре табла выпиваешь и прет.

– И что это за дерьмо? – поинтересовался я.

– Баклафен называется – лекарство от паранойи для старых людей.

– А рецепт?

– Не нужен.

– А сколько стоит?

– Рублей двести упаковка.

– Почему мы еще здесь? Поехали! – воодушевился я.

– Куда? – не понял Барышник.

– В аптеку, куда!

– Не, пацаны, вы езжайте, а мне на пару надо, – поднялся с места Муслим, – потом приколите, чо за тема.

Выйдя из Макса, мы двинули в сторону метро. На гуме, конечно, тоже была аптека, но старая ГБ-шница, которая в ней работала, не продавала нам даже пипетки. Зато в аптеке на Строителей мы беспрепятственно замутили пачку этого дерьма и сразу же закинулись. Решив, что четыре таблетки – доза для девочек, Барышник закинул девять, я же ограничился шестью. В приятном предвкушении, томясь от сладостного ожидания трипа, мы прогулочным шагом возвращались в универ. Через пару у Барыги начинался зачет, поэтому, едва войдя в Макс, он почти сразу же соскочил в корпус, а я, заметив Алису в компании ее странных подруг, решил заморозиться с ними.

– Зая, представляешь... – набрав в легкие воздуха, начала Алиса какой-то несносный невыносимый рассказ. Я хотел было послушать, но что-то меня отвлекло, поэтому я простопил газировку, которую она мне купила, и с отсутствующим видом пялился по сторонам.

За соседними столиками, насколько хватало глаз сидели платиновые блондинки с рыжей от автозагара кожей и шумные, облаченные во все черное, южные девицы, всегда готовые в случае чего сделать проход в ноги или бросок через бедро – те и другие с модными в том сезоне белыми сумочками Луи Виттон с разноцветным брендингом. В очере-

ди у кассы выстроился весь свет московского университета. Вырядившийся в розовую футболку и драные джинсы Дима Акопян с игривым ирокезом через всю голову любезничал с Шервони-фэйсконтролем – самопровозглашенным смотрящим за малым сачком первого гума – упитанным парнем в черном пуховике с крупной надписью Гуччи через всю спину – от плеча до плеча. Распаленный, видимо, живым разговором, Шервони ни с того ни с сего ударил Акопяна в плечо. Тот пошатнулся, но не рассердился, а с заискивающей улыбкой уточнил, можно ли и ему ударить в ответ. Шервони великодушно позволил, кивнув в знак согласия. Впрочем, великодушие на глазах сменилось презрением, когда Акопян лишь слегка коснулся его кулаком. «Даже пуховик Шервони смог бы отпиздить Акопяна» – подумал я и улыбнулся собственной шутке.

– Зая, ну что ты молчишь?! – тормашила мое плечо Алиса. Заглядевшись на пуховик, я не заметил, что она уже закончила свой рассказ.

– Да ладно? – заинтригованным тоном, переспросил я.

Барбитура начинала впираться.

– Да! Я сама в шоке! – бедная девочка, она одна в МГУ не знала, что я травлюсь, как последняя тварь.

– Ну, ясно, – ответил я очень серьезно и, заговорщицки

подмигнув ей, вышел из-за стола, – вечером еще обсудим.

Покинув Макс, я направился к первому гуму. Войдя в корпус через малый вход, я обнаружил, что мест в гардеробе не было и мне пришлось идти прямо в куртке. Едва миновав пропускной пункт, я услышал, как охранники, выполнявшие функции турникета, попытались не впустить шедшего следом за мной Алишку, брата моего однокурсника Ислама – ему было лень лезть в карман за студенческим.

– Предъявите пропуск! – вопил один из охранников.

– Я граф Алиев! – рявкнул на него Алишка и потопал дальше.

Второй охранник лишь махнул рукой – пусть идет. На меня же, словно благодать, неожиданно снизошли воздушная легкость и эйфория. Взлетев по ступеням на банк, я стал носиться по коридору, как невесомая пушинка, подхваченная порывом ветра.

– Я лечууу! Лечу! – кричал я, бегая вокруг ничему уже не удивлявшихся местных обитателей.

Так совпало, что зачет Барышника проходил в аудитории, вход в которую находился как раз возле банка. Я продолжал радоваться жизни, когда в коридор неожиданно вышел Ис-

лам, державший раскрасневшегося с полузакрытыми глазами Барышника, переборщившего, как выяснилось, с дозировкой и висевшего теперь безжизненной тряпочкой на руках друга. Заметив во время зачета, что Барышник отъезжает, Ислам догадался вывести его из аудитории, объяснив преподавателю, что «пацан пиццей траванулся и ему не вариант сейчас».

– Вова, я летаю, дай мне еще, – завидев парней, я как коршун спикировал к ним.

– Нет, я их выбросил, – выдавил Барышник и блеванул на пол.

Немного огорчившись, но моментально об этом забыв, я развернулся и продолжил свой нелепый забег. Немного устав, я решил присесть. В кармане завибрировал телефон – звонил Сега.

– Братан, надо шабануть вырубить. Есть вариант?

– А сколько надо?

– Грамма четыре.

– Ща попробую, – согласился я.

В МГУ вариантов не оказалось, поэтому я позвонил Шмудле в МАрХИ и договорился на четыре куса по четыре рубля каждый. В ситуации, когда в кармане не было ни копейки,

это казалось нормальным проектом. Сега, который не приходился мне ни другом, ни братом, я объявил по шесть. В конце концов, он просил не дверь придержать, а обдолбанному тащиться через всю Москву с палевом на кармане, рискуя попасть под статью.

МАрХИ располагался в бывшей городской усадьбе графа Воронцова на Рождественке и казался камерным и миниатюрным – особенно в сравнении с МГУ, численностью населения и территорией, напоминавшим небольшой город. В МАрХИ же не было ни пафосного интернет-кафе для мажоров и сочувствующих, ни заветренных суши по цене самолета, ни ряженных в розовое блондинок, ни агрессивных абреков на дорогих иномарках. Там ничего этого не было и я сочувствовал Шмуле всей душой. Из явных плюсов на ум приходил лишь отличный гашиш. «Если б не хэш, я вообще не знаю как бы они тут учились» – подумал я, спускаясь в подвальное помещение столовой, где уже ждал меня Шмуля.

К этому моменту мне стало совсем хреново. Забрав стаф – огромные куски шикарного черного крема – я зашел в туалет и хорошенько проблевался, после чего отрезал себе немного гашиша и поехал назад. Поездочка была не из приятных – холодно, я по колено в грязной ледяной жиже, замешанной с реагентами, борясь с позывами к тошноте, чапал к метро... Спустившись в подземку на Кузнецком мосту, чтоб не

спалиться перед вооруженными собакой мусорами, я молниеносно струганул проходя мимо колонны, после чего, как ни в чем не бывало, снова появился перед их всевидящим оком. То ли разнервничавшись, то ли увлекшись этой игрой в прятки, я сел на тот поезд и вынужден был пересесть на следующей остановке. Стараясь не стругануть в переполненном вагоне, я считал секунды, до объявления «станция Университет».

Едва поднявшись по эскалатору, я вылетел на улицу практически по частям. Из-за стеклянных дверей сначала появилась мощная, как из пожарного шланга, струя нечистот, и только после – вся моя скромная персона.

Не успел я дойти до корпуса, как позвонил Сега и сообщил, что Барышник отъезжает на гуме.

Войдя в первую поточную аудиторию я увидел возложенное на верхний ряд сидений тело, вокруг которого собралась целая делегация представителей высокогорных кланов во главе с Муслимом. Барышнику то и дело предлагали воды, тыкали его в бок, проверяя жив ли он, а по аудитории эхом разносилось многоголосое неодобрительное цоканье.

Барышник был в бреду.

– На, братан, попей воды, – попытался влить в него минералку Хусик.

– Па, отъебись, – промямлил Барышник.

– Какой я тебе па, пидор, воды попей, говорю. Приди в себя, ну!

– Па, умаляю, отъебись, пожалуйста, иди на хуй, па, я еще сплю.

– Надо ему лимон дать, – отдав Сеге стаф, посоветовал я.

Кого-то тут же отправили в палатку.

Лимон Барышник жрать наотрез отказался, а когда ему силой запихивали рот дольки, он словно пушечным залпом выплевывал их в сторону кафедры.

– Бля, че делать, он не хакает, – посетовал Мини-Гера.

– Ты че за немошь, Гера? Заставь! – раззадоривал его Муслим.

– ДАЙТЕ МНЕ ЛИМОН! – с каким-то отчаянным возовом закричал вдруг Барышник, поднявшись на своем ложе.

– На, ебанат, блядь! – протянул ему четверть плода Мини-Гера.

Барышник резким движением вырвал его из Гериных рук и швырнул в сторону.

– ДАЙ ЕЩЕ!

– Ты долбаеб! – негодуя, замахнулся на него Геракл.

В ответ Барышник смачно харкнул ему в лицо, и скрючился в каком-то диком припадке.

– Ааа, хайван, ты даже с калекой справиться не можешь! – сквозь смех проговорил Муслим, – Как ты людей на бабки выставлять умудряешься?

Совершенно смешавшись, Мини-Гера растворился в толпе. По мере того, как шло время, делегация таяла, пока в аудитории нас не осталось трое: я, Муслим и неменяемый, так и не приходивший в себя Барышник.

Надо сказать, я тоже чувствовал себя довольно погано и радовался лишь тому, что больше не закинулся во второй раз.

Вечером, когда корпус опустел, и аудитории вот-вот должны были запереть на ночь, мы водрузили Барышника на плечи и поволокли к выходу. В себя он так и не пришел, так что варианта везти его домой не было, поэтому мы решили ехать к Бабраку, жившему на Ленинском недалеко от универа.

– Че он, живой еще? – поинтересовался Бабрак, когда уви-

дел нас на пороге, – вы проходите, пацаны, бросьте его на кровать что ли.

В просторной столовой с желтыми стенами и красными диванами, вкупе с белыми потолками, образовывавшими осетинский флаг, как обычно, собралось общество – человек пятнадцать пацанов из МГУ и не только, большинство из которых я видел впервые.

– Марк, – представился я бородатому парню, стоявшему ко мне ближе других.

– Гамзатбек, – залихватски пожав мою руку, ответил он.

– Марк.

– Шах.

– Марк.

– Ильяс.

– Марк.

– Кабус.

...

Когда формальная часть была окончена, мы расселись кто куда. Гости были опасного вида, но общались спокойно, без всяких гай-гуй, инч-хуинч – многие из присутствовавших не были знакомы, так что никто не понтовался и не выделялся. Я же просто с серьезным видом сидел на пуфике, упершись кулаком в колено и старался не стругануть. Меня все

еще подштыривало, а палиться было нежелательно. К счастью, вскоре большая часть народа разъехалась по домам, и нас осталось человек шесть.

– Я, короче, видос смотрел, – вернувшись из туалета приободрившимся, решил я поделиться с пацанами, – какая-то тусовка на хате у Снуп Догга. Там, короче, телки, рэпчина играет, у всех шмаль, бухло в бумажных стаканчиках, бывает же; а у дома на пятаке стоит взорванный аппарат – на его капоте лежит телка и один негр ей шлифует прямо при пацанах.

– Бля, нахуй ты такое рассказываешь? – с отвращением отозвался Ислам.

– А приколы в том, что тип, если его еще можно типом назвать – короче, этот хуй, который в пилотку нырял – оборачивается к камере и говорит: «вот так отдыхают настоящие гангстеры!»

Пацаны взорвались гомерическим смехом. Все кроме Муслика.

– Ебанный пиздОгрыз! – возмутился он, делая ударение на букву «О», – мрази кусок, жи есть.

– У них там, вообще никаких понятий нет, у этих чертей, – заметил Ислам, – я летал когда в Лос-Анджелес, там типу можно сказать: «я твою мать ебал» – на Кавказе за та-

кие слова целые селухи вырезают, да? А этим похую! А вот если «лузером» назовешь – сразу за стволы хватаются. Чо за нация такая?

– Ей-богу, дикари, – согласился Муслим.

– Даааа...

– Да черт с ними! Сейчас бы шабануть, – мечтательно произнес Бабрак и хитро посмотрел на меня, – нельзя ничего придумать?

– Да, можно в принципе, – ответил я, – закрой глаза!

Бабрак радостно зажмурился, а я достал из носка завернутый в слюду кусок.

– Можешь открывать!

– Бля, ты факир, что ли? – обрадовался он.

– Я факер, – ответил я первое, что пришло на ум, – на, покоптишь?

– Да, давай.

Накурившись, каждый стал заниматься своими делами: кто-то залип в телефоне в змейку, кто-то лег спать, кто-то смотрел телевизор. Алишка же, здоровый бык – тот, что граф Алиев – заплетающимся языком сказал, что его не накурило и пошел спать в комнату, где отлипал Барышник. Через час, когда все мы пришли в себя и уже пили чай, он вернулся на кухню и сообщил, что Барышник струганул прямо

в постели. Не знаю, кто из них струганул на самом деле, но, дабы не доводить до греха, озвучивать своих сомнений не стал.

Время было далеко за полночь, когда телефон Барышника начал разрываться от поочередных звонков мамы и бабушки, приехавших на несколько дней в Москву. Наконец, Ислам решился взять трубку, а мы, затаив дыхание, слушали чем все закончится.

– Алло... здравствуйте, нет, это Ислам. Володя? Володя спит... он сейчас не может подойти... да, он выпил лишнего и сейчас на кровати лежит в отключке... нет, сейчас вообще не вариант... мы его сами привезем, когда ему лучше станет... да, знаю я кто его дед... никто его не похищал... да, успокойтесь, пожалуйста! Хорошо, привезем... до свидания, – Ислам положил трубку.

– Бабка, – пояснил он, – ебанашка, думает, мы его похитили! Говорит, если до семи утра домой не привезете, всем пиздец будет. Утром дед приезжает.

– Надо будить этого хайвана.

– Пусть часок поспит еще.

К счастью через час или вроде того Вова таки вернулся к жизни.

Распроставшись с Бабраком, мы вышли на улицу и стали ловить такси. Денег ни у кого не было, и мы решили ловить две тачки на всех в зависимости от маршрута, но даже при таком раскладе выходило, что едущим до конечной придется кидать таксистов. Мне выпало ехать с Барышником и Хуссейном, и я оказывался последним при любом раскладе. Впрочем, было уже все равно.

– Как ты? – спросил я Вову, когда мы погрузились к ничего не подозревающему грачу.

– Я в раю! – откликнулся Барышник, счастливый, что этот ад наконец-то закончился.

Прием на военную кафедру с Факультета мирового господства проходил еще осенью, в середине третьего семестра в трехзальном спортивном корпусе. Будущим военным психологам предлагалось пробежать трехкилометровый кросс на время и одиннадцать раз подтянуться на турнике – задача казалось бы не из сложных, но большинство представителей высокогорных кланов, учившихся со мной на одном курсе, явились почему-то вырядившись словно на похороны Аль Капоне. Сплошной массой в шерстяных черных пальто, свежeweыглаженных брюках, блистая остроносими летними туфлями, толпились они на расчерченной беговой дорожке,

огибающей площадку с легкоатлетическими снарядами.

Первыми, разумеется, финишировали те, кто догадался явиться в кроссовках и, стоя возле засекающего время полковника, наблюдали за мучениями остальных.

– Хорошо бежит, – сказал насмешливо кто-то из ребят, глядя на заходившего на последний круг Фахри.

– Туфли жалко! – ответил я с горечью и отвернулся.

С перекладиной тоже возникли сложности – самые солидные из второкурсников, чей вес перевалил за сотку, а жопа была шире плеч, не могли подтянуться и раза. Однако, зло высмеяв их перед будущим взводом, наши солдафоны таки зачислили на кафедру всех желающих, невзирая на результаты. Занятия должны были начаться в марте. Нам всем предстояло коротко постричься и в следующие два с половиной года, напялив на себя нелепые офицерские гимнастерки и галстуки, убивать каждый понедельник на строевую подготовку, изучение устава и прочей херни под руководством неодупляемых вояк.

В первый понедельник марта, едва расквитавшись с зимней сессией, вместо факультета военного обучения я отпра-

вился в Австрию в надежде захватить в горах еще немного снега. Так, сначала проторчав на склонах, а затем в венских хойригенах, я вернулся в Москву к концу месяца и решил наведаться на войну.

Кафедра располагалась в здании социологического факультета, только вход на нее был с другой стороны здания. Нашим циклом руководили полковник Окорок и подполковник Пиздляев – бывшие военные летчики. Чисто внешне Окорок был типичным Собакевичем – прямолинейным и грубым амбалом, немного сутулым, с незатейливыми чертами лица и извечным прищуром, как у Доцента из «Джентльменов удачи». Впрочем, он оказался неплохим малым, чего нельзя было сказать о его напарнике Пиздляеве – скользком, но во всех смыслах страшно неповоротливом типе, с лицом сорокалетнего Батт-Хеда – узко-посаженными бегающими глазками и длинным, нависающим над тонкими губами, носом с лихо завернутыми крыльями ноздрей. Он отличался страстью к демагогии и патологическим неумением коротко и ясно выражать свои мысли. Так, за время пары он никогда не успевал прочитать лекцию целиком. Ознакомив нас с каким-нибудь понятием, он начинал буксовать, так и этак задрачивая одно и то же. У Огорока, напротив, вся лекция укладывалась минут в двадцать, после чего он чесал затылок и, не зная, что с нами дальше делать, рассказывал армейские байки или, наказав нам сидеть тихо, уходил в свой

кабинет. Будучи нашим преподавом, Пиздляев и сам учился на вечернем – получал второе высшее в МГЮА и, очевидно поэтому, считал себя светлой головой и ловкачом по сравнению с коллегами и тем более студентами.

Первый день на войне тянулся бесконечно. Я вернулся из отпуска с альпийским загаром, посвежевший и полный сил, но за девять часов военного обучения мне выебали весь мозг. Когда закончилась последняя пара и нам скомандовали разойтись, я, счастливый, что все закончилось, мечтал только поскорее попасть домой – но не тут-то было.

– Г.! – окликнул меня по фамилии Пиздляев, – задержитесь!

– Твой рот, – произнес я шепотом, глядя на спины своих удаляющихся сокурсников.

– Ну, Г., что мне прикажешь с тобой делать? – спросил Пиздляев, когда мы остались наедине.

– В смысле? – отыграл я дурачка, понимая, что за прогул месяца занятий с кафедры меня могли просто отчислить (что, впрочем, не влекло за собой никаких последствий на основном факультете).

– Ну, как, в смысле, – удивился он, – месяц пропустил, сегодня явился как ни в чем не бывало. Я по-твоему сплясать от радости должен?

– Отнюдь, я понимаю ваше недовольство и благодарен за разрешение присутствовать на занятиях, – улыбнулся я.

– Вот ты какой человек непонятливый! Думаешь так все просто – спасибо, тра-ля-ля?

– Ну, а что же еще я могу сказать?

– Тут не сказать – тут сделать надо! Мы с полковником Окорокком пошли тебе на встречу. Теперь твоя очередь подумать, поразмыслить и дать взвешенный ответ, какую ты пользу кафедре можешь принести? Зачем нам тебя держать здесь?

– Ну, буду стараться, чтобы показатели росли, – я начал сомневаться вымогает ли он взятку или хочет трогать меня там.

Услышав это, подполковник, не сдержавшись, приснул.

– Родители чем занимаются? – спросил он в лоб.

– А при чем здесь мои родители? – удивился я и на голубом глазу стал втирать ему о своей самостоятельности, – я уже совершеннолетний, сам за себя в ответе. Сам работаю, сам за обучение плачу.

– Ты? – подполковник взглянул на меня с сожалением, – ну и где ты работаешь?

– В торговом представительстве посольства Австрии, – гордо ответил я.

– И много платят?

– Пятнадцать тысяч.

– Ну, и чем ты можешь быть полезен кафедре, – услышав эту цифру, разочарованно махнул рукой Пиздляев и, поднявшись со стула, подошел к окну, – ладно, иди Г., но если за ум не возьмешься, вылетишь отсюда как пробка из бутылки.

– Вас понял, – ответил я, – спасибо товарищ подполковник. До понедельника!

После этого разговора, я взяв себя в руки, более или менее аккуратно посещал занятия в четвертом семестре, лишь изредка съездиваясь после обеденного перерыва и со временем ушел с последнего места в рейтинге, став третьим или даже четвертым с конца. Впрочем, на зачете в конце мая я с треском провалился, не ответив ни на один вопрос. Честно говоря, на лекциях я даже не пытался запоминать всю ту муть, которую до нас пытались донести, предпочитая конспектированию тетрис. Понимая, что на пересдаче мне даже списать будет неоткуда, я направился напрямиком к Окороку.

– Петр Сергеич, разрешите войти, – попросил я, застав его на кафедре в день, когда не было занятий.

– А, Г., ну, заходи, раз пришел.

– Я тут вот что подумал, – перешел я сразу к делу, – я трезво оцениваю свои способности и понимаю, что за знания мне зачет все равно не получить, так может быть я хоть материальную какую пользу принесу, а, товарищ полковник?

– А что ты можешь, Г., какую пользу? – скорее утверждал, чем вопрошал он.

– Ну, бытовую технику может какую надо? – предложил я и, прикидывая, что дома у меня есть лишний телевизор, хотел было предложить его, но у полковника над головой как будто загорелась лампочка.

– О! Знаешь, что, Г., нам на кафедру нужен телефон без провода, с кнопками. Сможешь?

– Так точно, товарищ полковник! Рад стараться, – не ожидая такого подарка судьбы, я наобум стал сыпать стереотипными армейскими клише.

– Ты еще скажи, служу Советскому Союзу! Давай, Г., купи и приходи с зачеткой, – подытожил он.

Все оказалось проще, чем отнять у ребенка конфету. Немного показного пиетета и купленный на Горбушке китайский телефон за девятьсот рублей освободили меня от лишнего мозгоебства и нервотрепки. К тому же оставшегося от взятых у мамы на решение проблемы двухсот долларов хватало еще на три веса фена или шесть грамм гашиша. Мне начинало нравиться на военной кафедре.

Устав от маминых упреков и Алисиных слёз, незадолго до начала сессии я твердо решил завязать с синтетикой. Ап-

рель уже был на исходе, солнце грело все сильнее, тухлые ку-
чи залежавшегося снега постепенно таяли, встречаясь лишь
во дворах домов, а испещренный трещинами дорожный ас-
фальт напоминал миндальное печенье. Я торопился в МГУ к
третьей паре, начинавшейся в 12:10, но не с целью посетить
лекцию, а рассчитывая с кем-нибудь накуриться. Не успев
добраться до МГУ, я позвонил Гамлету, чемпиону Еревана
по пинг-понгу, и выяснил, что у Мини-Геры завалился ка-
мень отличного гашиша.

Выйдя из такси через дорогу от цирка, я прошел через
массивную каменную арку и оказался у первого ГУМа. Бес-
конечная вереница студентов и преподавателей тянулась ко
входу от самого метро Университет. На скамейках у фонта-
на, за зиму превратившегося в выгребную яму, курили дис-
сидентствующие филологи и философы – кто с книгой, кто
с гитарой, кто с бутылкой. Войдя в корпус и миновав гарде-
роб, я оказался на большом сачке. Охранник в зеленой фор-
ме лениво зевал, прищуренным глазом провожая мелькаю-
щие студенческие билеты; с тыла, из расположенного у про-
пускного пункта аптечного киоска, его надежно прикрывала
старая ГБ-шница, зорким взглядом высматривая неблагона-
дежных и при случае отказываясь продавать им пипетки и
детский сироп от кашля; здесь же на зажатой между двух хо-
лодильников стратегической точке с сушняком и сигаретами
орудовала Фатима, продавщица и по совместительству кен-

туха всех пацанов и агентов, кентов и клиентов.

– Салам алейкум! Как сам? На хате ровно все? Пятьдесят рублей... Ай, красавчик, смотрю на тебя и сердце радуется! Сто три рубля с тебя, – не умолкала она, словно работала на конвейере, успевая обмениваться новостями, справляться о здоровье матушки или хвалить новую куртку своих покупателей, выстроившихся в очередь во время перерыва.

За холодильником у Фатимы собиралось собирался клуб по интересом – наряду с кафе Макс и малым сачком бывший одним из эпицентров университетских движений. Причем движений не как за права меньшинств или независимость Окинавы, а как «салам алейкум тем, кто на движеньях!». Именно здесь я и нашел Гамлета в компании еще нескольких человек.

– Пацаны, не обессудьте, парнягу ненадолго заберу у вас, – поздоровавшись с каждым персонально, произнес я дежурную фразу и под руку увел Гамлета в сторону.

Афишировать перед четкими борцухами, что мы курили гашиш, было излишне.

– Че там, где этот убан? – спросил я, когда мы остались наедине.

– Гера? На семинар ушел.

– Он тебе оставил шабануть?

– Неа.

– Братан, это плохо, – нахмурился я, – нам надо срочно дунуть и ехать в кино. Где у него семинар, ты знаешь?

– Напиши ему, – предложил Гамлет.

Так я и сделал. В ходе короткой смс переписки, стало очевидно, что Гера не горел желанием отламывать нам от своего куска, предпочитая покурить вместе с нами после пары, но я уже все для себя решил и не намерен был ждать целый час. Действовать надо было решительно – поэтому на одном из стендов мы посмотрели расписание его группы, нашли аудиторию и постучались в дверь. Не дожидаясь ответа, я сам приоткрыл дверь и кивнул преподавателю.

– Простите, можно сына на минутку? – с поставленным кавказским акцентом попросил я.

– А кто ваш сын? – удивился молодой препод.

– А вот, Пачкунидис, – заглянув в аудиторию, показал я пальцем на щеголевато одетого Геру и поманил его рукой, – Гера, сынок, иди сюда, ну!

Смешавшись, Гера поднялся и посеменил к выходу. Видно было, что его одноклассники с трудом сдерживали смех.

– Э, ебанат, ты че творишь, какого сына? – полушепотом заговорил Гера, прикрыв за собой дверь.

– Отломи нам с Гамлетом гашиша, ебанат.

– Ебанный свет, ты из-за этого меня выдернул? – возвел он к потолку руки.

– Давай-давай, ломани.

Причитая то ли по-гречески, то ли по-турецки, Гера достал из кармана кусок.

– Давай я сам ломану, – забрал я его из Гериных рук и оторвал чуть меньше половины, – пара закончится, звони. В кино поедем.

– Хорошо, – кивнул он, возвращаясь в аудиторию. Из-за закрывшихся за его спиной дверей донесся взрыв смеха.

Дунув в туалете у банка, мы дождались Геру и дунули снова после чего выдвинулись в кино. Потоки рычавших и клокотавших машин неслись в обе стороны по проспекту Вернадского, прерываемые только красным сигналом светофора. Тогда было не принято пропускать пешеходов даже на зебре, поэтому к моменту, когда шлейф из автомобилей, успевших проскочить на потухший зеленый, миновал переход, у нас было только несколько секунд, чтобы с риском для жизни добежать до разделительной полосы, так как следующий поток машин уже со скрежетом рвался на вновь вклю-

чившийся зеленый сигнал свет.

Так, в два этапа преодолев пешеходный переход, мы встали у обочины напротив цирка. Подняв руку, я сразу же остановил тачку.

– Фрунзенская, сто рублей.

– Сто пятьдесят хотя бы дай! – стал торговаться моторист.

– Да сто отличная туда цена, за сто всегда туда уеду! – возразил я.

– Э, вас три человека. По полтиннику скиньтесь, ну!

– У тебя маршрутка что ли? – рассердился я и, не дожидаясь ответа, уселся на переднее сидение, – давай тогда меня одного за полтос отвезешь.

– Не, какой за полтос? – вытаращил глаза моторист, – ты прикалываешься? Нет!

– Э, в плане «нет»? Пятьдесят рублей с человека, твои слова?

– Я имел в виду с каждого!

– Ну вот, если я один еду, значит, я – каждый. Или ты за свои слова не отвечаешь?

– Отвечаю, как не отвечаю!

– Ну, а че стоим тогда?

– Э, слышь, – возразил таксист.

– Бля, я слышу дальше чем ты видишь, – отрезал я и, выдержав паузу, добавил, – охуеешь.

– Брат... – смягчившимся тоном пропел таксист.

– Да, какой я тебе «брат»? Давай, поехали!

Он не трогался.

– Брат... – повторил он.

– Или, кайф, могу тебе еще полтинник накинуть, но тогда пацанов с собой возьмем.

– Ладно, – раздосадовано ответил он, – пусть садятся, поедем за сто.

– Поехали, пацаны, – позвал я Геру и Гамлета, со стеклянными выражениями убитых глаз наблюдавших за развернувшимся представлением.

Плюхнувшись в машину, мы расслабились, стали глупо шутить и громко смеяться. Солнце огромным желтым диском висело в безоблачном небе над нашей пыльной шахой, по Москве-реке словно лебеди гребли свежевыкрашенные речные трамвайчики, а по набережной взад-вперед уже всю гуляли москвичи и гости столицы. Впереди нас ждала сессия – последний рывок перед летними каникулами и незаслуженным отдыхом, а меня еще и мучительный реабилитационный период без спидов и таблеток.

ТРЕТИЙ КУРС

Третий курс начинался там же, где прошли два предыдущих – в кафе Макс МГУ. Прохладным пасмурным днем 1 сентября 2005 года Муслим, Барышник и я сидели за круглым столиком в курящей зоне почти у самого прохода и делились новостями – их накопилась масса, так как за лето мы ни разу не виделись. Барышник довольно безразлично описывал как в конце июня, будучи в Дюссельдорфе, замутил у какого-то турка спидов, заглянул в местное казино и, засунув в игровой автомат кредитку с полусотней тысяч долларов, отведенных ему на все лето дедом, за ночь просадил все до копейки.

– Да пиздец ты! – возмутился Муслим, дослушав историю до конца.

– Да – пиздец, – поддержал я. – Муслим, сам-то что летом делал? На регион летал?

– Да, на хате был, – ответил он, – там хорошо летом – горы, свежий воздух, шашлык, шмаль...

Я уже было представил себе заснеженный, отороченный облаками Эльбрус в красных лучах предзакатного солнца – такой, каким он предстает на фото в детских энциклопедиях, и глухо тонированные "семерки" со свистом проносящиеся по утопающим в зелени улицам Нальчика, всегда пред-

ставлявшегося мне сказочным городом вроде Камелота или Ривендейла.

– Салам алейкум, пацаны, – прервал нас заглянувший в Макс Бабрак.

– Вуалейкум салам, – поднявшись со стула, от души приветствовал его Муслим.

– Здорова, братан! Как сам? – поднявшись, я приобнял его, а затем то же сделал Барышник.

– Да, ничего, жив, вроде, – улыбнулся он в ответ, – у вас нормально все?

– Со дня на день, братан, – качнул головой Муслим.

– Ладно, пацаны, я подойду еще, – кивнул Бабрак и двинулся дальше.

– Давай, братан, увидимся, – бросил ему вслед Барышник и стал рассказывать другую историю. – Я, короче, на той неделе в Москву вернулся – надо, думаю, кокос мутить. И знаешь, где мутку нашел?

– Ну? – закрыв пальцем одно из отверстий опущенной в газировку трубочки, поинтересовался я.

– В ГНК.

– Она секим! – восторженно воскликнул Муслим. По-узбекски это означало «мать ебал» и, хоть в МГУ не встречалось узбеков, фраза эта была довольно расхожей в околосовских кругах.

– Того рот ебал, – как бы в подтверждение своих слов вы-

палил Барышник, – меня с телкой познакомили, которая в ГНК в отделе вещдоков работает. Вот она и банчит по полтора касаря вес.

– С кайфом, – несколько равнодушно кивнул я, заливая дымившийся в пепельнице бычок набранной в трубочку газировкой. Все лето я в целом держался, но пару раз все же нанюхивался, так что боялся сорваться вновь.

– Еще бы не с кайфом! – срываясь то ли на фальцет, то ли на ультразвук, возмутился Муслим, – меньше, чем за три касаря, хуй ты в Москве вес кокеса замутишь!

Я положил трубочку на стол и закурил сигарету. Не смотря на то, что мне удалось завязать, разговоры о наркоте занимали меня больше всего на свете. К своему ужасу, я уже начинал прикидывать, не замутишь ли мне пару весов, как нас снова прервали.

– Здорова, – Муслиму протянул руку проходивший мимо квадратный тип со смешным акцентом и с перстнем Версаче на среднем пальце. Я не знал его имени, да и здоровались мы через раз, но, если случалось столкнуться ночью в клубе, то обнимали друг друга так, словно были кровными братьями.

– Здорова, – едва приподняв со стула пятую точку, приветствовал его Муслим.

Мы с Барышником проделали тоже самое, только молча.

– Это че за олень вообще? – уточнил я, когда перстень ушел.

– Хуй его, братан – *чей-то близкий* походу, – отмахнулся Муслим и обратился к Барышнику. – Вообще, Вова, это па-лево в ГНК мутить.

– Я, братан, знаешь, еду за кокаином, как будто еду за золотом, – откидывая со лба длинную челку, задумчиво произнес Барышник и, выдержав вполне себе театральную паузу, добавил, – но на самом деле я еду за своей смертью.

– Э, ты ебанулся, фраер? – услышав это, Муслим чуть не подавился апельсиновым соком; его переполняли эмоции – он набрал их полные легкие, и теперь обрывисто выпускал наружу, – да я от тебя, ебанат, за два года ни одного интеллигентного слова не слышал! А теперь – я ебу! – он прозой заговорил!

Меня эта история тоже позабавила, но мне показалось, что со стороны Барышника это был просто сарказм, а потому я не придавал его словам такого значения.

Я взял со стола бутылку с Вовиной минералкой, сделал глоток и стал не в кипеш оттягивать уголок глаза, чтобы лучше рассмотреть задницу стоявшей в очереди к кассе первокурсницы в обтягивающих джинсах. Аварцы называли та-

ких телочек «мошшная», Муслим же определил ее как «армянская висложопая».

– Привет! – откуда ни возьмись возникла передо мной рука Малинина, в тот самый момент, когда мне таки удалось настроить фокус.

– Саламандра! – обернувшись, я хлопнул его по ладони.

Следом он протянул руку Муслиму:

– Здорово, как дела?

– Эу, куда ты дровички свои беспонтовые тянешь? – со снисходительной улыбкой Муслим сжал Васину руку и стал щипать его за живот, – твоими молитвами, братское сердце. Сам как поживаешь?

– Да тоже потихоньку! – тщетно пытаюсь уклониться от щипков, хихикал Малинин.

– А в натуре за тебя, Василий, говорят, чо ты шняга мусорская? – развеселившись и не отпуская руки, поинтересовался Муслим.

– Хорош, Муслим, – пытаюсь прервать рукопожатие, лепетал Малинин, весивший раза в три больше своего пленителя, – что ты такое говоришь?

– Я у тебя интересуюсь только. Смотри, Вася, – отпустив, наконец, руку, Муслим хитро посмотрел на него и погрозил пальцем.

Смутившись, Малинин поспешил удалиться, так стремительно, что даже не поприветствовал Барышника. Мы хотели было догнать его и лавашнуть, но потом Вова вспомнил, что они уже виделись утром.

Вообще, в МГУ существовала целая наука как с кем здороваться. Подобно тому как, по словам Гоголя, в России существовало несчетное количество "оттенков и тонкостей <...> обращения" и мудрецов, которые «с помещиком, имеющим двести душ, будут говорить совсем иначе, нежели с тем, у которого их триста», так и в МГУ следовало иметь в виду огромное количество нюансов и правил, чтобы адекватно поприветствовать человека. Новоявленным студентам в первый же день в новом качестве, прежде чем записаться в библиотеку и начать посещать занятия, надлежало раз и навсегда уяснить одно простое правило – «правило толпишки», в соответствии с которым, поздоровавшись со знакомым, стоящим в толпе незнакомых, во избежание конфликта необходимо было приветствовать каждого из присутствующих. При этом можно ограничиться простым европейским рукопожатием, которое, однако, считалось холодноватым даже для тех, кого видишь впервые, а потому, в знак уважения и расположения, обычно осуществлялось двумя руками. Здесь, кстати, тоже существовали свои тренды и техники. Так, пацан по имени Нури, молниеносным движением сво-

бодной левой рукой, точнее средним ее пальцем, касался руки, которую пожимал – как будто трогал раскаленную сковородку.

Зная человека неплохо, принято было, одновременно с рукопожатием, касаться левой рукой его локтя; зная хорошо (или достаточно давно) – касаться плеча, или и вовсе обниматься при встрече. С близкими, старыми друзьями – особенно теми, кто принадлежал к одной с тобой национальности – надлежало, пожимая руку, целоваться в щеку – но это уже опционально. Так, например, Тарас Квази-Ахмедов просто старался лобызаться с как можно большим количеством людей – усматривая в этом некий престиж. Причем выбирал для этого преимущественно брюнетов.

Если же тебя заставляли сидящим (или присевшим, как предпочитали говорить университетские южане из-за неприятных ассоциаций с местами не столь отдаленными), жать руку не отрывая зада от стула можно было только людям неуважаемым или совсем молодым. Здороваясь с остальными, следовало хотя бы символически приподняться. Ну, а друзей, мы приветствовали стоя, так что я сразу вскочил со стула, когда подошел Хусик и предложил пойти шабануть.

В Москве пробило полдень. По улице академика Хохлова, плавно покачивая бедрами, сновали загорелые блондинки в солнцезащитных очках с линзами пастельных оттенков. Из сумочек иных, самых прилежных, выглядывали конспекты, но даже эти уже щеголяли новомодными закачанными гелем губищами. Проходя мимо, они надменно улыбались ими худеньким загорелым мальчикам в изящных кроссовках и модных, почти обтягивающих, джинсах, пускавших игривых солнечных зайчиков нашитыми на ягодицах шильдиками самоварного золота. Мимоходом обласкав прохожих, прохладный октябрьский ветер неспешно гонял по тротуару коктейль из желтых и багряно-красных листьев, замешанных с городской пылью, предательски оседавшей на острых носках сияющих полуботинок и блестящих отполированных капотах припаркованных на обочине представительских седанов.

В тени кафе Макс, словно под грозовой тучей, гремевшей среди ясного неба, чернела компания из нескольких человек. То были молодые ребята – одетые во все черное второкурсники с непроницаемыми лицами и решительными жестами. Все было, казалось, как всегда – Мини-Гера, Хусик, двухсоткилограммовый малыш Гагик и другие представители высокогорных кланов деловито петочились на своем обычном месте, однако завсегдатаи Макса и прочая первогумовская босота, привычные к лицемерию подобных сходок, подозрительно косились на собравшихся: по неведомой причине на

пятаке не было балагана, никто не лузгал, не сквернословил, не танцевал лезгинку и не кидался на праздных зевак. Хусик в позе Байрона, скрестив на груди руки, мерно покачивал головой и в пол силы цокал языком; Мини-Гера, напротив, заложив руки за спину нервно вышагивали взад-вперед. В воздухе витало напряжение, почти материальное, ощущавшееся кожей. Все вели себя так, словно в коридоре реанимации ожидали вердикта хирурга, оперирующего чьего-то близкого. Чуть в стороне от этой толпишки неподвижно стоял высокий статный мужчина в безукоризненном темно-синем костюме и массивных золотых часах, поигрывавших яркими бликами на полусонном сентябрьском солнце. Время от времени кто-нибудь из присутствовавших приближался к мужчине со словами поддержки, чем-то вроде «даст Аллах, все равно будет», но вступить в полноценный разговор никто не решался. Мужчина же, несколько натянутой полуулыбкой, выражавшей то ли отстраненное участие, то ли вовлеченное отчуждение, отвечал на слова ободрения, казалось, пропуская их мимо ушей. Спонтанно образовавшийся вокруг него каганат, не слишком радовал, но, с другой стороны, и не тяготил его – видно было, что всеми мыслями мужчина находился в другом месте – в одной из аудиторий первого гума, где его сын, маститый борец Алишка, уже в третий раз сдавал зачет по ОБЖ.

Тем временем, престарелый полковник в отставке, про-

фессор Каганов, оставшись один на один с нерадивым студентом, был отрезан от внешнего мира. В опустевшей аудитории без окон, расположенной рядом с закрытым банком, остались лишь двое – Алишка и он. Кричать было бесполезно – с тех пор, как заделали дыру в стене, этот коридор совершенно опустел – в него не совались даже наркоманы. Шансов прорваться силой или хитростью тоже было немного. Профессору, от которого буквально на ходу отваливались куски, дорогу преграждала каменная глыба неодолеваемого исполина, словно мантру повторявшего одно и то же: «При всем уважении, я вас из аудитории без зачета не выпущу. Вообще не вариант».

– Но как же я тебе поставлю зачет, если ты ни на один вопрос не ответил? – взывал к разуму профессор.

– Делайте, что хотите, но без зачета, мне отсюда дороги нет.

– Ну, ты ж не знаешь ни рожна!

– Другого нет варианта, – отрезал Алишка.

Профессор схватился за голову и устало вздохнул. Тем временем у Макса, не выдержав, открыл рот Мини-Гера.

– Дядя Хаджибекар, – собравшись с духом, вдруг обратился он к мужчине.

Тот, не сразу сообразив откуда доносится звук, как будто вернулся из астрала и удивленно поглядел вниз. Перед ним предстало лицо говорившего, составленное из огромных, как у слоненка Дамбо, ушей, верблюжьего носа и, очерченных выразительными ресницами, мутных глаз, зиявших пустотой и бессмысленностью стеклянных бус.

– Дядя Хаджибекар, – снова повторил Гера и, возведя перед собой ладонь, придал лицу проникновенное выражение, – клянусь, не знаю, что с Алишкой делать – с каждым днем звереет... Совсем от рук отбился!

Эти слова повисли в воздухе. Толпившиеся вокруг пацаны с трудом сдерживали смех, а возле уголков глаз дяди Хаджибекара лучиками собрались морщины. Молча улыбнувшись, он внимательно смотрел на Геру и, казалось, хотел уже что-то ответить, как о Герину голову с щелчком обрушился подзатыльник.

– Хайван, вынь руку из кармана – со старшим говоришь! – зашипел на него малыш Гагик, но не успел Гера отреагировать, голос подал Хусик, все это время следивший за горизонтом: «Алишка! Вон, Алишка идет!»

Из-за угла первого гума и правда появился массивная фигура, тяжелой поступью шагавшая в их сторону, так, что

тряслась земля и дребезжали окна. Густые черные волосы кудрями спадали на лоб, фарфоровая кожа подернулась легким румянцем, суровый взгляд сканировал местность. Выражение лица у Алишки почти никогда не менялось, а потому определить успех или фиаско операции без слов не представлялось возможным. Завидев отца, Алишка сразу ускорил шаг. Весь путь от гума до Макса занял у него не более, чем полминуты, но волновавшемуся отцу они показались вечностью.

– Ну?! – не выдержал дядя Хаджибекар, когда их с сыном все еще разделяли шагов тридцать.

– Сдал, – басом ответил Алишка.

Видно было, что у дяди Хаджибекара отлегло от сердца. Он попрощался с ребятами, молча сел на заднее сиденье своего Майбаха и захлопнул дверь.

– АЙ, КРАСАВЧИК! – бросились поздравлять Алишку пацаны.

А кто-то даже шмальнул из травмака в воздух.

3

Конфронтация между москвичами и гостями столицы

разрасталась из года в год, недовольство местных жителей крепло и уже не ограничивалось националистическими настроениями молодежи неблагополучных окраин, все явственнее проявляясь в кругах взрослых и вполне успешных людей, до последнего старавшихся толерантно.

В какой-то момент приличные клубы, а иногда и рестораны, желая сохранить свой престиж и оградить гостей от хамства и агрессии сомнительных приезжих, отгородились от последних фэйс-контролем. Впрочем, последние не слишком унывали: ведь днем можно было шеренгой вышагивать по торговым центрам, усилиями мэра Лужкова то тут, то там выставшим в Москве, словно грибы после дождя, или танцевать лезгинку возле институтов (даже не будучи при этом студентом); ночью же шпилили в казино или ходили в клубы, где претензии на элитный статус выражались только в раздутых щеках промоутера, да ценнике в меню. Особой популярностью среди прочих заведений пользовались торговый центр Атриум, кинотеатр Октябрь и кафе Этаж – но то для масс – у университетских была своя Мекка.

В сером, украшенном огромной светящейся вывеской, здании по улице Косыгина, прямо против бывшего особняка Горбачева, дерзко выпячивала грудь гостиница Орленок. В нижних ее этажах бесперебойно работали сносное казино, несколько ресторанов и первоклассный бордель, манившие

нашинских в свои сети подобно сладкоголосым сиренам.

Стоял промозглый понедельник в половине октября. Сидя в первом гуме на семинаре по римскому праву, Мини-Гера боролся со сном, кулаком подпирая отяжелевшую голову. Пропуская мимо ушей горячий спор преподавателя-аспиранта с главной ботаничкой группы, Гера мечтательно поглядывал в окно – на возвышавшийся над пожелтевшими кронами Орленок – и представлял себе мигающие огоньки игровых автоматов, гипнотизирующее колесо рулетки, крупье в накрахмаленных сорочках и полуобнаженных пышногрудых грязнух, держащих вахту у входа в стриптиз-клуб. Гера шумно сглотнул слюну, а взгляд его сделался еще более мутным, чем обычно.

– Тройка, семерка, дама, тройка, семерка, туз, – грустно произнес он.

– Чо?! – из-за впереди стоящей парты удивленно обернулся на него Мага, до того момента увлеченно игравший на мобильном в гоночки.

– Чо? – вернувшись к реальности, переспросил Гера.

– Ну, ты ща сказал тройка, семерка, чота-чота.

– А... – махнул Гера рукой, – хуй его, брат – сморосил.

– Аа, – недоверчиво посмотрел на него Мага и вернулся к своей игре.

Геракл стал прислушиваться к доносившемуся с первого ряда шуму: распалившаяся ботаничка и препод уже готовы были вцепиться друг другу в глотку, время от времени к ним присоединялся староста группы, своими словами повторявший едва озвученные преподавателем тезисы, предваряя их фразой «а я вот так думаю» – за что удостоивался благосклонных кивков последнего.

- Э, Ма-га, – тихо позвал Гера.
- Чоо? – снова обернулся тот.
- Брат, есть воздух у тебя?
- А ты с какой целью интересуешься?
- Ну, есть в загруз у тебя копейка?
- Ну, а сколько тебе надо?

Прикинув, что его бы устроило долларов двести, но желая выглядеть солидно, Гера сказал: две тысячи долларов.

- Не, братан, у меня всего долларов пятьсот, – слукавил Мага, у которого на самом деле не было и ста, – а тебе зачем?
- Брат, я не могу сказать, но мне пиздец как надо. Ты знаешь, у кого можно взять?
- Ну, если пиздец как надо, я могу у брата попросить, у Муси.
- Да, по-братски, – взмолился Гера.

У Муссы, дерзкого поджарого первокурсника, четче всех на юрфаке танцевавшего лезгинку, деньги действительно были и он, не раздумывая, одолжил их Мини-Гере, уговорившись, что тот вернет долг через два дня. Гера почему-то был уверен, что уж с двух-то касарей он сможет подняться минимум до четырех. Нервически подергивая ногой, он изо всех сил погонял таксиста, пойманного от цирка до Орленка за пятьдесят рублей.

Каково же было Герино разочарование, когда через каких-нибудь три часа от двух кусков у него остались жалкие пятьсот рублей.

– Чо ты, хайван, проебался? – с нотками жалости в стальном басы поинтересовался Алишка, когда мы встретили Геру в Орленке. Рубашка на бедолаге была расстегнута почти до пупка, волосы взъерошены, а глаза лихорадочно блестели.

– Ебанный свет, – только и повторял Гера, – две штуки Муссе торчу, ебанный свет!

– Давай, воткни этот пятихатник, я тебе сейчас нормально пробью – снова поднимаешься, – предложил Али.

– Ай, все равно уже, терять нечего, – отчаянно дернулся Гера и вставил купюру в Веселого Фермера.

Решив играть по максбету, Гера таки вымолил себе нормальную комбинацию и стал пробивать. Красный – с силой

стукнул Гера по клавише. "Та-дам!" – откликнулся аппарат и удвоил выигрыш. Черный – та-дам! Черный – та-дам! Красный – та дам! Черный... Гера пробивал раз за разом пока у него на счету не оказалась сумма эквивалентная долгу.

– Пока дает, можно еще пробить, – посоветовал Алишка и украдкой подмигнул мне, – отдашь долг, и еще покайфовать с этой монеты сможем.

– Черный, – секунду помедлив, отчаянно стукнул Гера по клавише и видно было как смертельный ужас отразился в его мутных глазах, когда аппарат издал издевательский звук и забрал его выигрыш, оставив с исходными пятьюстами рублями.

– Ебанный свет! – схватился Гера за голову, но, овладев собой, попробовал подняться вновь, однако в два удара проиграл последние гроши. Алишка с трудом сдерживал злорадный смех. Казалось, Гера начал сесть практически на глазах.

Бледный, положив руки в карманы, он с ненавистью смотрел на аппарат.

– Какой ты нахуй фермер?! Да ты... да ты... да ты – ПИРАТ, БЛЯДЬ! – в сердцах бросил Мини-Гера.

– Есть другой вариант по-быстрому копейку поднять, – обнадежил Али, – давай на тебя кредит оформим?

Геракл, в глазах которого на мгновение вспыхнула надежда, только махнул рукой и, развернувшись, побрел к выходу.

4

Раздосадованный Гера уехал, а мы с Алишкой и нанюханым спидами Барышником решили задержаться в Орленке. В отличие от парней я никогда не был азартным игроком и не имел амбиций выиграть все деньги – в смысле вообще все – поэтому оказавшись в плюсе на пару тысяч, решил остановиться. Снял кэш и просто уселся рядом на высокий крутящийся табурет, на подобие тех, что ставят у барных стоек, и, попивая халявный, подцепленный у покерного стола, виски, глазел на посетителей, увлеченно стучавших по кнопкам, чешущих репу за картами или щекочущих нервы у рулетки. Женщин среди них почти не было, а мужчины делились на немолодых корейцев из Средней Азии и разношерстных представителей кавказских кланов. Первые – с идеальными, благодаря разрезу глаз, покер-фэйсами позвякивали часами и побрякушками – из желтого, а чаще красного золота – по касарю килограмм. Одеты они были в костюмы, идеально немодные в контексте современных тенденций и просто пишущие в рамках куйлюкских представлений о прекрасном. Под пиджаками бликовали черные или бордовые рубашки. В общении эти дядьки были довольно просты, но не упус-

кали ни единого случая продемонстрировать свой недостаток, заставив меня вспомнить поговорку об ингушах, услышанную от какого-то парня:

– Если б понты светились, Назрань из космоса видно было бы, – спокойно объяснил он, перехватив мой удивленный взгляд на усыпанный бриллиантами телефон в руках типа с надписью «06 RUS» на футболке.

Меня так развлекла эта мысль, что я всерьез задумался, как правильнее перефразировать столь меткое высказывание применительно к корейцам, однако, копнув глубже, понял, что не учел много всяких «но» – например, если вместо Назрани поставить Ташкент, покажется, что речь об узбеках, если Сеул – не уверен, насколько это соответствовало бы действительности. О Пхеньяне и говорить нечего – в Северной Корее, представляющейся мне чем-то вроде Океании из оруэловского 1984, все слишком увлечены выживанием в условиях диктатуры пролетариата. В итоге я махнул рукой и без сожалений оставил эту затею.

Что до кавказцев, они здесь были на любой вкус: старые и молодые, в вызывающе-полосатых костюмах и прикидах из облегающих черных шмоток, с длинными патлами и набриолиненными проборами, с живой остроумной речью, экспрессивной жестикой и тяжелыми носами над небритыми

подбородками. Среди них особенно выделялся один, которого я сразу окрестил про себя «лего-человечком» – накачанный тип в обтягивающем белой водолазке с волосами заламинированными гелем до такой степени, что походили на монолитный пластиковый паричок, крепящийся к специальному пупырышку на макушке.

– Вальтер Скотт! – из раза в раз повторял он, когда выпал валик.

– Что-то знакомое – Вальтер Скотт, – заметил Барышник в полголоса.

– Хуй его, братан, – цокнув языком, качнул головой Алишка.

– Был такой тип в Шотландии, – объяснил я, – «Айвенго» написал.

– Базару нет, – согласились парни.

Засунув в аппарат последнюю тысячную купюру, Барышник начал выигрывать и велел официантке принести пива. Та, вскоре вернувшись и вручив Вове принесенный стакан, мешкала в ожидании денег. Барышник сделал несколько больших глотков и, обращаясь к аппарату, выложил перед собой очень экспрессивное и столь характерное для МГУ «ЭУООУ!!». Впрочем, на официантку это не произвело ни малейшего впечатления – похожие звуки постоянно доносились из разных концов зала и давно уже стали неотъемлемой

частью присущей заведению полифонии, наряду с пикианжем игровых автоматов.

– Будьте любезны, расплатитесь, – спокойно попросила она.

– Повремени, ну! – раздраженно отмахнулся Барышник.

– Молодой человек, вы меня задерживаете, расплатитесь, потом играйте.

– Да, нет у меня щас денег! – выдержав небольшую паузу, повысил голос Барышник, не отрывая взгляд от монитора.

– Зачем же вы тогда пиво просили? – вступила в ненужную полемику официантка.

– А по кайфу! – парировал он.

– Молодой человек, мне придется позвать охрану.

– Да тормози, шучу я, есть монета, – быстро взглянув на официантку, объяснил Барышник таким тоном будто говорил "что ты как маленькая?" и, указывая на монитор, добавил, – вон, у меня там больше даже есть.

– Так не пойдет, молодой человек!

– Ебанный свет, – не обращая на это внимания, промычал Барышник, снова обращаясь к аппарату – он был не намерен платить, да и денег у него все равно не было.

– Вот возьмите, – протянул я ей сто рублей, желая просто прекратить этот унизительный цирк и избежать общения с дуболомами-вышибалами. Барышник не обратил на это никакого внимания и повернулся ко мне только через минуту.

– От души, братан, – кивнул он и вернулся к игре.

Минут через десять стало окончательно ясно, что официантка была права – кредиты Барышника неизменно таяли. Он пребывал в состоянии полного или частичного отрыва от действительности. Небрежно глядя на дисплей надрывавшегося мобильного, он равнодушно выключал звук и убирал его в задний карман.

– Пи-да-раса кусок! Пра-сти-тутка! – негодуя, Барышник, бил кулаком по монитору «Золотоискателя», сжиравшего последние карманные деньги, как вдруг менял гнев на милость и начинал его гладить – это охранник в паршивом черном костюме насторожился у колонны. Я ждал, что начнется скандал или хотя бы последует замечание, но блюститель порядка, поглядев на нелепые поглаживания и убедившись, что конфликт исчерпан, с чувством выполненного долга продолжал движение по бескрайней ряби красного ковролина.

Не лучше дела шли и у Алишки – три тысячи, которые он воткнул в аппарат были уже на исходе, когда из его кармана послышалась музыка и мужской голос с армянским акцентом пропел: "Ааай, мама, ты не жди меня, я гуляю до утра, я сегодня буду пить, не смогу я дома быть". Алишка достал мобильный и, на несколько секунд забыв об игре, с проникновенным выражением зажмурил глаза и пропел остаток

припева в унисон с исполнителем: "здесь со мной мои друзья, здесь и девочка моя, запыхтим косяк, братва! Я блатной – кайфую я!". Взглянув на дисплей телефона, я прочитал: Yosia MGU.

Этот Йося был сухим высоким парнем с черными глазами-угольками, немного навывкате. Стриженный под горшок уродец с непомерным эго, хоть и учился на юридическом, в большей мере тяготел к социологии, причем полевой практике – теория его мало занимала. Любимым хобби Йоси было моделирование ситуаций, предлагавших друзьям и знакомым два варианта действий – поддержать ему кайф или разбить ебальник. Так, он подошел ко мне в переполненном Максе и слезно попросил прервать нехитрую трапезу и уступить ему столик для свидания с девушкой его мечты. Расстроганный, я согласился, но Йося улыбнулся и объяснил, что просто меня проверяет. В другой раз он спрятал мой мобильник и в ответ на просьбу вернуть трубу на хату, изрыгнул что-то агрессивное, сопровождаемое бурной жестикуляцией, за что чуть не получил по зубам. Ни чуть не смутившись, Йося улыбнулся и, протягивая мне телефон, объяснил, что это снова была проверка.

– Да, братан, – дослушав до конца припев, ответил Алишка.

– Али! – взволнованным высоким голосом обратился к

нему Йося, – у меня к тебе дело, брат!

– Ну...

– Я сейчас вилять не буду, я тебе как брату скажу: я люблю твою Свету, – выпалил Йося и, дав Алишке пару секунд переварить полученную информацию и проникнуться драматизмом ситуации, предложил, – уступи мне ее!

– Да ну нахуй, – огорченно произнес Алишка – то ли реагируя на услышанное, то ли комментируя провальную комбинацию карт на мониторе.

– Это пиздец как серьезно, братан, – все больше распалялся Йося, – я ради нее на все готов!

– Да ты в дуб въебался, что ли?!

– Нет! Того рот ебал, Алишка. Она нужна мне!

– Ладно, раз любишь, – после недолгого раздумья спокойно ответил Али, прикидывая, что кредитов осталось всего на пару ударов, – тридцать штук завтра приноси... и я тебе разрешу поцеловать ее – максимум.

– В смысле? Ты чтоо?! Какие тридцать штук?! – стряхнув с себя романтический пафос, Йося перешел в режим бизнесмена, изо всех сил сжимая в кулаке свою навороченную инкрустированную сапфирами, трубку, – братан, у меня нет таких денег, ты сам знаешь!

– Значит, не любишь, – отрезал Алишка.

– Нет, клянусь, больше жизни люблю! Али, я тебя как брата прошу, уступи мне ее! – отмахнувшись от меркантильных поползновений, взмолился Йося.

– Братан, ты хочешь со мной поссориться?

– Нет.

– Тогда давай забудем этот разговор. Я тебе максимум поцеловать ее разрешу... – раздраженно проговорил Алишка, и, не дав Йося возразить, уточнил, – если тридцать штук найдешь.

Света, барышня из хорошей семьи, в меру избалованная, но не капризная, была в доску своим парнем – всегда готовая прикрыть твою задницу, поддержать в сложной ситуации, дать денег, погладить рубашку – причем не только Алишке, но и его друзьям – тем из них, к кому сама испытывала симпатию. Чуткая и женственная, она с завидным хладнокровием принимала участие в аферах возлюбленного, цинично разыгрывая роль приманки для распалившихся мажоров. На первом курсе ей было семнадцать, и она еще не водила машину, но безропотно открывала свою сумку для холодного, травматического и огнестрельного оружия Алишки и всех нас, его друзей, когда мы собирались в Орленок (на входе, разумеется, стояли металлоискатели), и как примерная студентка шла с этой ношей на семинар. Пока они с Алишкой были вместе, она казалась мне почти женой декабриста, правда необразованного, промышляющего криминалом и время от времени сообщающего ей об изменах. Вопреки неумеренности в косметике, Света была настоящей красавицей и нравилась почти всем пацанам, к тому же была

остра на язык и могла заткнуть за пояс многих – так что вряд ли кого-то могло удивить, что Йося потерял от нее голову.

Телефонным разговором история, разумеется, не закончилась.

Уже на следующий день Алишка и Йося повстречались на малом сачке первого гума. Было видно, что новоявленный Ромео провел бессонную ночь, терзаясь охватившим его чувством – он был смертельно бледен, а на осунувшемся лице выделялись только крючковатый нос, напоминавший клюв, и маленькие черные глазки-бусинки, горевшие лихорадочно. Превозмогая себя, Йося поприветствовал Алишку как ни в чем не бывало и справился о делах.

– Пойдет, – отвечал Алишка, – как сам, братан?

– Я не могу без нее, Али, – выпалил Йося страстно, – и буду за нее бороться.

– Братан, не вынуждай меня, – нахмурился Алишка, – кончится тем, что мы поедем в лес и вернется только один.

– Зачем далеко ездить? – дерзко парировал Йося, – давай прямо здесь.

Глаза не ожидавшего такого поворота Алишки вдруг стали большими.

– Отсюда и вон до того окна – кто быстрее, – пояснил Йося.

– Хорошо! – принял вызов Али.

Бежали по темному коридору – только двое – один на один. Дистанция составляла метров пятьдесят – от мажорки до банка. Пока Мини-Гера отсчитывал "на старт, внимание, марш" двое бегунов носом пускали пар и били копытом, словно быки, ждущие шанса вырваться из загона и в лоскуты изрубить разряженного торреро. Сначала шли ноздря в ноздю, но ближе к финишу Алишка, напоминавший скорее биомеханического солдата, нежели семнадцатилетнего студента МГУ, таки вышел на пару корпусов вперед. Йося же, бежавший так, будто на кону была его жизнь, рвался к победе с таким отчаянием, что не успел затормозить и на полном ходу разбил собою окно, осколком поранив лоб.

Прибывшая скорая помощь увезла окровавленную тушку на скотобойню.

5

Пробило пять, и Макс оставался заполненным не более чем на треть. Не было ни громкого смеха, ни шумных переговоров по мобильному с Сухуми или первым гумом, ни «инч чка чка», ни «ау ола», ни плеч, ни лаковых туфлей. Во-

царилась тишина. Я сидел за столиком с Алисой и с любопытством наблюдал за ее трапезой – она ела калифорнийский ролл и пила энергетик. Тонкими пальцами, которые не просвечивались на свету лишь благодаря ровному шоколадному загару, она держала палочки и, доставая из ролла то рисинку, то кусочек авокадо, отправляла в рот и тщательно пережевывала. Причем делала это с таким непосредственным видом, что было ясно – она это всерьез. Я украдкой взглянул на часы и, зевнув, посмотрел в окно. Черный наглухо тонированный Лансер уже в третий или четвертый раз пронесся мимо и с лихим заносом припарковался у самого входа. В послеобеденный штиль белым барашком на гребне волны ворвался Квази-Ахмедов, визгливым голосом оповещавший присутствующих о том, что у Алишки через двадцать минут будет рамс на Воробьевых горах. За ним, едва поспевал Арам по прозвищу Дядя Хуй – грузный восемнадцатилетний парень, выглядевший лет на сорок пять не смотря даже на идеально выбритое лицо. Подобно паровозу-первопроходцу, преодолевавшему расстояние между Москвой и Питером по Николаевской железной дороге, он напряженно пыхтел и мерно работал полусогнутыми в локтях руками, комичный в своей массивной богатой дубленке и поблескивавших на пальцах золотых перстнях. Справедливости ради стоит отметить, что в местах, откуда он родом, словосочетание "безвкусная золотая печатка" тавтологией еще не считалось.

– Брат... пастой... умаляю, ну... – борясь с одышкой, звал он не менее грузного, но проворного Тараса.

– Э, давай, ара, нэ тар-мазы, ну! – без тени смущения отвечал тот с акцентом, столь вопиющим, что афганка-уборщица дернулась было искать телефон доверия ФСБ.

Впрочем, подбежав ко мне, Тарас несколько умерил свой пыл и, не здороваясь, заголосил:

– Марк, братуха, у нашего брата Алишки рамс на Воробьевых! Поехали, ну!

Прикинув, что лучшей перспективы на ближайшие пару часов у меня все равно нет, я посмотрел на Алису, которая все уже поняла.

– Мне все равно на пару. Осторожней там, зая-зая! – напутствовала она меня.

На Воробьевых горах, недалеко от смотровой площадки собралось человек сорок – все как один слившиеся в однородную массу из оттенков и градаций черного. Исключение составлял только жирный Гога по прозвищу Хач-терьер в салатном пуховике и желтых кедах – будущий клубный промоутер, который, впрочем, тогда еще не был ни жирным, ни

промоутером, а только учился на подготовительных курсах МГУ и лазил с бандой Тараса, в которую также входили Дядя Хуй, его брат хиппи и индус по имени Леня.

Алишке предстояло драться с коренастым накачанным азером, за которого на заряженном S-классе приехали впрягаться незнакомые вайнахи из Нефтегаза – парни с небритыми лицами и руками по локоть перепачканными в крови. Однако, по ходу дела, узнав, что Али их земляк, они перешли на его сторону. «Лучше свой долбаеб, чем чужой красавчик» – гласило неписаное правило их народа. Один из них – походу накуренный – долго и удивленно смотрел на Арама, раздевшегося до пояса, невзирая на декабрьский мороз и сугробы. В конечном итоге любопытство взяло свое и он таки поинтересовался:

– Братуха, не обессудь, а ты зачем голый?

– Э, братуха, я спортсмэн, – важно ответил Арам, и нанес пару сокрушительных ударов по воображаемому сопернику, пустив нехилую волну от тучных боков через живот и грудь до самых локтей, где заканчивались жировые отложения.

– Ааа, я так и подумал, – хихикнул вайнах и отошел.

Тем временем драка уже началась. Алишка и азер обменивались ударами внутри живого кольца болельщиков, скандировавших «А-ли! А-ли!» Азер уже почти был повержен,

когда вдалеке послышались звуки милицейских сирен. Очевидно, кто-то сучнул мусорам, приняв невинный студенческий раз на раз за бандитские разборки. Все сразу бросились врассыпную. Я, Муслим, Барышник и жирный Гога прыгнули в машину к Тарасу. Мини-Гера, то ли включивший автоматический режим выживания, то ли просто подхваченный потоком, влетел в S-класс к пацанам из нефтегаза. Однако, проехав пару метров, машина остановилась, и Геру из нее высадили, а вместо него забрали кого-то из своих. Не долго думая, Геракл успел просочиться к нам, плюхнувшись на переднее сиденье на колени к Муслиму. Страдая одышкой, Арам, чья кофта и дубленка лежали подо мной на заднем сиденье, словно снежный человек со своим жирным лохматым торсом выбежал на обочину. Половина народа уже успела разъехаться, и Дядя Хуй сунулся было в тарасовский Лансер, но обнаружил, что двери заблокированы.

– Брат, открой дверь! – умаял Арам, схватившись за ручку.

– Арам, что ты делаешь? Отойди от машины! – на чистейшем русском закричал на него Тарас.

– По-братски, открой, тут холодно!

– Господи, что за люди! – негодовал Тарас

– Э, ты ебанулся чо ли? – осадил его Муслик, – он же близкий твой. Открой, пусть сядет пацан.

Раздраженно Тарас нажал на разблокировку, и Арам всей своей тушей растянулся на наших коленях на заднем сидении, словно выброшенный на берег кашалот.

На том все только начиналось. В то время как остальные машины, развернувшись, стали уезжать *от* мусоров, Тарас зачем-то поехал *на* них. Разумеется, нам преградили дорогу, и моментально окружили высыпавшие на улицу маски-шоу. Держа наготове калаша, они потребовали, чтобы мы вышли из машины и легли на землю.

– Ребят, я вообще русский, – причитал Тарас, с поднятыми руками выскакивая из машины, – чего вы меня-то остановили?

– НА ПОЛ, БЛЯ! РУКИ ЗА ГОЛОВУ! ЛЕЖАТЬ, МРАЗЬ! – проревел в ответ омоновец.

Повинуясь, Тарас смиренно пал ниц, распластавшись по залитому грязной жижей асфальту.

– А этот хайван – «я русский» кричит! С понтом, идите, вон, с черножопыми разруливайте, – на утро рассказывал Муслим в Максе собравшимся вокруг него пацанам.

– Да ну нахуй! – слушатели разразились смехом.

– Того рот ебал! И все, короче, на сторону, где газон вылезли и на снег легли, а Барышник с водительской стороны сидел. На него мусор, такой, калаш направляет – «на пол, на пол» кричит – а этот фраер как уж на сковородке изворачивается и с поднятыми руками вокруг машины съебываться начинает – бляяя, там грязно, – и Муслим изобразил убегающего извивающегося Барышника.

– А Гога, этот ебукентий – я, базарит, вообще школьник, я тут вообще не при делах, – приколот я.

– Да пиздец, она секим!

– А Муслим на землю ложится, снимает очки и мусору сует – наось, говорит, васечек, поддержи покамест, – добавил Барышник.

– А чем кончилось-то?

– Да ничем, – отмахнулся Муслим, – они поняли, что мы студенты, а не бандиты, хуй его. Три касаря взяли – при чем из них два Тарас дал с перепугу – и отчалили восвояси.

Вытирая проступившие от смеха слезы, мы сидели, откинувшись на стульях, и курили.

– От души, пацаны. Так хаха давно не ловил, – поблагодарил кто-то из парней, когда все стихли.

– А брат Тарас – красавчик, – донеслось из-за соседнего столика, где своими впечатлениями делился Арам, – наебал мусоров – сказал, что он русский.

– Я летом, короче, старика одного нашел – грузина с двойным гражданством. Он бедолагой был, хотел на хату свалить, но у него монеты не было, – делился Муслим, – ну, я, короче, забрал у него российский паспорт, оформил на него кредит и по итогу на шестьдесят касарей в плюсе остался.

– А он?

– Ему билет купил на поезд до Тбилиси и так, по-босяцки, чота-чота уделил ему, чо бы с голодухи не отъехал по дороге.

Я одобрительно кивнул.

Мы сидели на мажорке на батарее и жевали пиццу. Из аудитории напротив вышел Барышник и направился прямо к нам.

– С Али говорил, они в Орленке кайфуют, – сообщил он.

– А монета у кого? – поинтересовался Муслим.

– По ходу у него.

– А он подтягивает? – мою меланхолию сняло как рукой.

– Да, сказал, если есть масть, приезжайте – у него там президентский люкс или типа того.

– Ну, так поехали! На мотор есть воздух?

Через четверть часа мы уже выходили из лифта на последнем этаже невзрачного серого здания по улице Косыгина, где располагался Орленок. Отыскав нужный номер, постучали в дверь. Нам открыл незнакомый тип, кажется Хафизулла, с которым Муслим, правда, облобызался очень тепло.

По тучному серому кавролину стелился густой желтоватый дым, из комнат по обе стороны просторного холла лупили два разных трека – «Доля воровская» в исполнении Боки из левой и какой-то говнорэп из правой – сливаясь в кровавую какофонию где-то посередине. Зато из огромного окна разворачивался чудный вид на припорошенную снегом Москву, раскинувшуюся бескрайним аляповатым пейзажем кирпичных жилых и стеклянно-бетонных офисных зданий, сияющую на солнце десятками золотых куполов.

Алишка в окружении человек десяти университетских персонажей из числа дерзких, закинув ногу на ногу, сидел на безвкусном золотистом диване и курил сигарный бычок, завалявшийся в пепельнице после вчерашнего кутежа. После церемонии приветствия с объятиями и помпой, все собрались вокруг самодельного водного кальяна, водруженного на круглый резной стол. Сделав напас-другой, народ постепенно стал расходиться, пока в огромном двухсотметровом номере нас не осталось четверо – Алишка, Муслим, Вова Барышник и я.

– Это не из-за нас все разбежались? – полу в шутку уточнил Барышник.

– Нет, братан, это из-за денег, – грустно отвечал Али.

– В плане?

– В плане вчера у меня семьдесят касарей баксов было, и Хусик с Гагиком чуть не дрались из-за того, кто рядом со мной будет сидеть – ни на шаг не отходили. А сегодня бабки закончились – и где они все?

– А где ты копейку взял? – стараясь скрыть досаду от того, что безудержное буйство прошло без его участия, поинтересовался Барышник, – мокранул кого-то?

Алишка поднялся с дивана, на котором сидел, подошел к столу и вылил в стакан остатки восемнадцатилетнего виски, весело плескавшегося на доньшке литровой бутылки.

– Нет, братан. Мне их пахан оставил – велел, чтоб я ни копейки оттуда не брал. Я хотел с этих бабок еще поднять – приехал сюда. Начал выигрывать и тут пацаны как коршуны налетели – мне сто баксов дай, мне сто баксов – когда столько копейки на кармане не откажешь ведь... Потом хуй какой-то подошел, говорит, мы вас приглашаем в ВИП-зал – для серьезных игроков – там я, бля, и проебался в пух и прах.

– Ебаный шут... – затянул Барышник, мотая головой.

– Заткнись! – басом отрезал Алишка.

– Тормози, Вова, – Муслим пресек насмешки и жестом попросил Али продолжать.

– Ты бы видел, братан, как я играл! Весь Орленок собрался смотреть, девочка-официантка плакала, когда я проигрывал... – не без прикрас рассказывал Али, а глаза его, разгоревшиеся было, как раздутые угли – померкли вновь, – пока играл, набухался. Тысяч десять оставалось – решил, гулять, так гулять – номер этот взял и путан по девятьсот баксов.

– А че теперь пахан скажет? – издевательски поинтересовался Барышник.

– Скажет – проститутка! – ухмыльнулся я.

– Пиздец, машину мог купить! – проигнорировав мою ре-марку, сокрушался Алишка, – Х5 мог за эти бабки взять... – Алишка залпом прикончил содержимое стакана, – зато хоть путаны по кайфу были. В стриптиз внизу зашел – самых красивых взял. Сосали, пиздец, как пылесос!

– Хомячка делали? – усмехнулся Барышник.

– Конечно, делали! – оскорбился Али.

– Братан, не обессудь, но ты только что подписался, что у тебя хуй маленький, – не удержавшись, рассмеялся Вова, – хомячок, это когда хуй вместе с яйцами в рот заглатывают.

Это было фаталити. Али сделался мрачнее тучи.

– Какой есть, братан, – с достоинством ответил он.

– Не, и как теперь с копейкой будешь решать? – вмешался

в разговор Муслим.

– Не знаю, братан, пока в Москве потусуюсь, а там, может, в горы уйду – к Доке Умарову, вот к этим всем – воевать буду. Пахану в глаза теперь не смогу посмотреть.

В комнате повисла тяжелая пауза. За окном начинало смеркаться. Алишкин мобильный молчал, а на тумбочке у кровати язвой зудел неоплаченный счет на семь тысяч за обслуживание в номерах.

– Тормози, тебе же семнадцать лет сейчас? – спохватился Муслим, – ты ж с этих фраеров теперь спросить можешь, чтобы тебе копейку пахановскую вернули, если не хотят с законом проблем.

– Точно? – недоверчиво посмотрел на него Али, уже было смирившийся с долей мученика.

– Да. Надо только замутить все грамотно.

Это казалось реальным вариантом, и теперь нужно было действовать. В связях и возможностях Муслима не приходилось сомневаться, но вот Али казался подавленным и апатичным. Мы докурили шмаль и пошли в расположенную в другом конце номера сауну – раз уж до утра все было оплачено.

Попарившись часок, я, шлепая по залитому водой полу, превратившемся в маленькое море от наших прыжков в джакузи с холодной водой, добежал до брошенных на полу

джинс – из кармана доносился «Полет Валькирий».

– Почему ты даже не потрудился предупредить меня, что не собираешься домой? – раздался из трубки возмущенный мамин голос, – где тебя носит?

– Я в Орленке, ма...

– Что ты там делаешь? Опять какую-то гадость употребляешь?

– Да нет, же! Говорю, я завязал!

– Ты меня в могилу сведешь! Умалаяю, Марк, не убивай себя – ради меня хотя бы! – после развеселого второго курса маме везде мерещились наркотики и, надо сказать, небезосновательно.

Не желая лишний раз заставлять ее нервничать, я простился с ребятами и отправился домой.

Позже я узнал, что побегав от отца еще пару недель, Али таки явился с повинной, и был сослан черт знает куда. Из университета его бы все равно отчислили, и только жаль было Свету, ревевшую по нему еще целый день.

7

– Короче, эта толпишка вся куда-то снялась, и мы раз на раз с ним остались, – делился впечатлениями Муслим, – я на

него, короче, смотрю и понимаю – живым из-за стола выйдет только один.

– И че ты, три веса первого один убрал?

– Не, ну, по ноздре его пустить я вывез, но по итогу он меня разьебал. Охуеешь, брататуха, клиническая смерть у меня была.

– Не пошло, да, – ухмыльнулся я.

– Скорая, короче, приезжает, меня – в реанимацию – чо, интересуются, с тобой? Я говорю – шаурмой траванулся.

Мы посмеялись.

– Только это между нами, братан.

– Базару нет.

После этого инцидента Муслиму пришлось взять академический отпуск и временно перейти на постельный режим. Он жил в небольшом номере с удобствами в одном из корпусов высотки на Воробьевых, отведенном под аспирантские общежития. Номер был надвое разделен тонкой стенкой. Одну из комнат занимал сам Муслим, другую – его мама, тихая интеллигентная женщина, проходившая в МГУ преподавательские курсы повышения квалификации или что-то вроде того. Иногда, после или вместо занятий, я заглядывал к нему в гости – дернуть шмали и пообщаться на актуальные темы.

Окнами комната выходила на улицу Академика Хохлова, по которой туда-сюда сновали машины и пешеходы. Всю обстановку составляли письменный стол с навороченным компьютером, стул с аккуратно сложенными вещами, и плотно заставленная учебниками книжная полка. Еще была односпальная кровать, застеленная зеленым пледом из грубой искусственной шерсти, какие выдают в советских больницах, поездах, детсадах и прочих казенных заведениях. Расположившись на ней, Муслим увлеченно точил швейцарский армейский нож и слушал мои рассказы.

– И чо, и чо? – заинтересованно переспросил он, когда я вскользь упомянул об инциденте, произошедшем накануне между телкой малыша Гагика и Хуссейном.

– Да ничо. Гагик ей зачем-то признался, что мы в выходные стриптизершу драли.

– И чо она?

– Чо она – лицо кровью налилось – стоит, ща взорвется. И, короче, Хусик подходит – че говорит, сестра, почему без настроения? Без задней мысли, просто поинтересовался. А она решила походу, что он ее подьебывает. Иди, говорит, нахуй, Хуссейн!

– Да ну на хуй, – увлеченно улыбнулся Муслим, – а он чо?

– А он ей – на нахуй – леща дал, да так, что с нее штукатурка посыпалась, – ответил я, и воспроизвел куцую, но резкую пощечину, – причем при Гагике это все.

– Аааа, хайван, – от удовольствия Муслим открыл рот и сморщился, а взгляд его сделался восторженным как у ребенка впервые увидевшего салют.

– Гагик даже не рыпнулся.

– Еще бы он, бля, рыпнулся! – возмутился Муслим.

– Ну, хуй его, братан, – покачал я головой, – если бы Алисе так по ебалу дали, я бы впрягся.

– На каком основании? – спокойно поинтересовался Муслим, и, не дожидаясь ответа, добавил, – это, братан, по беспределу было бы.

– Почему? Если мою телку ударили, я не могу за нее заступиться?

– Ну, смотри, – Муслим набрал побольше воздуха в легкие и сделался очень серьезным, так что я сразу понял: будет ликбез, – каждое действие рождает противодействие, так? Она его нахуй на каком основании выслала? Ни на каком? Значит, он имел право, в качестве противодействия, дать ей леща. А если бы Гагик в ответку Хусика воткнул, его бы за беспредел разьебали и впрягаться за него никто не стал бы, потому что он не прав.

– Ну, это странно как-то, – уже не так уверенно ответил я, представив себя в такой ситуации. При подобном сценарии мои отношения с Алисой закончились бы в тот же день, а сам я чувствовал бы себя полным чмом. Я понимал логику Муслима, но согласиться с ней готов не был.

– Чо, странно? – резко одернул меня Муслим, – я тебе

объясняю как есть. Хуссейн мог просто Гагику сказать, типа, научи свою телку этикету. Но он решил леща дать – имел право.

– Ну, если бы просто какая-то левая телка была – да. А тут, они ж встречаются год уже, – это казалось мне чудовищной несправедливостью – даже не то, что барышня получила по ебалу, а то, что ее бойфренд не мог за нее заступиться, – ты, Муслим, так говоришь, потому, что у тебя телки нет постоянной.

– Это не важно, братан, просто существуют понятия, – спокойно ответил он, – а я, кстати, охуеешь, уже осенью женатым человеком буду.

– Да ладно?

– Да, – на полном серьезе подтвердил он, – сам увидишь.

– Поздравляю. Кто она?

– Все увидишь, братан, когда время придет, – лукаво улыбнулся Муслик, и предложил, – курить кайф? Пошли на лестницу выйдем.

Заболтавшись с Муслимом, дома я оказался около девяти вечера сильно накуренный и сразу лег спать. Мечтательно повторяя в полузабытыи "Муслим женится», я расплывался в восторженной улыбке.

Проснувшись на другой день, ясным морозным утром на исходе февраля, я принял волевое решение не ходить на две первые пары. Заснуть мне уже не удавалось и, лежа на спине, я смотрел на звенящее голубое небо через окно над кроватью. Пронежившись в свежей, почти хрустевшей, постели до десяти, я сладко потянулся и встал; не торопясь умылся и, насвистывая какой-то жизнеутверждающий мотив, зажарил идеальную глазунью с целой горой бекона.

В МГУ я оказался ровно в полдень, в самый разгар большой перемены, когда коридоры первого гума засияли крупными металлическими пряжками DSquared, затопали недавно появившимися в Москве «уггами», заполнились задранными носами и всевозможными оттенками модного в том сезоне фиолетового цвета. Среди всего этого балагана я чувствовал себя как рыба в воде, разгуливая взад-вперед по длинному коридору, соединявшему два сачка. В тот день я задался целью дать жизнь новой сплетне – о казавшихся мне нелепыми планах Муслима, а потому, то и дело встречая кого-то из знакомых, к дежурным «привет-какдела» (на которые принято было отвечать теми же «привет-какдела») добавлял всякий раз анекдотическое ошарашивающее «Муслим женится!». Смысл этой фразы казался мне почти оксюморном и чем-то потрясающе остроумным.

– Салам, братуха, – приветствовал меня Гамзатбек, креп-

кий парень со сплошной бровью, – как сам?

– Здарова, пойдет, – почти на бегу пожал я ему руку, и тут же закинул удочку с наживкой, – прикинь че!?

– Чо?

– Охуеешь! Муслим женится! – выпалил я, словно окатил его ушатом ледяной воды.

– Да ну нахуй?! – вытянул он удивленно лицо.

– Давай! Давай! – уже убегая, похлопал я его по плечу, оставив наедине с самим собой, как следует переварить услышанное.

Ах, если бы в те времена существовал Твиттер! Тема предстоящего бракосочетания немедленно вошла бы топ-тенды на несколько дней вперед.

8

– Тебе пахан сколько копеек в день дает? – поинтересовался Хусик у Мини-Геры, когда мы подошли к дому последнего (больше напоминавшему дворец) в тихом переулке в самом центре Москвы.

– Сто рублей, – с досадой выдавил тот.

– Ты че за бич, Гера! – не удержавшись, прыснул Хусик, – как ты живешь?

– Ну, утром за сотку до МГУ мотор ловлю, – начав за чем-то загибать пальцы, стал объяснять Гера, – потом на гу-

ме терпилу нахожу и креплю нет-нет на монету, чтобы похавать, сушняк зацепить, туда-сюда, потом чтоб на моторе на хату вернуться...

– На метро вообще не едешь?

Гера отрицательно цокнул языком.

– Какой ты у меня умница! – довольный ответом, Хусик приобнял его за плечо и легонько потряс.

На самом деле многие в нашем кругу жили по такой схеме – я сам не был исключением. Жизнь заставляла забирать у мажоров деньги, воровать телефоны и проворачивать всякие черняки... в сущности, только ради того – чтобы не спускаться в подземку и не ездить на маршрутках – с теми, кого мы считали лохами. Одним родители в итоге покупали машины, другим и дальше приходилось как-то крутиться.

У Геры машины еще не было, зато по выходным ему выделяли водителя, который параллельно исполнял роль бодигарда или, по-русски, хранителя его жабьей тушки. Высокий крепкий тип с непроницаемым арийским лицом, напоминал Дольфа Лунгрена в лучшие годы; держался достойно и мало разговаривал – возможно, именно поэтому производил впечатление человека неглупого и даже интеллигентного. С другой стороны, на фоне Мини-Геры это было не сложно.

В тот вечер мы с Герой и Хусиком отправились в переживавший не лучшие времена Инфинити – пребывавший буквально на последнем издыхании, за пару недель или месяцев до официального закрытия. На некогда кишасщем жаждающими войти пяточке у входа было пусто. Лишь озорной ветер поднимал в воздух мириады блестящих снежинок и кружил их над головой одиноко несущего свою вахту фэйс-контрольщика, щуплого мальчика, которого всего пару лет назад самого сюда не пускали по малолетству. Два амбала-охранника смотрели на него сквозь стеклянные двери из теплого предбанника; они уже не казались мифическими титанами, сдерживавшими небосвод ныне утративших всякий прикладной смысл металлических перегородок. Пора было констатировать: эпоха подошла к концу. Никакого ажиотажа вокруг заведения давно не было. Лишь размалеванные грязнухи из спальных районов столицы зазывно крутили задями перед пятнадцатилетними кавказскими мальчишками в лихо подвернутых почти до колена джинсах, облегающих щуплые торсы алкоголичках и по-ковбойски завязанных на шее брендерированных платочках. Мальчишки бросали на зады дерзкие взгляды из-под козырьков модных бейсболок – во всяком случае те из них, кто пришел в клуб без мамы. Очевидно, это и было новое поколение Rich&Beautiful, узнававшее о модных рэперских трендах из Фабрики Звезд – звезд *нашинских*, местечковых, вроде Тимати и Доминика Джокен

ра, а не Снуп Догга и Пафф Дэдди.

На этот бал сатаны мы явились не по велению сердца, но по приглашению Габи, того самого, в шапке за восемьдесят тысяч. Он праздновал здесь день рождения.

Волчьи оскалы на небритых лицах встретили нас за именинным столом. Едва мы успели выпить за виновника торжества по бокалу Советского полусладкого, явилась официантка и сообщила, что депозит иссяк. Поэтому, закинувшись колесами, мы с Мини-Герой и Хусиком переместились в другой зал и выбрали стол по вкусу – благо свободных было предостаточно, лишь за одним дремал пожилой таксист в некогда солидном шерстяном пальто.

Все это время бедный охранник тусовался с нами. Будучи за рулем и при исполнении он не мог пить и вынужден был любоваться на обдолбанных с расширенными зрачками и позеленевшими иблами юнцов будучи абсолютно трезвым. Остановившимся взглядом он глядел сквозь нас и старался не вслушиваться в разговоры – видимо, приободряя себя тем, что во Вторую Чеченскую тоже было непросто.

– Четкая куртка эта? – спросил нашего мнения Хусик, демонстрируя обновку.

– Четкая, – кивнул я, – сколько копеек отдал?

– Сто долларов, – ехидно улыбнулся он, – гардеробщику в Скромном Обаянии Буржуазии.

– Это как?

– Ну, он сделал с понтом номерки перепутались, – объяснил Хус, – эту куртку я забрал, а хозяину этой куртки он мою старую всучил.

– Ай, ты чо за красавчик! – с подлинным восхищением воскликнул Мини-Гера.

Я же восторгов не выказал – пока слушал эту историю, меня начало мазать. Обволакивающий женский вокал окутывал звенящий бит, как машинное масло неугомонные шестеренки. Я запрокинул голову и еле слышно постанывал, закатив полузакрытые глаза и подергивая веками словно порхающий под абажуром мотылек крыльями. Заметив это, Герин охранник чуть не наложил в штаны.

– Смотри, что с ним случилось? Скорую нужно! – всполошился бедняга.

– Не-не, какую скорую, осади, – стал успокаивать его Хуссейн, – эу, Марк!

– Че? – откликнулся я, словно из другой комнаты.

– У тебя все по кайфу, братан?

– По кайфу.

– По кайфу, – перевел Хуссейн охраннику.

– Все равно, скажи ему так не делать, а то нас отсюда вы-

ведут, – немного успокоившись, попросил тот.

– Базару 007, только ты не уалнауйся, – услышав просьбу, ответил я, как ни в чем не бывало поднявшись в кресле.

Между тем бит все нарастал, и, наконец, фонтаном прорвался наружу. Взбодрившийся и воодушевленный, я попросил лениво зевавшую официантку принести мне чай без лимона. Украдкой почесав жопу, она послушно поплелась к бару.

Народ тем временем начинал прибывать – медленно, но верно. Я с интересом разглядывал входивших гоблинов и отметил для себя, что, несмотря на всю вопиющую безвкусицу развернувшейся вакханалии, ощущение праздника никуда не делось, пусть теперь это был праздник избалованных школьников и разряженных ПТУшниц.

– Я Геракл, сын Яниса, – с трудом открывая глаза, прохрипел вдруг Мини, схватив Хусика за рукав, – когда я вырасту, буду делать серьезный бизнес и ты, Хуссейн, сын Абубакара, будешь работать вместе со мной.

– От души, братан, – промычал Хусик, отпив из чашки горячего чая, разгонявшего действие экстази.

Он понимал, что Гера погнал, но относился к этому с пониманием, не желая обламывать кайф ни себе, ни ему.

– Передай, сушняк, ну, – протянув руку к бутылке воды,

попросил я Мини-Геру.

Тот повернулся ко мне и, отпустив Хусика, схватился за мой рукав.

– И ты, Марк, сын... – тут он запнулся, – как пахана зовут?

– Лев.

– Серьезно? – Гера искренне удивился.

– Да.

– И ты, Марк, сын Льва (правильно?), ты тоже будешь со мной работать!

– Саул, братан, – поблагодарил я за щедрый аванс и напомнил ему о своей сиюминутной потребности, – сушняк передай все-таки. По-братски.

За свою короткую историю Инфинити знавал много великих и пережил не одно эпохальное событие, но подлинным апогеем существования клуба вне всяких сомнений стал визит родственника Габи, неменяемого абрека с непроизносимым именем, в полосатых брюках и туфлях с острыми загнутыми носами, растущими, когда он врет, подобно ослиным ушам Маленького Мука. Из-под расстегнутой до пупа рубашки торчал крупной вязи черный свитер при ближайшем рассмотрении оказавшийся колтуном блестящих смоляных волос. Общался сей персонаж исключительно междометиями вроде «аууооу!» и «эээуааа!». С этим битническим святым мне довелось провести вместе около четверти часа. Заглянув в зал, где располагались сцена и танцпол, мы

с Хусиком сделали круг почета и направились было к выходу, но в дверях столкнулись с *ним* лицом к лицу. Жестом попросив внимания, он обнял нас за плечи и стал брызгать слюной изрыгая бессвязный рев, из которого я понял лишь два слова «тёлка» и «оу нахуй». Не успели мы кивнуть, как с трепетом осознали, на что подписались. Страстно желая общения с прекрасным полом, но, не имея даже минимального словарного запаса, родственник Габи просто преграждал проходящим мимо «тёлкам» путь, поднимая вверх руки и выкрикивая «у! у! у!». При этом он крепко сжимал наши ладони в своих, так что мы с Хусиком, переглянувшись, не нашли ничего лучше, как последовать его примеру. «У! у! у!» слышали с трех сторон несчастные грязнухи, когда три нерусских парня зажимали их в кольцо и беспощадно лапали за едва прикрытые округлости. Пропустив через себя все тридцать присутствовавших в клубе грязнух, мы с Хусиком разыскали Геру и поспешили покинуть здание.

Той же ночью мы побывали за городом на дне рождения Гериного знакомого. Явившись без подарка, Гера, как позже выяснилось, прошелся по спальням и украл три или четыре мобильных телефона у спящих захмелевших гостей. Возвращаясь в предрассветные часы в Москву, мы проезжали мимо завода, к которому вереницей тянулись замерзшие полусонные рабочие.

– Тихо-тихо, притормози один раз, – попросил Мини-Гера водителя и, высунув голову в окно, весело закричал, – ЭУ! БИЧИ, БЛЯ!

Рабочие даже не повернулись в его сторону. Однако, оставив «бичей» позади, черным пятном в боковом зеркале, Гера с негодованием обнаружил, что сломался стеклоподъемник. Произошло это, когда мы находились за двадцать километров от города, в то время как на улице стояла минусовая температура. «Есть Бог на небе» – подумал я и поплотнее затянул на шее шарф. Домой мы ехали словно в санях – с ветерком, закутавшись в куртки.

9

Настроение было приподнятое. Скурив в туалете точку гашиша, я направился в сторону деканата – забрать для военкомата какую-то справку. Пара уже началась и на сачке второго гума было безлюдно, лишь сатанист-первокурсник цветочным горшком сидел на подоконнике, потягивая через трубочку вишневый нектар. Мои шаги эхом отзывались в тишине огромного светлого холла с высокими окнами – им вторил гулкий топот каблуков дерзких туфель безымянного абрека с эконом-фака, вышедшего мне навстречу с противоположной стороны.

– Братское сердце! – пожал я его мохнатую руку, когда мы поравнялись где-то на середине, – как сам? Как на хате?

– Здорова, братуха! Нормально. Как сам? У тебя по кайфу все?

– Пойдет, – отвечал я, между делом щупая его бицепс, – а ты – красавчик, как раскачался! Ходишь в зал, да?

На самом деле, для спортсмена он выглядел уж слишком солидно. Шелковая рубашка в золотых «огурцах» плотно облегла округлившийся на аджарских хачапури живот; сквозь кудрявую бороду проступал второй подбородок, а где-то совсем в зарослях угадывался третий.

– Ну, нет-нет тягаю чугуны, – нисколько не смутившись, ответил абрек.

– Я ебу, ты машиной стал, – отойдя уже на шаг, покачал я головой и приподнял руку, – ладно, давай, брат, увидимся!

– Давай, братуха, – прощаясь, он поднял ладонь, и с самодовольной улыбкой пошел своей дорогой.

У южного входа в здание я встретил Ислама. Это был симпатичный улыбчивый парень из солнечной Ингушетии – высокий, поджарый, с черными волосами и модной прической под Биттлз (о чем он сам вряд ли задумывался). О нем как о Бенни из Города Бога можно было сказать – этот пацан «самый харизматичный гангстер в гетто» – под «гетто», разуме-

ется, подразумеваемая МГУ.

– Ну, чо расскажешь? – сверкая крупными белыми зубами, поинтересовался Ислам, когда мы поздоровались.

– Да че рассказывать, Исламка, на второй паре с тобой виделась, – улыбнулся я, положив руку ему на плечо, – видел, вон, сатанист у нас на МГ завелся?

– В натуре, сатанист? – удивился Ислам.

– Ну да.

– Как ты это понял?

– Вчера с пацанами у комка петочились, так он у какого-то бедолаги душу покупал – тот ему расписку, а взамен копейку.

– Да ну нахуй! – оживился Ислам, – а вы чо?

– Ничо, посмеялись, разошлись.

– Где он щас? А ну пошли! – я не представлял, что Ислам собирается делать – воткнуть бедолаге в сердце осино-вый кол или провести сеанс экзорцизма, но этот огонек в блестящих черных глазах явно не сулил сатанисту добра.

– Ислам! – только и успел я окликнуть, когда на месте, где он только что стоял, осталось облачко пыли.

– Что? – нехотя остановившись, обернулся он.

– Нам туда, – указал я в другую сторону.

Резко поменяв вектор, мы двинулись на сачок. Сатанист все еще сидел на подоконнике – бледный, с рыжими, убран-

ными в конский хвост, волосами, в черном кожаном плаще и тяжелых ботинках. Рядом с ним мерно жевали картонную пиццу его флегматичные однокурсники – души этих он уже, видимо, приобрел. Заметив Ислама, быстрым шагом направлявшегося в их сторону, сатанист почувал неладное и вжался в высокий воротник своего плаща. В глазах его отразилась паника. Расстояние до неминуемого столкновения стремительно сокращалось – бежать было некуда, да и попробуй, побегай на такой платформе. Сатанист похолодел. Приблизившись вплотную, небритый широкоплечий парень в кожаном пиджаке решительно обратился к сидевшему рядом телу:

– Эу, ты тут душами барыжишь?

– Н-нет, – замотал головой флегматик, и кивнул на сатаниста, секундное облегчение которого снова сменилось смертельной тревогой.

– А, этот, да? – переспросил Ислам, – ты душами барыжишь?

– А что? – насторожился сатанист.

– Э, в плане, «что»? Интересуюсь!

Сатанист молча потупил взор.

– Э, да ты *не уалнауайся*, никто не тронет тебя, – засмеялся Ислам и потрепал бедолагу по плечу, – честно просто

скажи при пацанах, ты или нет?

Несмело подняв глаза и убедившись, что его не собираются бить, сатанист немного расслабился и выдавил из себя:

– Я.

– И чо ты с ними делаешь потом?

– Ну, какая разница, – выражение в глазах сатаниста сменилось с «не бейте, лучше обоссайте» на «не мешайте работать»

– Чо он за тип, а? – усмехнулся Ислам, – я продать хочу, мне интересно чо ты с ней потом делать будешь.

– Ты ведь когда воду покупаешь, не отчитываешься продавцу зачем, – пожал сатанист плечами, чувствуя, как силы возвращаются в члены и постепенно прорезается голос, – хочешь пьешь, хочешь кактус поливаешь.

– Базару нет, – согласился Ислам, – так чо, у меня покупаешь?

– Покупаю, что ж не купить.

– Куроче, так тогда, – закончив с шутками, постановил Ислам, – давай, за пять касарей я тебе продаю. Чо там, подписать чо-та надо?

– Нет, слушай, я за пятьсот вообще-то беру, – возразил сатанист.

– И чо, продает кто-то?

– Да, со своего курса уже у многих купил.

Стоявшие рядом овощи закивали.

– Э, одно дело Мерседес, другое – самокат. Есть разница? Давай мозги не делай, у меня времени мало. Чо подписать надо?! Бабки разверни и разойдемся.

– Ну, у меня сейчас все равно ни договора, ни денег нет, – замялся сатанист.

– Когда будет?

– Не знаю.

– Э, ты чо мне мозг ебешь, а? – начал сердиться Ислам, – ты на Мировом господстве же учишься?

– Угу, – сатанист нервно кивнул, начав сознавать в какое дерьмо вляпался.

– Завтра будешь в МГУ?

– Не знаю пока.

– Э, в плане, не знаю? Короче меня не ебет, до завтра, чтоб нашел бабки. Если не принесешь, я тебя на счетчик ставлю – каждый день двести баксов капает. Ты уже подписался, что купишь у меня, так что я на эти бабки рассчитываю.

– Если надо, из-под земли достанем, – предупредил я.

– Телефон скажи свой, – достав из кармана золотой Сирокко, приготовился записывать Ислам.

Продиктовав номер, сатанист некоторое время не двигался с места.

– Ребят, извините, я на лекцию опаздываю... – наконец, промямлил он.

– Давай, успехов, – напутствовал Ислам, – не теряйся только!

Тот благодарно кивнул и, взмахнув плащом, скрылся за углом.

– Вот это я называю «взять сучка за жабры», – усмехнулся я, когда мы с Исламом остались вдвоем.

– Не дай бог бегать от меня начнет, – ухмыльнулся он.

Правда, в итоге сатанист так и не купил душу Ислама, на другой день отдав лишь залог в три тысячи рублей, после чего на месяц пропал из универа. Это стоило ему жизни. Не буквально, конечно – но через какое-то время я встретил его совершенно преобразившимся – с короткой стрижкой, в модной олимпийке и джинсах с блестящей металлической бляшкой на заднице. Однако, от поклонения дьяволу он так и не отошел, сделавшись клубным промоутером – организатором вечеринок на лимузинах и паромоходах для ярких богатых студентов из разных российских городов.

– Братуха, у меня день рожденья в пятницу, – объявил мне безымянный абрек с эконома, когда днем позже мы снова столкнулись в коридоре, – подтягивайся на Инфинити часам к восьми, если чо.

– Братское сердце, очень постараюсь, – растроганно отвечал я, заранее понимая, что не получится.

10

– Ну, ты муслим же? – скорее утвердительно произнес Муслик, сурово глядя на Алишера, необъятно толстого таджика в льняных брюках со стрелками и такой же рубашке с коротким рукавом.

Алишер был героиновым принцем из Душанбе с отменно некрасивым лицом, испещренным красными прожилками, и с бегающими черными глазками, злыми и похотливыми, к тому же относился к типу людей, что верят в странные легенды, дескать, Александр Македонский был таджиком.

– Муслим, – с опаской отвечал Алишер.

– Ну, значит должен *муджахидом* быть, – Муслим развел руками, словно говорил: «ты не оставляешь мне выбора, су-чок».

– А как мне стать *муджахидом*? – неловким движением Алишер смахнул с сального лба проступившие капли пота.

– Ну, надо в террористическую организацию вступить, – Муслим значительно поднял указательный палец и украдкой посмотрел на меня. Он был на взводе. В его спокойно-уверенных карих глазах вдруг промелькнули два маленьких Муслимчика, яростно лупивших кулаками о прозрачные стенки роговицы, желая приступом гомерического смеха вырваться на свободу.

– А сами вы, пацаны, из какой организации?

– Мы из этой, как его, бригада мучеников аль-Аксы, – серьезно ответил Муслик, и, насладившись гримасой ужаса на лице Алишера, посоветовал, – надо и тебе куда-то вступить – иначе уважать перестанут.

– Брат, мы мирный народ... – замямлил раскрасневшийся толстяк.

– Нихуя себе мирный, вы уже сколько лет друг друга из-за нарко-трафика крошите? А в Афгане кто пиздарез устроил? Я ебу, чо вы за мирный!

По лицу бедняги ураганом пронеслось отчаяние, он то краснел, то бледнел, а маленькие черные глазки готовы были выпрыгнуть из орбит. Неловко свесив толстые руки, увенчанные короткими пальчиками-обрубками, Алишер в молчании простоял около минуты. Муслим же, будучи в камень накуранным, не замечал затянувшейся паузы, так как замкнул на валявшийся у плинтуса фантик, принявший форму собачки.

– Ладно, пацаны, мне пора, – извиняющимся тоном, нарушил молчание Алишер, – лекция начинается.

– Чо? А, давай, братуха, – опомнился Муслим, – но ты смотри, решай этот вопрос, не затягивай.

Мы с Алишером, хоть и учились на одном курсе, виделись все же не часто – я редко ходил на занятия, а он почти не появлялся в кафе Макс. Следующая наша встреча случилась на экзамене по английскому – я явился одним из первых и в первых же рядах пошел отвечать. Английский мне приходилось учить еще с раннего детства, общаясь с незнающими ни слова по-русски волонтерами-американцами в мормонской языковой школе. Зато теперь это был единственный предмет, за который я всегда спокоен – ведь ты либо знаешь язык, либо нет – это не философия и не математика, билеты к которым можно выучить за несколько дней или тупо списать. Это касается и фонетики, с которой мне приходилось помучиться воспроизводя речь какого-нибудь принца Альберта, преодолевая свое закостеневшее Mid-Atlantic произношение, и грамматики, которую я никогда не знал, но говорил правильно по наитию.

Войдя в обшарпанную аудиторию с деревянными партами, исписанными непристойностями пополам с формулами из логики и высшей математики, я вытянул билет и уселся в

первом ряду, прямо перед столом преподавателя, принимавшего экзамен у Алишера.

– So, what are the main functions of European parliament? – робко поинтересовался экзаменатор, в ответ на три предыдущих вопроса получивший лишь мычание и требование спросить что-нибудь еще.

– Эээ, – обреченно затянул Алишер, когда-то где-то слышавший, что на экзаменах главное не молчать.

– Все, это был последний шанс, – оборвал его препод вытерпев секунд двадцать, – ставлю вам «неуд».

– Но...

– Не но – нельзя сдать экзамен по английскому, если не знаешь языка.

– Как не знаю? Знаю!

– Значит, о европейской интеграции ничего не знаете.

– Знаю!

– А почему тогда мычите?

– Понимаете, я долго жил в Америке, свободно разговаривал на английском, но потом в аварию попал – амнезия! Все забыл! Теперь вы мне по-английски вопрос задаете, мне приходится с английского его на русский переводить, с русского на фарси, с фарси опять на русский, с русского на английский и только после этого отвечать.

– Пффф! – фыркнул экзаменатор и устало шлепнул себя раскрытой ладонью по широкому блестящему лбу.

– Facepalm! – улыбнулся Алишер.

– Удовлетворительно! – сдался препод, – давайте зачетку.

Сразу после экзамена я наткнулся на Алишера в очереди за хачапури. В небольшом кафетерии, расположенном во втором корпусе, в пятидесяти метрах от северного входа, собрались преимущественно плохо одетые и не вполне свежие студенты факультета высшей математики и кибернетики – ВМК – тут были и россыпи прыщей, и сальные патлы, и заклеенные скотчем очки, и даже крепкие фанатские плечи в спортивных кофтах из синтетической ткани. Все они явились полакомиться картонной пиццей, мороженым в ассортименте и молочными коктейлями, получаемыми через взбивание миксером дрянного питьевого йогурта со вкусом черники или вишни. Среди всей этой нелепой кучи возвышался Алишер в футболке с надписью Tajikistani penis и стрелкой, указующей на трехсотдолларовые джинсы с крупными литерами AJ на заднице. Он размахивал массивным брендованным портмоне и визгливым голосом доказывал что-то стоявшему рядом Исламу.

– Оу, че тут за хипиш? Че ты шумишь, Алишер? – будто так и надо вклинился я в очередь.

– Да у него второе имя Халк походу, – смеялся Ислам, – говорит, за две недели может согнать живот и пресс как у меня сделать.

– Главное правильно тренироваться, – взвизгнул Алишер, – мне это просто нахуй не надо – один раз уебу, мало не покажется.

– Он, видишь, с виду толстяк, но в теории бодибилдинга Шварцнегера схавает.

– Не веришь?!

– Братан, так только в фильмах бывает. Пресс – это самая труднонакачиваемая мышца в мире! – снисходительно объяснил Ислам и, купив минералки, вышел из кафетерия.

Набрав хачапури и газировки мы с Алишером вышли следом и устроились за одним из высоких столиков в коридоре. Выходившие после нас ВМК-шники, ставшие свидетелями спора, с интересом озирались, глядя как, грациозно отставив ногу, обутую в замшевый фиолетовый ботинок с носом, загнутым чуть ли не в спираль, Алишер один за другим закидывал сложенные пополам хачапури в бездну своего желудка.

– Че, поправляет тебя? – решил я поддержать разговор.

– Да, вкусно, – пожал он плечами, – я за день таких штук десять съедаю.

– Ставиться ими не пробовал? – пошутил я.

– В плане ставиться?

– Ну, колоться, бахаться – по вене, короче, – начал я объяснять, но, решив, что шутка уже не удалась, просто махнул

рукой, – ладно, проехали.

– Нам, брат, муджахидам, Куран запрещает колотья, – заметил Алишер после небольшой паузы.

– А ты че, моджахед? – я едва не подавился.

– Конечно, я два года в тренировочных лагерях провел, – бесстыдно вещал толстяк, и вдруг сменив тон на высокомерный, уточнил, – а ты че, нет, что ли?

Тщетно попытавшись уловить в его лице хоть тень улыбки, я молча доел хачапури, смакуя каждый глоток, допил через соломинку газировку и деловито достал из кармана упаковку бумажных платков с ароматом мяты. Стерев с губ и подбородка крошки, я доброжелательно похлопал ловившего каждое мое движение Алишера по плечу и, не говоря ни слова, направился к выходу из корпуса. Подъезд был широким и состоял из четырех или пяти секций – металлических рам, окаймлявших большие, вечно немытые стекла – впрочем, от кафетерия было отлично видно, как я вышел на улицу, закурил сигарету и, смачно харкнув, направился в сторону Макса.

Я вышел из-за угла, когда голова бедного Димати вошла в пол у шестой поточной аудитории второго гума. Отбросив поверженную тушку, раскрасневшийся от негодования Ис-

лам отмахнулся от успокаивавшего его Алишера и устремился прочь, в сторону сачка.

– Ислам, зачем ты швырнул Диму? – одернув его за рукав, возмущалась пассия пострадавшего, маленькая мажорка увешанная брюлликами как самка опоссума собственными детенышами.

– А потому, что он женщина! – рявкнул Ислам и тут же оговорился, – Он даже не женщина – он мудака! И ты тоже мудака, если его защищаешь!

– Ислаам... – у деточки отвисла челюсть. Еще никто не видел этого парня таким разъяренным.

Чуть не врезавшись в меня на сачке, он молниеносным движением вытащил из моего рта сигарету:

– Один раз дай затянуться.

– Оу, Ислам! Че случилось? Ты же не куришь, – удивился я.

– Да вывели потому что, – как-то очень по-детски надув небритые щечки, посетовал он, и, выпустив струйку дыма, вернул сигарету мне, – фу, гадость!

– Да, успокойся, – усмехнулся я и, присев рядом с ним на подоконник, постарался перевести тему, – че, с парашютом в выходные едем прыгать?

Ислам отрицательно цокнул. Он смотрел в точку и, казалось, прокручивал в голове произошедшее.

– Почему?

– Не вариант потому что! Нам нельзя просто так жизнью рисковать, – подняв ладонь, выпалил он словно девиз, и добавил уже более спокойным тоном, – пойдём лучше в Макс, похаваем че-нить.

Майские праздники едва миновали и в городе пахло летом. Земля и воздух уже успели прогреться, а частокол деревьев, с обеих сторон окаймлявших бурлящую студенческую жизнь улицу Академика Хохлова, покрылся горящими зеленью кронами, ещё не потухшими в летней пыли. В бледно-розовом шелковом лонг-сливе и испещренных зигзагами швов игривых голубых джинсах (коими в прошедшем сезоне грешил Айсберг) я неторопливо вышагивал в ногу с Исламом. Он в свою очередь, в приталенной сорочке ультра-модного сиреневого цвета и благородного вида серых брюках фклетачку (любимый кабардинский цвет на букву «Ф»), шел рядом держась рукой за мое плечо. Вопреки глупому хихиканью недоганяющих девчонок, кавказские мужчины, сидящие в обнимку, прогуливающиеся под ручку или выкладывающие в социальных сетях пляжные фотографии, так и источающие неприкрытый гомо-эротизм, не имеют ничего общего с гомосексуальностью. Настоящему мужчине и в голову не придет, что во всем этом можно усмотреть сексуальный подтекст. Этот подход исчерпывающе, хоть и в гротескной форме, раскрыт одной единственной репликой из нашумевшего фильма Саши Барона Коэна «Борат». «Вы хотите

сказать, что человек засунувший в мой анус резиновую руку – гомосексуалист?» – удивленно вопрошал герой фильма, вспоминая как весело провел время с новыми знакомыми. А тут вообще – братские объятия – идите к черту!

Зайдя в Макс, и облобызавшись с сидевшими за столом Хусиком и Гагиком, мы как ни в чем не бывало присели за стол, ловя на себе любопытные взгляды, сидевшего с ребятами патлатого иностранца в сером худи. Оказалось, это швейцарский студент, которому они от нечего делать присели на ухо. Его звали Тьерри. Высокий голубоглазый парень со светлыми кудрями, спадавшими почти до плеч. Знакомство с Хуссейном и Гагиком началось с банального “Hi! Where are you from”, вызванного желанием Гагика похвастаться перед Хусиком, как круто он знает английский. Последний, впрочем, не в состоянии был оценить – на языке Шекспира он знал лишь boy, girl, cat, dog и fuck. Однако, кое-как разговорившись, новые знакомые быстро обнаружили общий интерес. Какой – я угадал с первой попытки. Как и все мы, Тьерри любил травку, но не имел понятия, где в Москве ее следует покупать, зато был в курсе, что в России с этим строго.

– Это my friend Mark. He is Jew, – надменно поглядывая на ни черта не понимавшего Хуссейна, на ломанном английском распинался Гагик.

– Nice to meet you Mark. I’m Thierry from Switzerland.

– А это my friend Islam. He is Ingush. You know Ingush?

– Nice to meet you. No, I don't know actually. What does it mean?

– You know Chechen terrorists?

– Yep, I've seen on TV. In the news.

– Вооот, it's his brothers, – пояснил Гагик.

– ОК, – с интересом закивал Тьерри.

– За шмаль у него приколи, – подсказывал Хусик и вопросительно глядел на меня, – у нас же есть маза?

Я кивнул.

– So, do you want smoke, Thierry? – закинул Гагик удочку.

– Sure, if you have some, – улыбнулся швейцарец, – or if you know where to buy.

– He knows, – Гагик кивнул в мою сторону, – three thousand rubles. You have?

– Three thousand for joint?

– Yes.

– ОК, normally it's kinda expensive – for Europe, – прикинул он, но тут же оговорился, – sorry, I mean Western Europe – but here it will do.

Раскрутив изголодавшегося по косяку швейцарца на трешку, мы с Гагиком метнулись за семьсот рублевым граммом на Профсоюзную, поделив остальное пополам. Мы объ-

яснили Тьерри, что цена такая высокая из-за опасности встрять тысяч на сто или попасть за решетку, где беспредельные русские милицейские еще до суда отобьют тебе почки. Тьерри не возражал, да и не ждал, наверное, подвоха от двенадцатилетних ребят на новом S-классе. Раскураившись у него общежитии, мы от души посмеялись, лишний раз убедившись, что даже незнакомый язык не может быть преградой для общения – ведь это претило бы самой его сути.

На ближайшие пару недель Тьерри стал нашим добрым приятелем. Мы так сдружились, что даже заняли у него денег – Гагик десять тысяч, а я пять. Когда пару дней спустя объяснявшийся с ним на пальцах Хуссейн попытался занять хотя бы трешку (ну хоть касарь!), Тьерри сказал, что ему пора идти и юркнул в общежитие, оставив после себя лишь вращающийся турникет, а дерзкая вахтерша не пустила Хусика на порог. С тех пор Тьерри не выходил на связь, а когда Ислам, случайно встретив его на Хохлова, окликнул бедолагу по имени, тот лишь ускорил шаг и поспешил перейти на другую сторону улицы.

– Это все из-за вас, – выговаривал Хуссейн нам с Гаги-ком, – нет, чтоб потихоньку его доить, взяли и сразу разьебали на пятнашку! И мне всю малину обосрали! Вообще это мой пассажир был – я его первый нашел!

– Да, Хусик, ты своего не взял, – сочувственно произнес

Ислам.

Я тоже был огорчен, что швейцарец так дешево отделался, поэтому, когда позвонила Алиса и сообщила, что нам нужно расстаться, лишь отмахнулся фразой «блядь, ты еще!» и повесил трубку. Ближайшее лето мне предстояло провести без нее и без Тьерри. От безысходности я сорвался с Салтыковым на Гоа.

ЧЕТВЕРТЫЙ КУРС

1

Ложась спать в последний день лета, проснулся я, как и следовало ожидать, уже осенью. Настенные часы в виде Гарфилда показывали ровно десять. «Черт, как рано, – подумал я, – надо бы еще поспать. Или стоп. Какой сегодня день?» Нашупав рукой мобильный на прикроватной тумбочке, я взглянул на дисплей: первое, мать его, сентября, а значит, все начиналось снова, с той лишь разницей, что теперь я был на курс старше. От досады я уткнулся лицом в подушку и лежал так пока не почувствовал удушье – наверное, секунд сорок или вроде того. Это привело меня в чувства. Перевернувшись на спину, я потянулся и, тщательно почесав мудя, приподнял голову. Погода за окном не слишком способствовала благостному настроению. Небо было серое, мятое и ка-

кое-то недовольное, как будто у него начался ПМС или просто зудела задница. Последние две недели вообще выдались довольно паршивыми – дни напролет шел дождь, солнца никто не видел с середины августа, а ветер дул как скотина. Газоны и кроны деревьев все лето покрытые городской пылью, как будто матовым напылением, едва отмылись до блеска и сразу же подернулись ржавчиной. Я до последнего верил, что может хоть в этом году осень не наступит, но судя по всему, это было безосновательно – природа не сулила ни единого шанса. Что ж, оставалось жить дальше и надеяться, что не будет зимы.

Умывшись и наскоро позавтракав хлопьями с молоком, я облачился в новый, доселе всего раз надетый, пижонский костюм, сияющие лакированные туфли и вышел из дома. *«Салам алейкум тем, кто на движеньях! Тем, кто на движеньях!»* – напевал я себе под нос, гарцующей походкой шагая от подъезда к дороге, чтобы поймать такси. Мне очень нравилась эта песня. Настолько, что я даже начал расстраиваться тому, что у меня нет машины, и я не могу подъезжать к МГУ с открытыми окнами под качающий бит этой нетленки.

Сиротливые полупустые улицы уже успели заполниться автомобилями вернувшихся с дач и курортов горожан. Свежеуложенный, черный еще, асфальт радовал глаз и подвеску, впрочем, кое-где по-прежнему зияли ровные прямоугольники ободранного и не обновленного еще покрытия. Меня все-

гда это забавляло – весной, когда лед, наконец, тает, а дороги напоминают Маасдамский сыр, московские власти с энтузиазмом берутся за ремонтные работы, которые, не прекращаясь, длятся все лето и осень, то тут, то там перекрывая или затрудняя движение, и заканчиваются только к зиме, чтобы плоды их вновь оказались погребенными под толстым слоем снега и льда. В итоге по нормальным дорогам поехать так и не удастся.

Вновь оживший Московский университет тоже был перекопан и напоминал теперь муравейник на рассвете – студенты, объезжавшие дорожных рабочих, вылезали на встречную, ломались сквозь узкие щели и, где возможно, по тротуарам. В МГУ, как и в целом по городу, главным образом действовало только одно правило: первым проезжает тот, у кого круче тачка, но если мнения двух водителей на этот счет расходились и уступать никто не хотел, получалось, что не ехал никто – или ехали оба, сигнала и крича в матюгальники, что-нибудь вроде: «Эу, я тебя лавашну! Проехать дай!» Это нередко заканчивалось авариями и еще большими пробками.

Подъезжая к университету, я набрал номер Вовы Барышника.

– Здорова. Ты в МГУ? – поинтересовался я.

– Здорова, да, со Светой в Максе, но тут ловить нечего – нет никого.

– Ясно. Дунуть есть масть?

– Не, ну а как еще? – удивился Барышник.

– Дождись тогда, сейчас подъеду.

– Давай, я здесь, – он повесил трубку.

Выйдя из такси у самого Макса, я направился ко входу, разглядывая по пути новоприбывший молоднякиз южных республик, к 2006/2007 учебному году составлявший уже добрую половину всех вновь зачисленных. С первого сентября и до первого кипиша (который обычно случался уже второго числа) эти ребята всегда держались довольно скромно, чего не скажешь о второкурсниках, толпившихся здесь же: в большинстве своем дорого и претенциозно одетые, они разговаривали громко и подчеркнuto развязно, разнузданно размахивая руками и потрясая ключами от родительских автомобилей. Не желая тратить время, чтобы персонально ручкаться с каждым, в том числе с дюжиной совершенно незнакомых мне людей, я кивнул тем, кого знал и вошел в Макс.

Света и Барышник, сидели за столиком в курящей зоне. Она, в боевой раскраске, увешанная брюликами и аксессуарами по цене самолета, с расслабленным видом ела салат, то и дело вытирая салфеткой надутые пухлые губы; он крутил головой, тыкал пальцем в навороченный коммуникатор и непрестанно что-то бубнил, словно помешанный.

– Как ты? – протянул я Барышнику руку.

– Пойдет. Как сам, братан? – поднявшись, приветствовал он меня.

– Отлично. Светкин, – обратился я к ней. Не прожевав свой салат, она вытянула шею, и мы облобызались.

– Че, как лето? – спросил я ее, когда она, наконец, проглотила.

– Прекрасно, дорогой, весь август с мамой на лазури проторчала. Как твое?

– Тоже неплохо – на Гоа летал, – ответил я и повернулся к Барышнику, – у меня пакет. Можем до бейсбольного прогуляться.

– Да ну, поехали ко мне лучше, – не дав ему ответить, вмешалась Света, – мама только завтра вернется.

– Кайф, поехали, – спокойно ответил Барышник.

– Кайф, че, – подытожил я и мы стали собирать со стола многочисленные пожитки – телефоны, сигареты, зажигалки, ключи от машин, портмоне.

Через несколько минут Света уже везла нас к себе, развлекая репертуаром нового альбома Жанны Фриске. Я сидел на переднем сидении ее до блеска вылизанного внедорожника, курил сигарету и думал о жизни – так, как позволял это делать мой мозг, в последние годы заточенный лишь под вопросы «где замутить?» и «у кого отнять?». Жизнь казалась

прекрасной: со мной были мои друзья, из колонок звучала классная песня и даже солнце выглянуло из-за облаков; молодые и красивые, мы ехали в гости курить гидропонику. Я предвкушал еще один разгульный учебный год.

2

Просторная кухня-столовая с высоким потолком, двумя пухлыми, облокотившимися на белые стены, диванами, изящным викторианским столом и под стать ему стульями была заполнена густой пеленой едкого конопляного дыма, медленно выходявшего сквозь приоткрытое окно в тихий переулок.

Света, последние минут пятнадцать бездыханной тряпочкой лежавшая в кресле, поднялась и, тяжело ступая по блестящему паркету, подошла к барной стойке красного дерева, на которой Барышник делал себе очередной водный – кальян, сооруженный из двух разного диаметра пластиковых бутылок, обрезанных пополам, нижняя из которых заполнена водой, а верхняя увенчана пробкой из изрешеченного зубочисткой кусочка фольги, принявшего форму горлышка. Налив стакан воды, Света слабой рукой поднесла его к губам, сделала пару глотков и, пошатнувшись, рухнула вместе с ним на пол. Осколки звонко рассыпались по плитке.

Не успев подхватить Свету в момент падения, я поднял

обмякшее тело на руки и заботливо уложил на диван. Она была без сознания. Я потрепал ее за плечо, затем легонько похлопал по щекам – никакой реакции. Я начал было волноваться, но подоспевший Барышник, напоминавший в тот момент накуренного бурундука-спасателя с позеленевшей кожей и красными глазами, водой обрызгал ее лицо, заставив придти в себя.

– Я бы поела, – выдавила Света едва открыв глаза.

– Надо пиццу заказать, – заплетающимся языком предложил Барышник.

Мне эта идея показалась лучшей за день – я сразу представил себе, как истекающий сыром и усыпанный лоснящимися от жира шматками салами, кубиками говядины и перцем халапеньо кусок пиццы отправляется прямо мне в рот.

– Есть телефон доставки? – спохватился я.

Света лишь сделала знак глазами, указав на рекламный проспект, магнитом прикрепленный к холодильнику – было видно, что даже это движение стоило ей усилий. Взяв в руки меню, я сел рядом с ней на диван и достал мобильный – кому-то из нас троих предстояло сделать заказ. Честно говоря, даже в здравом уме и трезвой памяти мне бывало очень непросто выбрать себе пиццу, а в этот раз все осложнялось

тем, что предстояло не просто ткнуть пальцем в меню, а объяснять все по телефону за себя и еще двоих человек, будучи не просто накуренным, а в усмерть убитым гидрой. К тому же я не помнил Светин адрес.

– На, закажи, – попытался я делегировать эту ответственную миссию Барышнику, протянув ему телефон.

– По-братски, сам закажи, – умоляюще промычал он.

– Свет, тогда ты закажи, – предпринял я еще одну попытку.

В ответ она просто отвернулась. Я был близок к отчаянью, но не собирался сдаваться.

– Блин, Вов, ну, значит все же тебе придется.

– По-братски, нет, – жмурился Барышник.

– Слушай, мы у Светы в гостях, курим мою шмаль, так что пиццу заказываешь ты, – максимально безапелляционным тоном попытался я надавить на справедливость и, набрав номер, подставил телефон к его уху.

– Добрый день, спасибо, что позвонили в нашу пиццерию, какую пиццу вы хотели бы заказать? – после первого же гудка донесся из телефонной трубки бодрый голос девушки-оператора.

Барышник молчал, а лицо его приняло страдальческое

выражение.

– Алло, вы меня слышите? Какую пиццу вы хотели бы заказать? – повторил голос.

– ПИЦЦАА! – собравшись, наконец, с силами, прорычал он.

– Да, это пицца. Я вас слушаю, что будете заказывать?

– Алё, ПИЦЦАА! – он явно был не в силах справиться с поставленной задачей, так что мне все же пришлось взять это на себя.

– Здравствуйте, три большие мясные и два литра колы, пожалуйста, – на практике это было куда сложнее, чем может показаться.

– Что-нибудь еще?

– Нет, спасибо.

– Назовите свой адрес, пожалуйста.

Мы были на финишной прямой. Раствормошив Свету, я с трудом заставил ее внятно продиктовать адрес. Наконец, все было улажено и нам оставалось лишь убить каких-то полчаса, дожидаясь доставки. Положив трубку и откинувшись в кресле, я поразился удивительному спокойствию, с каким девушка-оператор принимала заказ от трех явно находящихся не в себе и мычащих что-то нечленораздельное маргиналов. Впрочем, уверен, мы не были первыми и вряд ли стали последними странными клиентами в ее послужном списке –

такова специфика данного бизнеса – это как держать бар и общаться с пьяными или голой танцевать перед веб-камерой и наткаться на извращенцев – трудовые будни, не более.

Додумав эту мысль, я было поднялся на ноги и направился к водному, намереваясь покурить еще, как вдруг торжественно чирикнул домофон.

– Надо за *ним* спуститься, – изрекла Света, по-прежнему лежавшая там, где я ее оставил, – наверное, на охране задержали.

«Как это неудобно» – подумал я. Но делать было нечего.

– Пошли спустимся, – позвал я Барышника.

Он не противился и, выйдя в прихожую, легко опустил ноги в не обремененные шнурками блестящие лофферы. Я же, не найдя обувного рожка и поленившись ослабить шнурки, так, чтобы нормально обуться, надел свои остроносые туфли на мыски, пятками встав на заламывавшиеся под моим весом и больно врезавшиеся в кожу задники. В такие моменты русский обычай разуваться в гостях приводил меня просто в бешенство.

Выходя из квартиры, мы оставили входную дверь настежь раскрытой, не надеясь на то, что, услышав звонок, Света сразу же бросится нам открывать. Хотелось максимально

все упростить и по возможности обезопаситься. Когда приехал лифт, из него вышла немолодая матрона, бросившая на нас довольно презрительный взгляд, словно мы были какими-нибудь проходимцами. Впрочем, ее можно было понять – вид у обоих был довольно помятый, а в глазах зияла бездонная бессмысленная пустота.

– Это не Светина мама? – спросил я на всякий случай Барышника.

– Шутишь что ли? – ответил он таким тоном, что я почувствовал себя очень глупым.

Не смотря на то, что мы нажали на первый этаж, лифт, к нашему общему негодованию, стал подниматься вверх. На последнем этаже, когда двери открылись, к нам вошел какой-то странный огромный тип с пышными бакенбардами, торчавшими из-под линиялой черной бейсболки. С минуту послушав бубнеж Барышника о тупых неудобных лифтах, он повернулся к нам и басом изрек: «А я вот в Сибири жил, так там вообще лифтов не было!»

– Ну, ты бы еще с Африкой сравнил, – пожав плечами, возмущенно ответил Барышник.

Спустившись, наконец, на первый, мы обыскали все и даже вышли на улицу, но разносчика так и не нашли. Рассудив, что, вероятнее всего, он с нами разминулся, мы решили

вернуться в квартиру. Честно говоря, мне было уже плевать на пиццу, я просто не хотел больше никого искать, особенно будучи обутом через задницу и то и дело наступая на свои шнурки.

Когда мы поднялись, входная дверь все еще была распахнута, клубы дыма застилали глаза, а на диване по-прежнему неподвижно лежала Света. Однако, к моему удивлению, женщина из лифта стояла теперь над ней и громко причитала: «Как напоили, девку-то! А накурили как!» Ухмыльнувшись двусмысленности последней фразы, я вдруг осознал, что на барной стойке все еще стоит водник, а рядом с ним, завернутая к салу, лежит моя гидропоника. Нужно было действовать решительно. В какой-то передаче по ящику я видел, как разведчиков учат концентрироваться на собственных руках, чтобы незамеченными проникать в полные людей помещения. Не знаю, есть ли в этом хоть доля правды, но, уставившись на собственные ладони, я прошел через всю квартиру мимо дамы, забрал со стола пакет и вышел тем же путем.

Выжать из этого дня что-то большее не представлялось возможным. Поэтому, оказавшись на улице, мы с Барышником сразу же распрощались, чтобы отправиться каждый в свою постель. Первое сентября закончилось едва начавшись.

Сентябрь подходил к концу, и с этой отметки минувшее лето казалось уже лишь прекрасным полузабытым сном. Ночью столбик термометра опускался все ниже и ниже, стремительно приближаясь к нулю так, что по утрам было довольно холодно. Впрочем, к полудню, когда воздух прогревался градусов до пятнадцати, а солнечные лучи мягко припекали блестящие лысины дежуривших у первого гума водителей и охранников, на пяточек у Макса выползали наши – ели бананы, лузгали семки, а иногда даже танцевали лезгинку. Как правило, я коротал время там же – выставив вперед колено и пяткой опершись о невысокое ограждение, установленное по периметру все еще зеленого газона, принимал участие в бесконечных пересудах за *чота-чота*. Почти все эти разговоры содержанием живо напоминали чукотскую песню – они лишь фиксировали и оценивали происходящее вокруг: «*вай, какой лоринсер поехал! Четкий аппарат эси, есть эси!*» или «*бляяя, какая эсона пошла, приколись!*» На пяточке никогда не обсуждали ничего глобального, концентрируя внимание лишь на блестящих частностях.

Вот и в этот день мы с пацанами лениво петочились на солнышке у торца здания кафе Макс. Сквозь темные очки я уже с минуту следил за тем, как со стороны второго гума неторопливой походкой приближался к нам Гаджи-Ма-

гомед. Компанию ему почему-то составлял Обоссанный Нарек. Заметив нас еще издали, Нарек поспешил проститься со своим спутником и пошел к Максиму в обход.

– Э, че вы пацана запугали? – поздоровавшись со всеми, кивнул Гаджи в сторону опасливо озиравшегося Нарека с торчавшей из-за спины длинной палкой, – он говорит, я там не пойду, я лучше в обход пойду. Я спрашиваю, почему? Он говорит, там, вон видишь, участники банд-формирований собрались.

Все засмеялись. Вряд ли кто-то признался в этом даже самому себе, но каждому из присутствовавших польстила такая характеристика.

– Ай, Нарек-Нарек, что за космический уебан, – улыбаясь, покачал головой Хусик, – откуда только берутся такие?

– Жаль бедолагу, больной он, – пожал я плечами и смачно сплюнул шелуху от семок на землю.

В ответ все стали цокать языками – в знак жалости к бедному юродивому. Я будто услышал часовой детонатор бомбы – звук был именно такой. В МГУ шутили, что абреки за Максимом могут часами сидеть на кортах и цокать языками, но когда цоканье заканчивается кто-нибудь обязательно получает пизды. Однако, то – лишь студенческий фольклор, в

действительности же цоканье начиналось всякий раз, когда происходило что-нибудь из ряда вон выходящее – будь то удачный удар или прием в драке, прошедшая мимо красotka с выдающимся декольте или крутой обвес на проносащемся мимо автомобиле. Потом все замолчали и в воздухе воцарилась тишина. Солнце мягко припекало спину, легкий западный ветерок развевал непослушные смоляные космы, донося со стороны второго гума истошный скрип прокручивающихся колес, возвещавший о том, что кто-то из *нашинских* только что оставил на асфальте половину протектора, ради благосклонного взгляда какой-нибудь гордой, неприступной черкешенки.

– Э, а че мы *здесь* стоим? – осенило вдруг Гаджи, – телки-то все *там* ходят!

Я саркастично хлопнул себя ладонью по лбу. С коллективным «э, в натуре, ну!» вся компания снялась с места и переместились поближе ко входу в Макс.

Убив около получаса на разглядыванье и обсуждение входящих и выходящих студенток, я с интересом отметил для себя, что на летние каникулы они уходили совершенно другими. Новое поколение грязнух выглядело как-то совсем иначе, нежели ставшие уже почти родными, старые добрые падлы с соломенными патлами и фуфлыжными сумками Луи

Виттон. Они по-прежнему были все как с конвейера, но в этом году дело не обошлось легким рестайлингом – речь шла о принципиально новой модели, оформленной в тонах черного, серого и коричневого цветов. Среди них совсем не было блондинок, зато почти у всех были выстрижены прямые, почти закрывавшие глаза, горизонтальные челки, по возможности толстые (шедшие в лучшем случае каждой пятой). Шеи всех как одной, были замотаны кашемировыми шарфиками «барбарис», добавлявшими образу уюта и нежности. Не могу сказать, что я, будучи человеком консервативным, был в восторге от этих нововведений, но не спешил и драматизировать.

Из первого гума в нашу сторону рысцой семенили две маленькие красотки, чисто ассоциативно напомнившие мне сексуальных рабынь из грязных японских мультфильмов – тех самых, с лисьими ушками и хвостами. Красивые голубоглазые мордашки, дерзкие задницы, шоколадный карибский загар и все атрибуты вышеописанного новомодного образа не могли остаться незамеченными собравшимся обществом. Одна из телочек громко о чем-то рассказывала, оперируя такими категориями, как «самый лучший клуб», «новая БМВ», «колумбийский кокс» и «профессиональные футболисты».

– Эу, сестра, ты че так шумишь? – очень спокойно обра-

тился к ней Муслим, едва они поравнялись с нами.

– А что, нельзя? – дерзко ответила она, смерив Муслима взглядом.

– Почему нельзя? Можно, – Муслим явно был умилен происходящим, – ты кто вообще такая будешь? Откуда взялась?

– Я Лида из МГИМО! – выпалила она и залилась звонким неуместным смехом.

– Тормози, из какого МГИМО, ты себя в зеркало видела – где МГИМО и где ты? – снисходительно улыбнулся ей Муслим. – Там люди неебаться какие заряженные ходят, а ты максимум с геофака – и звать тебя Фросей.

Явно смешавшись, телочки поспешили войти в Макс, провожаемые сдавленным смехом присутствовавших при этом игрушечном низвержении. Можно было с уверенностью сказать, что пока Муслим стоит у входа, они не выйдут на улицу. Тем временем я уже мысленно внес обоих в список “to do”.

4

До появления и популяризации социальных сетей, их функцию выполняли всевозможные сайты знакомств. Среди них выделялся один – Дамочка, в прошлом, как говорят, кишевший анкетами питерских проституток, а в середине ну-

левых облюбованный московскими тусовщиками. Не смотря на то, что контингент сайта сменился, массовый съём не прекращался ни днем, ни ночью. Только теперь снимались уже не за фиксированную плату, а за красивые фотографии и щедрые обещанья. Кроме того, Дамочка предоставляла возможность вести дневник и играть в игры, а также была оборудована Дамофоном – мессенджером на подобии icq. Однако важнейшим сервисом были так называемые «цари горы»: на сайте не прекращаясь проводился аукцион – отдельно для мужчин и для женщин – победители которого выявлялись раз в пять минут. Их аватары выводились сразу на все страницы дамки, что влекло за собой кучу просмотров и сообщений от потенциальных жертв. Я знал людей, которые спускали на эти аукционы всю зарплату или карманные деньги. Например, Мадо с тремя детьми.

Я часто слышал о Дамочке от знакомых, однако впервые открыл ее для себя только летом 2006, когда мы расстались с Алисой, и орудовал там весь четвертый курс. Долгое время я просто не мог поверить, что это не сон. Времяпровождение на дамке было похоже на волшебную рыбалку, на которой постоянно клюет – только вместо удочки – анкета – а вместо рыбы – красотки от восемнадцати до двадцати трех, жаждущие члена, скрытого под трехсотдолларовыми джинсами и безмерным гонором своего носителя. Девять из десяти грязных готовы были отдаться чуваку с дюжиной клубных фото-

графий, помеченных логотипом тематического сайта, после ужина в мало-мальски модной ресторации. Они отдавались просто за то, что ты крутой и богатый, или за то, что кажешься таковым. Впрочем, и им не чуждо было ничто человеческое. Даже понимая подспудно, что ты чайка, они готовы были отдаваться за обман – *«умоляю, наеби меня, скажи, что у твоего папы Бенгли!»* – читалось в их красивых глазах. Ни одна уважающая себя грязнуха не могла позволить себе спать с заведомо нищим парнем, если только он виртуозно не пускал в глаза пыль и не сорил обещаньями, перемежая их историями про *много денег*. В таком случае грязнуха могла пойти на сделку с совестью, оправдывая себя потом чем-то вроде: *«Ну, он же сказал, что отдыхал летом в Ницце, а я, наивная, повелась! Ладно, по крайней мере, пожарились классно»*.

Вне моногамных отношений я вновь открыл для себя прелести жизни, свободной от моральных обязательств, и с генитальным остервенением мартовского кота стал орудовать на дамке под кричащим ником *gussigussigagaga*. Схема была предельно проста: в понедельник я знакомился на сайте с очередной грязнухой, на неделе пил с ней кофе или кормил ужином, а в выходные трахал в клубном туалете или у кого-нибудь в гостях. Конечно случались и фиаско, но в целом я не без удовлетворения отмечал для себя, что телочки, подобно сдобе во французской булочной, не успевали зале-

жаться. «Я опять тебя сегодня видела. И ты был с новой телкой. Опять» – писала мне подруга, в незапамятные времена бывшая моей пассией. Лица, сиськи и задницы мелькали как частокол вдоль дороги – я просто не успевал их запомнить. Это был успех.

Холодным ноябрьским утром, после ночного randevу с очередной грязнухой я решил заехать в университет подлечиться гашишем. Войдя в первый гум, я направился к третьей поточке, где меня уже ждали парни.

– Эй, гуччи! Гуччи! – раздался вдруг женский голос, когда я проходил по большому сачку.

Многие в МГУ – но не я в тот день – носили шмотки от Гуччи, поэтому одновременно со мной обернулись сразу человек семь. Однако, оказалось, что звали именно меня. С дерзким, но в то же время смущенным видом мне улыбалась Фрося, с другими маленькими мажорками мутившаяся на широких мраморных ступенях.

– Привет, Фрось, – не прекращая движения, машинально ответил я.

– Вообще-то я Лида, – бросила она мне в след.

– Еще увидимся, Лида, – на ходу обернувшись вокруг своей оси, улыбнулся я – очень в духе голливудского сериала

про крутых калифорнийских тинейджеров.

Система работала.

5

На лекцию по теории государства и права я опоздал минут на пятнадцать. Скурив с парнями косяк у маленького входа в первый гум, я уже направлялся в аудиторию, но залип в очереди за пиццей, продававшейся в комке на мажорке. Делать все равно было нечего, и перспектива потупить на лекции казалась вполне себе приемлемой. Незаметно просочившись в поточку с верхнего входа, я уселся на последнем ряду и приступил к трапезе. Прикончив пиццу, я стал оглядываться вокруг – все вроде было как обычно: прыщи на первых рядах, привычно немодные и некрасивые, строчили конспекты и ждали лишь конца пары, чтобы броситься к кафедре нюхать препода попку; блатующие южане, также старавшиеся рассаживаться поближе к лектору с ушлым намерением запомниться на занятиях, развлекались кто как умеет – щелкали друг друга и впереди сидящих ботаников по ушам, играли в карты или в чи-чи-ко и, как результат, нередко оставались в памяти препода, как те самые, кто не слушает и мешает другим; телочки в средних и верхних рядах скрупулезно красили ногти, увлеченно строчили смс или шуршали страницами глянцевых изданий. Обычные студенты, не принад-

лежащие ни к одному из вышеупомянутых сообществ были довольно хаотично разбросаны по рядам начиная с третьего и заканчивая самой галеркой – кто-то рисовал или слушал плеер, кто-то конспектировал лекцию, кто-то приставал к телочкам, иные и сами становились объектами приставаний. Единственным новым во всей этой истории был незнакомый вайнах с огромным золотым будильником на запястье, сидевший в предпоследнем ряду – прямо передо мной. Пару раз, когда я переговаривался с кем-то из соседей, он оборачивался и бросал любопытствующий взгляд, тем самым вгоняя меня в паранойю. В накуренном состоянии я становился совершенно беспомощным – меня мог обидеть даже ребенок. Впрочем, незнакомец казался вполне дружелюбным и вскоре я уже не обращал на него никакого внимания, как на что-то совершенно привычное.

Мы познакомились на другой день. Во время лекции по культурологии, в конце которой должна была состояться контрольная работа, он попросил сигарету и предложил выйти на улицу покурить. Преподавательница не видела ничего дальше своей тетрадки, так что я, убедившись, что до конца пары еще больше сорока минут, не преминул воспользоваться приглашением.

– Тебя как зовут? – справился он немного по-детски, когда мы спустились на первый этаж социологического факультета

и вышли на улицу.

– Меня Марк. А тебя? – ответил я пожимая ему руку.

– Меня Акбар. Приятно познакомиться.

– И мне. Ты перевелся откуда-то? – поинтересовался я.

– Да, из Плешки.

– Че так?

– Да, так вышло. Долгая история, – махнул он рукой и, хитро улыбнувшись, спросил, – а ты вчера на лекцию накуранный что ли пришел?

– В смысле накуранный? – изобразил я удивление, – шмалю что ли?

– Ну да.

– Не, братан, я этой отравой не балуюсь, – ответил я, стараясь звучать максимально убедительно, – даже не пробовал никогда.

– Не обессудь тогда. Показалось, наверное.

– Бывает. Слушай, а ты, если не секрет, кто по нации?

– Не, не секрет, чеченец, – ответил он, без малейшего вызова или надменности, сопровождающих обычно подобные признания, как будто говорил: «я венгр» или «я словак».

– А я думал ингуш.

– А ты различаешь что ли? – ухмыльнулся Акбар.

– У ингушей произношение обычно чище. Ну, типа без всяких там «уолк», «уолжанка», «куроче».

– Ну да, – засмеялся он, – так и есть.

Уже на другой день мы с Акбаром накурились в бункере под вторым гумом, а в следующие пару недель и вовсе так сдружились, что до самого выпуска лазили везде вместе.

6

Прелестным декабрьским вечером, когда воздух был сух, ветер умерен, а кружевные снежинки задорно поскрипывали под подошвами угг, я, развалившись в мягком кресле довольно модного в то время салона красоты, с интересом наблюдал за движениями смешливого содомита, вдохновенно колдовавшего над моей шевелюрой. Предварительно посетив фитнес-клуб и поджарившись в солярии, я планировал, покончив со стрижкой, переодеться в красивое и поужинать с первокурсницей Машей, ставшей первой барышней за весь год, которой я не стал врать. Она произвела на меня столь сильное впечатление, что я решил не путать ее историями о заводах, газетах и пароходах, возомнив почему-то, что она отдастся мне просто так – за то, что я классный парень. Цирюльник мой уже наносил последние штрихи, и я похотливо потирал руки, предвкушая, как, напевая “I’m a back door man”, буду драть эту длинноногую дрянь в родительской спальне – как вдруг мне пришел СМС. Не желая нарушать магию момента прозаичной информацией о балансе лицевого счета, я прочел его только выйдя из салона. СМС был от этой самой Маши – к моему разочарованию, она

писала, что помирилась со своим бойфрендом и не сможет увидеться со мной в этот вечер (очевидно, подразумевая под этим «в этой жизни»). Мелодия, которую я мысленно насвистывал немедленно замолчала, а метрах в пятидесяти от меня с пронзительным скрипом затормозила машина, едва не сбившая бродячую собаку, переходившую дорогу в неполюженном месте – та чудом проскочила. Планы на вечер рухнули в одно мгновение. Впрочем, настроение мое было настолько приподнятым, что, ни мало не огорчившись, я пританцовывая двинулся дальше, решив почему-то, что это был знак и мне немедленно нужно помириться с Алисой. Да и не пропадать же было столику, который я забронировал еще утром.

Через пару часов мы с Алисой уже сидели друг против друга в полумраке огромного помещения этого страшно модного бара на Тимура Фрунзе, глядя как пламя свечей колышется на фоне кирпичных стен, грубо выкрашенных грязно-белой краской, и мурчали друг другу какие-то слащавые нежности.

– Почему ты решил мне позвонить? – томно глядя прямо в глаза, спросила Алиса, – я думала, ты меня больше не любишь.

– Понимаешь, малыш, – не задумываясь, очень деловито начал я, не имея ни малейшего представления, чем эта фраза

закончится, – я ехал сегодня домой, смотрел в окно и вдруг понял, что, когда, лежа на смертном одре, буду оглядываться на прошедшую жизнь – какой бы она ни была – я не смогу простить себе лишь одного – что прожил ее без тебя, – айсвайн, рекомендованный официантом, превзошел все мои ожидания.

Алиса смотрела на меня, закусив губу. В ее красивых голубых глазах читалось: «так оттрахаю – яйца звенеть будут».

– За тебя, – сказал я, подняв бокал.

– За нас, – с дрожью в голосе ответила она и, сделав глоток вина, одарила меня влажным горячим поцелуем, и безапелляционным тоном добавила, – к тебе или ко мне? – честно говоря, по интонации, это больше походило на «в челюсть или под дых?», нежели «бордо или шардоне?».

Последняя фраза прозвучала очень киношно – как и все, что Алиса говорила, но мы были не в фильме. В реальности, чтобы оказаться в постели, нам предстояло протащить по пробкам через пол Москвы. Это казалось полным абсурдом, к тому же мне уже разрывало штаны, так что я принял волевое решение ехать в австрийское посольство, где с недавних пор числился личным ассистентом собственного дяди и раз в неделю ксерил бумажки с четырех до шести вечера.

По устланному свежим снегом асфальту наглухо тонированная девятка с дребезжающим прямотоком вылетела на безлюдный Староконюшенный, освещенный мягким светом нескольких фонарей, и, задев бампером мусорный бак, остановилась у входа в посольство. Дежуривший там милиционер поперхнулся в своей будке чаем и чуть не выронил из рук термос, увидев, как, отпустив лихача-таксиста, пижонски разряженный юноша в леопардовых туфлях в компании томной блондинки с силиконовыми губищами, упакованной на сумму, эквивалентную трем годовым окладам сотрудника МВД, среди ночи по-хозяйски вламывается на территорию иностранного государства с такой помпой, будто это номер для новобрачных.

– Ааа, Russisch Schwein! – задорно прикрикнул я, ключом отперев кованную калитку, и отвесил Алисе звонкого пита.

«Совсем охренели, фрицы!» – подумал, наверное, часовой.

Была суббота и в офисной части здания вряд ли кто-то мог оказаться, так что, не теряя ни секунды, мы стали срывать друг с друга одежду, шаг за шагом поднимаясь по покрытой ковролином лестнице на последний этаж. Когда на Алисе оставались лишь чулки и туфли, она запрыгнула мне на руки, ногами обхватив спину, и присосалась к моим губам

так, будто пыталась высосать мозг. Нещадно кусая и выливая ее лицо, шею и грудь, я, торжественно внес обнаженное тело в кабинет дяди, с показушной грубостью швырнул на диван – куда он обычно предлагал сесть подчиненным – и с похотью беглого каторжанина пристроился меж ее завлекательно распахнутых ног. Прожарившись около часа, мы развалились на полу и уже минут десять молча смотрели в потолок.

Едва я успел подняться и натянуть джинсы с рубашкой, как в коридоре послышались шаги. Выглянув из кабинета, я увидел Микаэлу – толстозадую практикантку из Вены.

– Фиключит сфет? – смущенно спросила она с хрестоматийным немецким акцентом.

– Нет, оставь, я еще поработаю, – как ни в чем не бывало ответил я, недоумевая какого черта она здесь делает, и приветственно подняв руку, зачем-то добавил, – allesgut! Schoenen Abend!

– Schoenen Abend... Tschues... – пролепетала она и тяжелой поступью стала спускаться по лестнице, стараясь не наступать на раскиданное Алисино белье.

провели в полной идиллии уже целый месяц. Это был тот самый конфетно-букетный период – только без конфет и букетов. Конечно, я немного злился, что за полгода, которые мы не общались, она жарилась с другими чуваками, но вскоре научился справляться и с этим. Культивировав в Алисе чувство вины за то, что по ее инициативе мы некогда расстались, я добился того, что она сделалась послушной и податливой, а любая ссора заканчивалась едва начавшись. Мы как будто поменялись ролями: я стал бессовестной проедающей плешь стервой, а она – провинившимся увальнем, забитым до такой степени, что, опустив глаза, как должное принимала любые выходки своей вконец распоясавшейся половины. При этом нельзя сказать, что до расставания она была такой уж стервой или я таким уж увальнем – просто так сложилось. Уверовав, что надо просто перетерпеть тяжелые времена, она терпела и терпела и терпела, пока это не вошло у нее в привычку. Я же был счастлив и дышал полной грудью – рядом со мной снова был любимый человек, спускавший мне если не все, то многое. В то же время, сам факт того, что она чувствовала себя виноватой, позволял и мне считать ее таковой и без зазрения совести пускаться во все тяжкие, не допуская и мысли, что поступаю дурно.

Довольно извращенное удовольствие ездить в клубы со своей девушкой, но в новогоднюю ночь это казалось вполне уместным – нам так или иначе надлежало провести ее

вместе. Тем более, что почти все мои друзья уезжали праздновать на регион – у кавказцев на этот счет было какое-то правило или обычай. Москва на несколько дней становилась чуть приличней и безопасней.

Около часа ночи 1 января мы с Алисой приехали в Оперу, средней паршивости заведение, считавшееся, впрочем, одним из самых модных на тот момент. Это был клуб, где, не смотря на отличный звук и не самую плохую музыку, никто никогда не танцевал. А просто было не принято. Народ приходил красоваться, засаживать деньги, позировать фотографам и трахаться в туалетах. Не смотря на то, что за исключением нескольких четверговых вечеринок в Опере играл хаус, публика там собиралась самая, что ни наесть *арнбишная* – в лучших традициях Инфинити образца 2004 года – только немного повзрослей. К слову, кроме меня к тому времени на R&V тусовались только блатующие студенты младших курсов в шапках с орлами, хипующие цыгане и создававшие необходимый колорит африканцы.

Так вот, как и все нормальные люди, встретив бой курантов каждый со своими родителями, мы приехали в Оперу. Ди-джей лупил хиты, полуобнаженные go-go, потрясая маленькими вздорными титьками и аппетитными попками, потели в своих вольерах, а в воздухе витал аромат разбрызганного Асти и недорогих мещанских парфюмов. С каждым

шагом загребая в лакированные армейские сапоги все больше искусственного снега, я пробирался в самый эпицентр праздника, таща за собой Алису, что есть мочи вцепившуюся в рукав моего бархатного смокинга. Без преувеличений можно сказать, что давка была похлеще, чем на кольцевой линии московского метрополитена в самый час пик – между Алисой и мной кипела какая-то своя не имеющая к нам отношения жизнь – люди пили, курили кальяны, знакомились, ссорились, влюблялись. Основное пространство клуба напоминало амфитеатр, в центре которого располагался круглый бар, а сверху нависали балконы VIP-зоны. Наконец, пробившись к стойке, я заказал выпить. Вокруг нас, не прекращаясь, тянулся бурлящий хоровод шикарных пиджаков, открытых платьев, дорогих котлов, силиконовых грудей, набриолиненных проборов, надутых губ и протеиновых торсов, затянутых в футболки третьей линии какого-нибудь очень мейнстримового дизайнера. Чокнувшись бутылочками мини-мартини асти, мы через трубочки стали посасывать эту вкусную сладкую водичку, которую в Москве почему-то называли шампанским. Ежеминутно подле нас словно из-под земли возникали какие-нибудь знакомые или малознакомые люди с неизменными глупыми улыбками и возгласами «с новым годом». Уже через полчаса перестав замечать рядом с собой это копошение, я предоставил Алисе выполнять все репрезентативные функции от лица нас обоих и уставился на красивую шатенку в бледно-розовом платье, в которой

я узнал звезду Дамочки Женю Страпон. Она стояла в полном одиночестве на верхней ступени амфитеатра шагах в двадцати от меня. Водруженная на каблучищи, она возвышалась над снующими вокруг людишками, а в глазах ее ясно считывалось спокойное осознание неоспоримости собственного превосходства. Не то, что бы она *считала* себя самой крутой, а просто *была* таковой по факту. Она никак этого не выказывала – изящная, стройная барышня с огромной плюшевой свиньей в руках, видимо, ждала своего друга. Я так и смотрел бы на нее всю ночь, если бы Алиса, поцеловав меня в щеку, не потребовала: «Хочу еще Асти, зая!»

Вернувшись к реальности – громкой музыке, восторженным крикам, летящим с потолка блестяшкам и бессмысленным Алисиным подругам, встреченным здесь случайно и плотно присевшим ей на ухо. Я заказал еще выпить и достал из кармана мобильный. Среди поздравлений от Мегафон и прочего хлама я увидел СМС от Фроси, справлявшейся, где я, и не собираюсь ли в XIII. Дальнейший план действий определился ровно в это мгновенье.

Около трех ночи мы с Алисой вышли на улицу. Температура была чуть ли не плюсовой. И без того узкий трехгорный вал был заставлен припаркованными машинами гостей и раскарячившимися вторым рядом такси. Ни разу в жизни не видел, чтобы хоть кто-нибудь уезжал из клуба с таксистами из фронт-лайна. Сколько бы денег ты не предложил, они

всегда хотели в два раза больше. В какой-то момент я даже стал подозревать, что эти парни приезжают к клубам просто повыебываться.

– Мясницкая, пятьсот, – предложил я носу, перегнувшемуся через пассажирское сиденье Волги и гостеприимно распахнувшему передо мной дверцу. В обычной ситуации это была бы совершенно невероятная сумма за такой маршрут, но в новый год таксисты всегда просили втридорога, а у меня было до жопы денег, так что цена казалась вполне адекватной и я, не дождавшись ответа, уже готов был плюхнуться на сиденье.

– Хотя бы тысячу дай, – отогнув указательный палец, ответил мне нос таким тоном, будто просил накинуть полтинник.

– Ты че, из шоу? – не сдержался я, раздраженный такой наглостью.

– Какого шоу?

– Кто хочет стать миллионером! – ответил я и захлопнул дверь.

Отойдя от входа в клуб на каких-нибудь тридцать шагов, мы уехали на первой же машине всего за триста.

В клубе XIII, располагавшемся в здании, до революции известном как доходный дом Спиридоновой-Давыдовой, ве-

черинка была в самом разгаре, но, к счастью, обошлось без давки. Над широкой парадной лестницей под высоким украшенным лепниной потолком на качелях качалась обнаженная танцовщица. Музыка здесь была правильной, чем в Опере, публика помоложе и в большей степени модная, нежели богатая. Иные танцевали.

Едва сдав в гардероб верхнюю одежду, Алиса убежала в дамскую комнату, а я отправился к бару с намерением незамедлительно закинуться парой таблеток экстази, встретивших новый год в нагрудном кармане моего смокинга. Оказавшись у стойки, я сразу заметил Фросю, оживленно обсуждавшую что-то с двумя размалеванными телочками. Поймав мой взгляд, она отделилась от них и радушно меня приветствовала.

– Пися, с новым годом! – воскликнула она, целуя меня в щеку.

– Пииися? – сделав недовольную мину, переспросил я.

– Ну, я любя, – обезоруживающе улыбнулась она, и сразу перешла к делам, – че в Жопере?

– Давка ужасная, – пожаловался я, – у меня подруга случайно попала в поток людей и круга три вокруг бара навернула, прежде чем смогла вырваться.

– Боже, хорошо, что я туда не поехала, – засмеялась Фрося.

– Ну да. Выпьешь шампанского? – спросил я, уже попросив бармена принести два бокала.

– Да, пожалуй.

– Кстати, у меня есть для тебя подарок.

– Да ладно? Какой?

Я беспалевно достал из кармана таблетку, откусил от нее половину и, наклонив голову, приблизился к Фросиным губам так, будто хочу поцеловать ее. Не сразу поняв, что я вытворяю, она смущенно отвела взгляд, чем привела меня в умиление. Двумя пальцами нежно взяв ее за подбородок и, приоткрыв рот, я продемонстрировал лежавший в нем красный пацифик. Поняв, что к чему, Фрося с готовностью подыграла, губами обхватив мой язык и в поцелуе слизнув с него таблетку. Вторая половина, все это время остававшаяся в руке, предназначалась мне. Чокнувшись, мы запили таблетки шампанским.

– Что это? – с любопытством спросила Фрося, уже проглотив.

– Тебе понравится.

Все это время я буквально раздевал ее глазами и уже добрался было до трусиков, как перед нами возникла Алиса.

– Я тебя потеряла, – сказала она как ни в чем ни бывало и

взглянула на Фросю. Та лишь приветливо улыбнулась и поспешила откланяться.

– Ладно, рада была видеть, с новым годом еще раз, – бросила она мне, уходя.

– И я тебя. С новым годом!

Через мгновенье она скрылась в толпе беснующихся, а я почувствовал где-то в районе виска Алисин вопросительный взгляд.

– Старая подруга, – махнул я рукой, и поспешил сменить тему, – чего ты так долго? Что будешь пить?

Еще минут через тридцать, закинувшись и второй таблеткой, я решил, что рациональнее всего будет добраться до спальни к тому моменту, когда меня вштырит, поэтому, обняв Алису за бедра, я засунул ей в ухо язык и, шепнув что-то вроде «твое декольте сводит меня с ума», увлек к выходу.

8

Февраль выдался совершенно адским, на улице стоял убийственный мороз – как и всегда в Москве в это время года. Я торчал дома – развалившись в кровати, старался как можно более вдумчиво вчитываться в собственную курсовую – которую видел впервые в жизни – «Аджарский кри-

зис в Грузии». Я заказал ее за полторы тысячи рублей на одном из студенческих сайтов и теперь хотел хотя бы в общих чертах врубиться в суть конфликта. Все дело представлялось мне очередной кровопролитной войной за власть, позиционировавшейся аджарской элитой как освободительное движение, желаемым финалом которого стало бы возведение на батумский трон своего собственного царька из числа местных, неподотчетного власти таких же умников из Тбилиси. Почти дочитав вступление, я услышал характерное пиликанье Дамофона – писала Фрося.

TheLida:тытут?)

gussigussigagaga:да

TheLida:какдела?

gussigussigagaga:пойдет. каксама?

TheLida:мнегрустно :(

gussigussigagaga:чеслучилось

TheLida: просто достали, никого не хочу видеть((

gussigussigagaga: бывает)

TheLida: ага)

gussigussigagaga: что будешь делать

TheLida: не зна. сейчас оденусь тепло и пойду одна гулять вокруг дома...

gussigussigagaga: а где это

TheLida: что?

gussigussigagaga: где твой дом

TheLida: на гришина

gussigussigagaga: хочешь, приеду с тобой погуляю

TheLida: ты серьезно???

gussigussigagaga: да, скажи адрес

TheLida: улица Кутузова – гринхаус.

gussigussigagaga: собирайся, скоро буду

TheLida: мой герой ;)

Одевшись во все самое теплое, в последний момент я все же сменил термобелье на белые боксеры – мало ли что. Стоя уже в коридоре против огромного зеркала я принял мужественную позу и, прищурив глаза, посмотрел на свое отражение: свитер с оленями, свободные джинсы с «багажником», заправленные в шоколадного цвета угги, бежевая аляска из стеганной шелковой ткани, бардовые варежки и черная бейсболка с одной красной и двумя зелеными полосками по бокам – я напоминал себе полярника-гомосексуалиста. Однако, мне это даже понравилось, поэтому, картинно кляцнув зубами, я сказал самому себе «детка» и вышел из дома. Поймав на заснеженной улице грачика на глазированной ледяной коркой девятке – видимо только что выкопанной из-под сугроба – я отправился по названному Фросей адресу. Город был полупустой – видимо, все прятались от мороза – так что мы довольно скоро оказались на Можайке. О наличии навигатора в ржавом тазу каждого первого таджика в те времена еще даже не мечтали, поэтому последние несколько ки-

лометров Фрося, словно путеводная звезда, вела меня в свое логово по телефону, пока я, наконец, не уперся в шлагбаум, преграждавший въезд на территорию ее дома. Когда я вылез из такси было уже темно. Проходя через ворота, боковым зрением я заметил неуверенное движение охранника на проходной, дернувшегося было преградить мне путь. Взглянув, видимо, на столбик термометра (сжавшийся на таком морозе пуще моего члена), он решил лишний раз не запускать холодный воздух в свою тесную коморку и лишь проводил меня взглядом.

– Привет, – Фрося уже встречала меня у подъезда – замотанная в кремовый кашемировый шарф, в коротких уггах, меховых наушниках и пуховике с меховым капюшоном и кленовым листком на рукаве.

– Как ты, малыш? – поцеловал я ее в щеку.

– Да так же, – пожалала она плечами, – как *ты*, малыш?

– Холодно, жуть. Куда пойдём?

– Не знаю. Пошли туда, – одетой в варежку рукой, Фрося указала в сторону квартала ветхих пятиэтажек, так сильно контрастировавших с ее навороченным кондоминиумом.

– Не ожидала, что ты так сорвешься, – сказала она, когда мы миновали шлагбаум.

– Дома задолбался сидеть, тоже хотелось мозги проветрить.

– Ну правильно. Круто, что приехал.

– Да-да, – ответил я и поправил на голове капюшон, – как там твой бойфренд? Не помню, как его – Ахмед или Володя?

– Очень похожие имена, – засмеялась Фрося, – мы поссорились. А как твоя девушка?

– Нормально... наверное, – пожал я плечами, не сразу сообразив, о ком идет речь.

– Какой ты! – Фрося бросила на меня довольно ироничный взгляд.

Топая уггами по развороченному асфальту, мы неторопливо прогуливались по пустынному гетто вокруг ее дома, вымершему, очевидно, на время погодных катаклизмов. Мимо нас время от времени с завыванием проносились сильные порывы ветра, заставляя лежащие на земле снежинки взмывать в воздух. Я пытался шмыгать носом, но на вдохе сопли моментально замерзали. Пройдя метров сто, я понял, что не вариант.

– Слушай, а у тебя тут есть какие-нибудь суши или кофейня? – с надеждой в голосе поинтересовался я.

– Есть, но туда надо ехать.

– Может тогда пригласишь меня в гости на чашку кофе? Холодно так, что я ебал, надо как-то согреться.

– Да уже пришли, – остановившись у среднего подъезда одной из пятиэтажек, Фрося повернулась ко мне.

На морозе ее щеки сделались румяными, глаза смущенно

блестели, а в руке появилась связка ключей.

– У нас в этом доме еще одна квартира есть, – объяснила она, – папа купил, чтобы там няня братика жила.

– А няни там, надеюсь, нет?

– Надеюсь, нет, – ухмыльнулась она.

– Тогда пошли, – обняв за талию, я увлек ее за собой.

Уже через пять минут мы валялись в застеленной каким-то скарбом кровати няни. Комната была выстужена, как летний домик на бабушкиной даче – для полного счастья не хватало только аккуратной кучки снега, собранной в углу сквозняком. Зато на полу, облокотившись на стену, заклеенную выцветшими обоями с пестрым орнаментом, возвышалась целая гора какого-то неликвидного тряпья. Еще был шкаф из шершавого ДСП – один из тех, в которых по любому живет если не Бугимен, то уж во всяком случае семейство ядовитых змей. Стараясь, не обращать внимания на интерьер, я обнимал неторопливо посасывающую мой язык Фросю, все глубже запуская ледяную руку под ее красную шерстяную водолазку, пока, наконец, не стянул с нее лифчик, а затем и всю остальную одежду. Сняв с себя свитер и футболку, я лег на Фросю сверху и стал скрупулезно целовать и вылизывать ее шею, как вдруг совершенно неожиданно услышал довольно решительное: «Все, Марк, прекрати! Я не могу...»

Подняв голову, я бросил на нее один из тех полных недоумения взглядов, красноречиво выражающих емкое “WTF?!” Мы пристально смотрели друг на друга в течение пары секунд, по истечении которых, Фрося, не выдержав, звонко рассмеялась и, обхватив мою шею обеими руками, одарила меня преисполненным первобытной ярости поцелуем. Впрочем, это был только аванс – на деле это я рвался вперед, как взбесившаяся кляча, а она только лежала на кровати, вся охуенная, и благодарно поскуливала, пока ее сиськи метались вверх-вниз, как запущенный в подъезде полиуретановый мячик.

К моменту, когда мы закончили, в комнате уже было жарко. Окна запотели. Истекая потом, мы лежали на смятых простынях и тяжело дышали.

– Ты вся чумазая, – сказал я, взглянув на Фросю. Она вытерла лицо одеялом, и уткнулась носом в подушку.

Она мне очень нравилась – настолько, что я хотел от нее чего-то большего, чем просто перепихон в гнилой хрущевке. Я даже подумывал расстаться с Алисой на месяц или типа того, чтобы провести это время с Фросей, что, разумеется, было утопией.

– Какой же ты ужасный человек, Марк, – прошептала

вдруг Фрося, моментально вернув меня к реальности.

– В смысле?

– Ну, у тебя же такая хорошая девушка! Зачем ты ей изменяешь?

– Затем же, зачем и ты изменяешь своему гаврику.

– Мы с ним поссорились, – хитро улыбнулась Фрося, – так что это не измена.

– Мы с Алисой тоже, – ухмыльнулся я, натягивая джинсы, – ну, по крайней мере – я с ней, если кому-то от этого легче.

– Она хорошая. Не обижай ее.

– Окей, – ответил я, достав из кармана мобильный и, прицелившись, сфотографировал красивую голую задницу, покрасневшую от моих шлепков.

9

Акбар и недавно вернувшийся в университет Алишка, с которыми я проводил почти все свободное время, постоянно твердили, что мы банда, и в какой-то момент я почти поверил в это. Быть в МГУ бандитом значило соблюдать неписанный свод нехитрых правил: лазить «на спортивке» или «на солидоне» – по возможности во всем черном; здороваясь с другими бандитами, не просто жать руку, а целоваться в щеку; постоянно играть в казино или хотя бы в прокуренных игровых автоматах у метро; также желательно было

хотя бы иногда ездить на машине – подаренной родителями или просто родительской, разумеется. Еще можно было разводиться, крепить терпил, кидать барыг – но это уже опционально – как говорится, *nicetohave*. Ну, и конечно нужно было быть кавказцем или спортсменом – ну там боксером или борцом.

Я как-то не очень во все это вписывался, будучи темным – но не кавказцем, спортсменом – но пловцом. Зато меня пускали во все клубы, я нравился телочкам и одевался как приличный европеец. Очевидно, это тоже вызывало определенный респект у моих корешей.

В тот приветливый солнечный день в половине марта я вышел из дома в претенциозной кавказской полу-классике: коричневых пенни-лоферах, клетчатых брюках «принц Уэльский», хрустящей свежестью белой сорочке под запонки, видневшейся из-под и желтого приталенного свитера с V-образным вырезом. Сидевший подле меня на подоконнике Акбар, выглядел как мой телохранитель – на нем был спортивный костюм в цветах российского триколора, какие носили наши олимпийцы до появления Боско, и серебристые кроссовки. Что было сверху, я не видел – если что-то и было, то, видимо, уже висело в гардеробе.

Съев по паре хачапури в кафетерии на втором гуме, мы

петочнулись на сачке. Там, в отличии от первого корпуса, он был всего один – огромная площадка с мраморными полами и двадцатиметровыми потолками, залитая светом, пробивавшимся сквозь немытые, высотой во всю стену, окна. Сачок условно соединял две части здания. По обе стороны этого огромного проходного помещения располагались два беспонтоновых комка с газировкой, жвачкой и сигаретами. Взад-вперед, мимо входа в библиотеку, сновали студенты – так разительно отличавшиеся друг от друга приглауренные экономисты и диссидентствующие математики. На низком, закрывающем батарею, подоконнике, тянувшемся от стены к стене, восседали компании, делившиеся по интересам. Так, со стороны Южного входа собирались всякие неформалы – от анархистов до толкиенистов; с северной – петочились абреки. На тот момент за абреков были только мы с Акбаром. Отдав последние деньги за хачапури, мы неторопливо ковырялись в зубах деревянными зубочистками, завалявшимися у меня в кармане, и неспешно прикидывали, где бы поднять монету. На сытый желудок думалось так себе, но нам было и не к спеху – на часах едва пробило полдень, зимняя сессия была победоносно закрыта, а до летней оставалась еще куча времени.

– Я жажду бабок, братан, – не выдержал, наконец, Акбар, голодным взглядом провожая роскошную пышнотелую грязную в брендированном клетчатом платье, скрывавшем соч-

ную лоснящуюся задницу, колыхавшуюся при ходьбе словно водяной матрас.

– Зачем тебе бабки? – ухмыльнулся я.

– В смысле? Как зачем? – он вытаращил глаза и встрепенулся, – тебе холестерин, что ли в голову ударил?

– Ц! – я отрицательно цокнул языком.

– Просто подумай сам – мы ведь живем как при коммунизме: шмали кайф – не вопрос, жрать – всегда найдется человек, готовый накормить – те ми же самыми хачапури. Сигареты сами снуют вокруг, надо только руку протянуть. Телку хочешь – кайф, сейчас поехали. Такси кстати тоже бесплатно, – заключил я.

Мы зловеще улынулись друг другу одними глазами.

– Вот в этом и прикол, братан – я не хочу протягивать руку дальше своего кармана! – эмоционально возразил мне Акбар, и даже поднялся с подоконника, – хочу сам покупать то, что хочу, когда хочу – не замарачиваясь, как это сделать, и никого не напрягая.

– Все будет, – бросил я, вытаскивая из кармана звонивший мобильный. Да и что я мог на это ответить?

Звонил Миша Мурзанян – молодой русифицированный мажор, с которым я познакомился незадолго до этого. У него были проблемы – какашки на собачьих площадках уже на-

чали оттаивать, а он все еще не мог сдать экзамен с прошедшей зимней сессии. Между тем последняя пересдача должна была состояться уже через пару дней. Мурзик, прежде уже вылетавший из университета, не горел желанием повторять этот опыт, зато готов был страдать материально.

– Я тебя понял, братан, – ответил я, выслушав его тираду, – да, конечно, решим... но не по телефону. Подтягивайся на сачок – обсудим.

– Че там? – поинтересовался Акбар, когда я закончил разговаривать.

– Ну, ты же ныл, как тебе плохо без монеты? – с издевательской улыбкой ответил я.

– Слышь, ныл!

– Э, я слышу дальше, чем ты видишь! Не кипишуй, щас парняга подтянется, – ответил я, желая сохранить интригу.

Мурзик появился минут через пятнадцать. Выглядел он довольно паршиво – зубы стиснуты, лицо перекошено в нервной гримасе, а под нездорово блестящими глазами залегли бурые синяки. С последнего раза, когда мы виделись, он похудел еще сильнее – сказывались непрекращающиеся тусовки и порочная склонность к саморазрушению – он явно травился. Впрочем, на нем был надет шикарный темно-серый костюм и свежая бледно-голубая рубашка, немного сглаживавшие тягостное впечатление.

– Здорова, парни, – видно было как вытянутая в приветствии рука Мурзика нервно вздрогнула.

– Шаломчики, – ответил я, пожимая его влажную ладонь.

– Саламчики, – передразнил на свой лад Акбар.

– Как дела-то? – поинтересовался Мурзик, скорее из вежливости.

– Пойдет. Ты лучше про свои расскажи.

– Да меня экзамен этот парит. Есть говоришь завязки какие-то?

– Да, есть чувак, который с вашим замдекана в близких. Могу ему удочку закинуть, – предложил я, – от тебя нужно две вещи: лаве и имя препода – все.

– Сколько лаве?

– У тебя же экзамен, не зачет? – уточнил я, – Что-то типа касарь грина – стандартно.

На самом деле это было нихрена не стандартно, но за долю секунды прикинув в уме баланс карманных денег, Мурзик явно расслабился.

– Не вопрос, – качнув головой, отвечал он, – как это будет происходить?

– Сейчас называешь мне имя препода. Я договариваюсь с типом и вечером звоню тебе, говорю, сколько денег точно.

– Окей, препода я тогда СМС пришлю как зовут.

– Добро, – ответил я, стараясь не выдавать своего ликования, – так почему тебе не ставят-то?

– А она меня даже допускать не хочет, – ответил Мурзик, прикуривая сигарету, – я был на двух лекциях за семестр.

– Опрометчиво, – встрял Акбар, даже не глядя на нас – он провожал взглядом очередной крепкий зад, неспешно проплывавший по коридору.

– Да уж, – угрюмо бросил Мурзик и повернулся ко мне, – ладно, побегу я. Очень выручишь, если получится.

– Получится, можешь не париться.

– Надеюсь. На связи тогда вечером, – бросив едва прикурившую сигарету на пол, Мурзик откланялся.

– Давай, осторожней, – напутствовал его Акбар.

Дождавшись пока он скроется из виду, мы с Акбаром хитро переглянулись. Никакого чувака и никакого замдекана, разумеется, не существовало. Мы собирались проверить все на ура – повезет, так повезет. Нет – будем решать проблемы по мере их поступления. Боишься – не делай, делаешь – не бойся, гласит народная мудрость.

– Ты думаешь о том же, о чем и я, Пинки? – обратился я к Акбару.

– Да – куда бы мы без таких, как Мурзик, – лукаво улыбнулся он, а глаза его заблестели, как у замечтавшегося Спанч Боба. В расширенных зрачках отчетливо отражались все те

прелести, которые можно получить в большом городе за тысячу баксов. Там были и длинноногие шлюхи, неправдоподобно стенающие, пока ты скромно, где-нибудь с краю, трешься об их бездонные дупла, и текущее рекой Асти, и кокаин, пересыпающийся почему-то внутри песочных часов, и даже новые идеально белые кроссовки.

Получив от Мурзика СМС с именем препода и названием кафедры, мы отправились на поиски, смутно представляя себе, что объект должен находиться в районе пятого этажа. Впрочем, успехом поиски увенчались довольно скоро – через каких-нибудь двадцать минут я уже стучался в дверь с табличкой «Пиздяшкина Л.П., к.э.н., зам. зав. кафедрой анальных сношений» или какой-то подобной мутью.

– Здравствуйте! Лидия Петровна? – нарочито бравым и подчеркнуто доброжелательным голосом приветствовал я маленькую пожелтевшую женщину в учительских очках, с седыми буклями, нависавшими над зеленым шерстяным кардиганом. Она сидела за большим заваленным бумагами столом из добротного ДСП, левым ухом к незанавешенному окну, и печатала что-то на компьютере.

– Здравствуйте. Я! – ответила она, не отрывая глаз от монитора.

– Лидия Петровна, меня зовут Армэн, – представился я, постепенно просочившись в кабинет и медленно приближа-

сь к ее столу, – я брат Миши Мурзаяна, вашего студента.

– Здравствуйте-здоровствуйте, – вновь произнесла она, и сначала мельком, а потом очень пристально и, казалось, недоверчиво посмотрела на меня, – что-то вы совсем не похожи...

– Мы по отцу только, – улыбнулся я и продолжил, – Лидия Петровна, мне позвонили из деканата, рассказали, что Миша ваши занятия почти не посещал и теперь находится на грани отчисления.

– Уже практически за гранью, – ухмыльнулась она, – я его за семестр видела раза два всего. Разумеется, у него недопуск.

– Какой позор! – всплеснул я руками и после небольшой паузы продолжил, – я сам юрфак МГУ с красным дипломом закончил, а из-за этого бездельника в собственном альма-матер перед уважаемыми людьми краснеть приходится, – понизив голос, я вдохновенно продолжал, – у нас знаете ли родителей нет, я на работе с утра до ночи, за этим охламоном следить совершенно некому! Лидия Петровна, я понимаю, вы занятой человек, но, может, согласитесь с ним дополнительно позаниматься до пересдачи? Просто если его отчислят, это будет лично для меня катастрофа.

Преподы тоже живые люди – особенно такие, с буклями – любят страстишки из мексиканских телесериалов. Будучи заинтригованной моей тирадой, Лидия прекратила печатать,

сложив тонкие сморщенные пальцы на загаженной какой-то бурой дрянью клавиатуре.

– Да он большой уже мальчик, чтобы следить за ним, – покачала она головой, а в ее голосе я не без удовлетворения услышал нотки сочувствия.

– Да, большой, но ответственности пока, видите, никакой. Вы меня очень обяжете, если найдете на него время.

– Так экзамен послезавтра уже, – замялась Лидия.

– Знаю, ну так может быть завтра?

– Вообще у меня дополнительных консультаций никаких не предусмотрено, но раз вы так просите, ладно уж, пусть завтра к пяти часам сюда приходит. Но, учтите – только из расположения и сочувствия к вам, – подчеркнула она.

– Большое вам спасибо! – я облегченно вздохнул, – и сколько это будет стоить?

– Сто долларов.

– Вас понял. Значит, завтра к пяти пришлю его. Еще раз большое вам спасибо, Лидия Петровна.

– Всего доброго, – попрощалась она и, не дожидаясь пока я закрою дверь снаружи, уткнулась в свой монитор.

Выйдя из кабинета, я очень чинно сделал несколько шагов, после чего подпрыгнул, стукнув в воздухе каблуком о каблук, и устремился к лестничному пролету, где дожидался Акбар.

– Ну, че сказала? – поинтересовался он, глядя на меня своими хитрыми лисьими глазами.

– Дай сигарету! – проигнорировав его вопрос, попросил я, облокотившись спиной на стену.

– Я стрельнул.

– Покурим тогда, – невозмутимо пожал я плечами.

– На, кури уже! – нетерпеливо протянул мне наполовину выкуренную сигарету Акбар, – так че сказала?

Затянувшись Акбаровским царским быканом, я с очень деловым видом бросил только – «доштырился, вроде» – мне нравилось держать его в напряжении. Я стал набирать на мобильном номер Мурзика.

– *Куроче*, – начал я не здороваясь, – пообщался с чуваком, расклад такой: завтра берешь с собой тысячу сто долларов – касарь приносишь мне, сто относишь Лидии к пяти часам в ее кабинет и занимаешься с ней дополнительно. На пересдаче она тебе поставит, но выучить все равно придется, потому что кроме тебя будут еще какие-то черти сдавать. В общем, чтобы не спалить ее, что ты проплатил... – Мурзик в трубке был явно очень доволен и немного взволнован.

– Сегодня, собираешься куда-то? – спросил я его.

– Нет, вроде.

– Вот правильно, сиди дома, учи, – наказал я, – и если че, я твой брат.

– Хаха, окей, – усмехнулся Мурзик.

– Да, так получилось. В общем все. Давай, на связи.

– На связи. Спасибо!

– Не за что пока. Учи, давай, – велел я снова и положил трубку.

Пока я говорил по телефону, мы успели спуститься по лестнице на первый этаж. Все от нас зависящее было сделано. Теперь от денег нас отделяли какие-то сутки и, чтобы скоротать их побыстрее я решил не ехать домой, а отправиться вместо этого к кому-нибудь в гости.

10

В типовой кирпичной десятиэтажке на пересечении Профсоюзной и Нахимовского располагалась модельная хата, в которой жили четыре двухметровые селедки, зарабатывавшие на жизнь, сидя на кокаиновой диете и время от времени прогуливаясь по подиуму или снимаясь для модных и не очень журналов. Нас познакомил мой школьный товарищ и с тех пор я часто заезжал к ним в гости. Все четыре телочки были из Иваново или Белгорода – словом, какого-то региона с повышенным уровнем радиации – именно этим они иронично объясняли свои потрясающие физические данные.

Зайдя в подъезд вместе с разносчиком пиццы и бодро избежав по темной лестнице на второй этаж, я позвонил в дверь. Стены межквартирного холла были выкрашены в противный зеленый цвет, не то как в больнице, не то как в военкомате; побелка на потолках явно давно не обновлялась, а на пол, выложенный стремной плиткой неопределенного от грязи цвета, падали рыжие лучи жужжавшей на последнем издыхании лампочки Ильича. Прошло около минуты прежде чем замок наконец щелкнул, дверь распахнулась и передо мной предстала Света – вальяжная телочка в толстом бледно-розовом халате с капюшоном и длинными, закрывающими ладони, рукавами – у нее были красивые темно-русые волосы, сливавшиеся с мягкими чертами загорелого лица и матовыми локонами спадавшие на роскошную грудь третьего или четвертого размера. Меня приводило в восторг, что у такой высокой и при этом не полной телочки выросли такие. Открыв дверь, она со снисходительной улыбкой ответила на мое приветствие и поднесла к пухлым губам дымившуюся кружку с чаем.

– Марина-то дома? – поинтересовался я, переводя бесстыдный задорный взгляд с ее лица на вырез халата и обратно.

– Дома, – кивнула она, расслабленно глядя на меня своими томными полужакрытыми глазами.

Сделав глоток, она грациозно оперлась о дверной косяк и позволила мне войти. Наше общение обычно ограничивалось пресловутым «привет, как дела», но я знал, что она была нормальным типом. Думаю, в глубине души я ей тоже нравился.

Едва успев разуться и сквозь длинный узкий коридор бывшей коммунальной квартиры пройти на кухню, я был вновь остановлен – на этот раз Юлей, тощей загорелой телочкой, с крепкой, как баскетбольный мяч, задницей, аппетитно выдававшейся из ее плоской мальчишеской фигуры. У нее были кудрявые светлые волосы, наполеоновские планы и развеселый нрав – она вечно разгуливала по дому в трусах и, запивая икоту редбуллом, гоготала словно бравый солдат Швейк. «Юлькин!» – раскинул я руки, приглашая ее обняться. Неловко ойкнув, она хотела было прикрыть свои плоские сиськи ладонью, но, видимо, махнув на это мысленно рукой, таки обняла меня, прежде чем юркнуть в свою комнату. Пройдя между двумя рядами крашенных белой масляной краской деревянных дверей, я свернул на кухню. Там мутились еще две – Настя и Марина. Колдовавшая над кастрюлей супа Настя, породистая дородная блондинка с голубыми глазами и по-детски наивным выражением лица, на котором можно было нарисовать все, что угодно, приветливо улыбнулась мне, обнажив крупные белые зубы. Если бы

меня попросили придумать для нее прозвище, я сходу ответил бы Тело – и это тело ничем бы не уступило Эль Макферсон. У второй – Марины, сидевшей на табуретке и красивой на ногах ногти, были прямые черные волосы, темные ничего не выражавшие глаза, фарфоровая белая кожа и маленькие вздорная грудь. Она почему-то считала меня своим бойфрендом – не смотря на то, что за пределами этой квартиры мы виделись всего пару раз. А я не спешил разубеждать ее и периодически заявлялся в гости, привозя с собой друзей и водку с редбуллом.

Когда мы только познакомились, я сразу запал на Марину, без раздумий предпочтя ее трем другим подругам, но с каждым днем все больше удивлялся своему выбору.

Даже без каблуков Марина была выше меня – пусть и всего на пару сантиметров, но в постели мне всякий раз приходилось выкладываться, чтобы заставить ее кричать. Каждую ночь я сжигал пару килограммов веса, а пресс и вовсе перестал качать за ненужностью. Впрочем, это была единственная цена, которую я платил за ее расположение.

– Как ты, бэбэ? – спросил я, смачно поцеловав ее в раздутые губищи.

– Проснулась недавно. Ты как? Куда пропал опять?

– Дела были, а так все отлично – я без пяти минут мил-

лионер, – ответил я очень серьезно и обратился к Насте, – когда будет готов твой суп? Я бы его тоже поел.

– Это не суп, это креветки, – рассмеялась она, – но я тебя так или иначе накормлю.

– Я думал это рыбный минестроне, – произнес я с идиотской артикуляцией и улыбнулся.

Расположившись на широком подоконнике я стал развлекать телочек дурацкими историями. Я всегда либо зависал на нем, либо валялся на полу – в зависимости от состояния.

Отужинав, мы продолжали торчать на кухне, пили, разговаривали, играли в карты. Так пролетело несколько часов. Я был очаровательно пьян и занимал собою добрую половину эфира. Когда на часах пробило три, Марина встала из-за стола и, бросив на меня загадочный взгляд, ушла в свою спальню. Я сделал вид, что ничего не заметил, но допив очередную порцию намешанного Юлей адского пойла, сказал, что иду в туалет. Сам же отправился следом за Мариной с твердым намерением задать ей жару.

– Щас напололам разорву! Неделю ходить не сможет, – раззадоривал я себя, пробираясь через коридор. Войдя в комнату, я стал вслепую пробираться к постели, пытаюсь нащупать в темноте тощее тело своей подруги. А нащупав, понял, что взял на себя больше, чем смогу унести. Все закон-

чилось полным фиаско – потыкавшись вялым членом в жерново ее пышущей жаром задницы, я просто рубанулся.

Проснувшись на другой день, я обнаружил, что она уже ускакала на очередной кастинг. Я наскоро умылся, и, не завтракая, отправился в университет – лишь для того, чтобы забрать у Мурзика кэш. Такой вариант развития событий как посещение занятий мне даже в голову не приходил.

В пятницу, в день пересдачи, мы – я, Акбар, Хусик и Ислам – с самого утра торчали в полумраке небольшого, претенциозного кафе на втором этаже торгового центра. Ели суши, курили кальян, играли в Монополию – и все в одном месте – это было очень московское кафе. Все мои мысли были заняты положительным исходом экзамена, и я то и дело поглядывал на часы.

– Братан, почему без настроения? – поинтересовался Ислам, заметив, что я нервничаю.

– Да я с типа взял копейку за экзамен, а договариваться ни с кем не стал – и копейки этой уже нет. Теперь парюсь, что не сдаст.

– Ай саул! Ты че за тип, а?! – рассмеялся Ислам, – ничего, все ровно будет.

– Надеюсь, я ему сказал подготовиться хорошо.

– Красавчик, если выгорит, – вступил в разговор Акбар и отхлебнув вина из бокала продолжил, – а мне тут вот такая афера в голову пришла – на окраине Москвы покупаешь хату в хрущевке штук за сто долларов. С региона подтягиваешь какую-нибудь семью, которая хочет в Москве прописаться. И чтобы у них ребенок был почти совершеннолетний. После того, как их прописали, они разводятся, ребенку соответственно восемнадцать исполняется, а дом тем временем сносить собрались – жильцов расселять надо. Получается, что вместо одной квартиры эта семья должна получить три в новостройке. Охуеешь? – многозначительно кивнул он. – Одну этим бедолагам оставляешь, две тебе достаются. Или можно просто им бабки сколько-то дать, а хаты все себе оставить.

– Хорошая афера, но очень много нюансов, – возразил Ислам, – возраст ребенка подгадать, в управе доштыриться, плюс неизвестно, когда этот дом сносить решат – может еще десять лет простоять.

– Ну, это если самому есть где жить, монета есть – на долгосрочную перспективу.

– У меня знакомый один купил за сто касарей хату на Тверской у какой-то бабки. Она ему согласилась продать с условием, что он ей дожить в ней свой век разрешит.

– Ну, это тоже на долгосрочную перспективу, – перебил Акбар.

– Да не, она через две недели из окна выпала, когда окна мыла, – пожал плечами, Ислам бросил кости и передвинул фишку на пустовавшее поле «ДнепроГЭС».

Я Монополию, честно говоря, не любил – особенно когда играть приходилось с такими шулерами, как эти. Поэтому, быстро вылетев из игры, я не спеша жевал своими сашими, запивал их сносным белым вином и наблюдал как парни не в кипеш передвигают фишки, пиздят из банка деньги и добавляют домики себе на поля. Меня это зрелище забавляло. Они были как дети – спорили, горячились, потом смеялись, а официант все подносил и подносил стаканы и блюда.

Через пару часов сытые и довольные, развалившись на диванах вокруг стола, мы пускали кольца густого кальянного дыма. Занятия в университете к этому моменту уже закончились, и мы решили двигаться дальше.

– Все нормально, мы с Акбаром платим, – сказал я, забрав кожаную папку со счетом от потянувшегося было к ней Ислама. Меня столько раз кормили, поили и сажали на такси, когда у меня не было ни копейки, что подняв какую-то монету, хотелось отплатить тем же. Мы все старались придерживаться одного правила на счет денег: легко пришли – легко ушли – и относились к ним с нескрываемым презрением, расставаясь без всякого сожаления.

– Саул, братан, от души, – ответили пацаны.

Не торопясь, мы вышли на парковку. Было прохладно, и на газонах еще грязными кучами лежал снег, но в воздухе уже чувствовалась весна, и даже пели птицы – если не на деревьях, то уж как минимум на душе.

Ислам и Хусик решили ехать по домам – у одного приехал отец, другой спешил на тренировку. Проводив парней, мы с Акбаром с минуту еще постояли на тротуаре, глядя как большой черный внедорожник увозит их куда-то к линии горизонта – вслед за садящимся багряным солнцем. Вдруг забренчал телефон. Это звонил Мурзик. Я успел всадить триста долларов из его касаря и уже прикидывал куда пристроить остальное. Я медлил отвечать на звонок – меньше всего мне хотелось слышать дурные вести. Однако, сморщившись, я таки нажал на кнопку «Ответить».

– А-алё!

– Здарова, Марк! – послышалось с другого конца провода. Я не смог разобрать то ли это счастливый голос, то ли саркастически счастливый.

– Здарова. Ну че, ровно все?

– Да, сдал!

– Ну, красавчик, я же тебе говорил – не уалнауйся!

– Ну да. В общем спасибо, что помог.

– Не за что, братан, обращайся. Слушай, сейчас занят немного...

– Да-да, не вопрос, на связи, – поспешил распрощаться Мурзик.

– Сейчас модно говорить «на связУ», – повторил я глупость, услышанную накануне от одного осетина, – давай, братан.

Положив трубку, я дал пять уже услышавшему все и специально поднявшему руку Акбару. Можно было наконец-то расслабить булки.

– Может в бордель? – предложил Акбар.

– Можно, но сначала кокоса зацепим.

11

В следующий раз я встретил Мурзика, когда приехал в гости к Камилле, нашей общей знакомой. Едва я переступил порог, мне протянули свернутую стодолларовую купюру и указали на длинные дорожки кокаина, напоминавшие взлетную полосу. Не задумываясь, я пустил по ноздре трек, затем втер смачно в десна и стал осматриваться. Трехкомнатная квартира в высотке на площади Восстания была пустой как бубен – интерьер ограничивался огромной двуспальной

кроватью и водруженным на обеденный стол зеркалом в человеческий рост, с которого все и нюхали. Другой мебели не было, но всем итак всего хватало. Музыка играла довольно громко для такого олд-скульного-совкового притона, где тут и там по своим фешенебельным норам доживала век старая гвардия славного тоталитарного прошлого – все эти бывшие стахановцы, комитетчики, бюрократы, интриганы и стукачи. «Странно, что еще мусоров не вызвали» – подумал я. Повсюду стояли бутылки – пустые, полные, початые. Я подошел к окну и, присев на подоконник, закурил сигарету, которую за секунду до этого смачно обмакнул в кокс – в сущности, лишь киношный жест, пустой перевод стаффа, но я всегда так делал. Мне нравился ритуал. Я уже несколько минут разглядывал покрытую толстым слоем пыли экспрессионистскую мазню в подрамнике, когда в комнате неожиданно появился нездорово оживленный Мурзик с перекошенной от наркоты челюстью и легкой испариной на лбу.

– Ооо, кого я вижу! Как ты, дружище? – обрадовался он мне.

– Со дня на день, как сам?

– Тоже ничего – как видишь. Давно Камиллу-то знаешь?

– Да я, если честно, до сих пор не могу понять, кто из них Камилла, – понизив голос, объяснил я, – мне смс пришел приезжать в высотку – я приехал так чисто – на ура. А че за Камилла, откуда я ее знаю... – Мурзик понимающе кивнул.

– Хорошая девчонка, я с ней в позапрошлые выходные в Дягилеве познакомился.

– Вот и я походу там же, – предположил я, – завтра-то поедешь тусоваться?

– Да не, вряд ли, я что-то совсем на мели.

– Та же ерунда, но когда нас это останавливало?

– Да уж!

– На самом деле есть идея, как по-быстрому бабок срубить. Тысяч сто за пару часов.

– Продуктовый ограбить? – улыбнулся Мурзик, тщетно пытаясь сделать вид, что ему это не очень-то интересно.

– Нет, – спокойно ответил я, – есть у тебя дилеры знакомые, кого не жалко?

– Ну, допустим.

– Можно заказать двадцаточку колес и принять барыгу с ними. С ГНК, с ксивами, со всеми делами – как полагается. И тебя тоже примем, чтобы двусмысленно не выглядело. Ну, и сразу отпустим в смысле – просто чтоб тебе голову потом не оторвали. Бабки поделим поровну.

– Слушай, ну теоретически можно одному уроду позвонить, – замылся Мурзик.

– У него бабки есть? Ну, в плане, он откупиться от нас сможет? Просто если нет, то его придется по этапу пустить, а эти головняки не нужны никому.

– Ну, позиционирует он себя, как мажор.

– Ну, тогда, конечно, позвони, – усмехнулся я.

– Сегодня уже поздно, – ответил Мурзик, глядя на часы, – а завтра, пожалуй, позвоню.

– Не вопрос. Пойдем, что ли Камиллу мне покажешь, – сменил я тему, поднимаясь с подоконника.

Народ приходил и уходил. Горка кокаина таяла на глазах, но зато все время появлялись новые угощения. Так, вечер мой закончился капсулами MDMA и оргией на покрытой целлофаном кровати. Под утро, я натянул портки и, взяв у Мурзика пару бумаг на такси, поехал домой.

Проснулся я около четырех часов дня от телефонного звонка – звонил старина Мурзик.

– Здорова, как самочувствие? – начал он довольно бодро.

– Здорова. Довольно погано, если честно.

– Дозвонился до барыги, предварительно забился с ним на десять – одиннадцать вечера.

– На что забился-то?

– На двадцать колес.

– А у тебя деньги на них есть?

– Нет. На пять есть.

– Ну и забился бы на пять. Тебе ж ему заряжать придется.

– Ну, решим. Какой план действий-то?

- Нужно понимать, где мутка и как вас ловить.
- Предварительно на ВДНХ.
- Лан, буду с людьми созваниваться. Ближе к делу на связу.
- Окей, на связу, – повторил он.

Положив трубку, я поднялся с постели, натянул плюшевый спортивный костюм и вышел из своей комнаты в холл. Было совсем тихо – мамы дома не было, поэтому я закурил сигарету и поплелся на кухню. Принявшись жарить яичницу с беконом, я позвонил Акбару.

- Братан, нам нужна тачка на вечер.
- Девятка подойдет? Я могу взять у Ани до утра.
- У какой Ани?
- Ну, у толстой ебанашки, моей подруги.
- Да, пойдет. А я ствол замучу. Вечером купца будем принимать.
- Отлично, кого, когда?
- Забирай машину, и приезжай ко мне – на месте обсудим.
- Окей, но я часа через полтора только буду, мне еще помыться надо.
- Добро, жду.

Позавтракав, я озаботился туалетом для намеченного мероприятия. С одной стороны, нужно было выглядеть как му-

сор, с другой – покончив с делами, я планировал сразу ехать кутить. Разрываясь между опасного вида кожаной курткой и бархатным смокингом с шелковыми отворотами, я промучался полчаса, пока наконец не решил ехать в куртке, а смокинг просто взять с собой. В итоге, когда Акбар подъехал, я уже был во все оружие.

От меня мы выдвинулись к Алишке, любезно согласившемуся предоставить свой трамвай, с условием, что мы возьмем его в дело. Времени искать другие варианты не было, поэтому пришлось согласиться. Обсудив по дороге все детали, мы подъехали к воротам его клубного дома, застав Алишку на парковке в компании Хусика и Бабрака.

– Им бабки не будем давать, – пояснил Али, когда Хусик и Бабрак отошли в сторону, – просто кайфовать потом возьмем с собой.

Переглянувшись, мы с Акбаром решили, что это нам подходит.

Уже начинало темнеть, когда наконец-то объявился Мурзик и сообщил, что договорился встретиться с барыгой в восемь вечера на площади Марины Расковой, куда мы тут же и выдвинулись. Однако, попав в пробку не успели доехать до места вовремя. В начале девятого я получил СМС от Мурзи-

ка с новостью, заставившей меня занервничать: «мы уехали на Мосфильмовскую».

Услышав это, Алишка, сидевший за рулем, не задумываясь, развернулся через две сплошные на сто восемьдесят градусов и вдавил газ в пол. Времени было в обрез, мы с безумной скоростью неслись по городу, словно в компьютерных гонках, где необходимо собрать, раскиданные по карте мерцающие чекпойнты. На ста двадцати километрах в час наша девятка гремела как трактор, казалось, от нее на ходу отваливаются детали, и мы вот-вот взлетим. Прибыв на Мосфильмовскую мы стали наугад плутать по запутанным дворам – с таким же успехом можно было пытаться на ощупь искать иголку в темной комнате. Но нам повезло. Завидев выезжавшую из-за дома белую «четверку», в которой ехал Мурзик со своим дилером, мы последовали за ними. Алишка вел преследование очень прямолинейно, почти вплотную прижавшись к заднему бамперу клиентов, нисколько не замарачиваясь о сохранении дистанции. Так мы проехали через полгорода, однако ни таксист, ни пассажиры не заметили хвоста.

Было около девяти вечера, когда такси остановилось на обочине против магазина оптики на горевшем огнями Ленинском. У парадного крыльца, расположенного на самом углу здания, пожилой охранник коротал время до конца сме-

ны, пуская кольца табачного дыма и безучастно глядя по сторонам.

С истошным визгом тормозов мы припарковались метрах в десяти перед такси и выскочили на улицу. Мурзик и его барыга немного замешкались, расплачиваясь с водителем, а когда вышли из машины увидели стремительно приближавшихся к ним опасного вида парней в черных кожаных куртках.

– А ну стоять! – рявкнул Алишка, выхватывая из кобуры пистолет.

– Госнаркочеконтроль! Руки за голову! – добавил Акбар, замахиваясь мясницким тесаком.

Тем временем Хусик набросился на пытавшегося убежать барыгу, скрутил его и прижал лицом к асфальту. Акбар помог скрутить руки, а Алишка стал тыкать в лицо стволом.

Тем временем Мурзик бессмысленно бегал кругами, словно тот самый неуловимый Джо, что нахрен никому не уперся. Заметив это упущение, я подбежал к нему, заломал за спиной руки и уже хотел было увести за угол, как вспомнил, что в машине остался смокинг.

– Не обессудь, братан, кое-что в машине забыл, – прошептал я согнутому в три погибели Мурзику, ловко разворачивая его в противоположную сторону, словно он был тележкой из супермаркета.

– Бабрак, возьми мой смокинг, – прокричал я, подходя к машине.

– Возьму-возьму, – лениво отвечал он с видом человека, которому опять не дали спокойно провести вечер.

– Подержишь? – протянул я ему заломленные за спиной руки Мурзика, забирая смокинг и кладя в багажник куртку.

Зайдя за угол, мы отпустили Мурзика и довольно переглянулись.

– Дай пять, чувак!

– Да! Мы это сделали!

Теперь дело было за Хусиком, Акбаром и Алишкой. Они повезли неудачливого барыгу куда-то во дворы – раскалывать.

Наблюдавший за вершившимся действием охранник, был несколько удивлен. «Эк, черномазые развлекаются!» – читалось в его озорных глазах. И вправду, со стороны, должно быть, смотрелось захватывающе – одни черные винтят друг-друг, здесь же за углом начинают брататься – словом, шоу.

Когда первая фаза была завершена, я почувствовал себя как после сданного экзамена – стресс наконец-то закончился и теперь хотелось вознаградить себя за труды. Весело смеясь, мы решили прогуляться дворами пока барыгу не увезут.

На троих у нас с Мурзиком и Бабраком оставалось около пятисот рублей и пять таблеток экстази, тремя из которых я сразу закинул, оставив Бабраку и Мурзику лишь по одной. Чтобы не отсвечивать со всем этим богатством на улице, мы решили доехать до одного полумодного диджей кафе и там дожидаться парней, выбивающих выкуп из незадачливого дилера. Не сомневаясь в успехе кампании, мы стали заказывать все подряд.

Часа через три в кафе, наконец, вошли Алишка и Акбар. По выражению их лиц было очевидно – что-то пошло не так.

– Ну че, успешно? – поинтересовался я, когда они сели за стол.

– Нет, – односложно ответил Алишка, прикуривая сигарету.

– Да ты прикалываешься!

– Братан, я сам был бы рад, если бы это был приколот.

– Что вообще ничего не взяли?! – не поверил своим ушам Мурзик.

– Он бичом оказался! Хуйню какаю-то взяли – двадцать тысяч.

– И он никакой не мажор, – вмешался Акбар, – и друзей у него походу нет – кому ни звонил, все его сливали. Один чувак только гнилую шаху за него предложил.

– А двадцатка откуда взялась?

– Мать привезла – сказала, нет больше.

– Пиздец. Если бы мусорам попался – поехал бы зону топтать.

– Алишка еще говорит: «Тебе повезло, что у тебя такая мать. Я тебя сейчас отпущу, но только из уважения к ней», – рассмеявшись, добавил Акбар.

Мы грустно улыбнулись. Все наше предприятие, все риски и приготовления закончились ничем. Для всех кроме Али. Пусть первый блин всегда комом, но открыв для себя подобную схему отъема у населения денег, он, как я впоследствии узнал, так вошел во вкус, что начал проворачивать подобные операции в одиночку без всяких ксив, стволов и автомобилей, вооружившись лишь выкидным ножом и уверенностью в собственной безнаказанности.

– Колеса хотя бы забрали? – спросил я у Акбара.

– Нет, оставили. Конечно, забрали!

– Доставай тогда.

От безысходности я закинул еще три таблетки, но минут через сорок начал об этом жалеть. В кафе были довольно узкие проходы между столами, что создавало определенный дискомфорт, затрудняя мои забеги к ближайшему унитазу. Тошнило между тем все сильнее. Блевать под таблетками не так уж противно, иногда даже приятно, но я обламывался всякий раз бегать до джентельменской комнаты. В один из таких забегов, когда я уже чувствовал, что не донесу, дорожку мне преградили три официанта в мужественной черной форме – они некстати затупили посреди прохода. Я даже не мог крикнуть им «посторонись» – рот мой переполняла блевотина, я просто бежал на них с вытаращенными глазами и надутыми щеками, размахивая руками в разные стороны. Новая волна уже подступала к горлу, столкновение было неизбежно. Приблизившись на убойную дистанцию, мои губы, сжимавшиеся из последних сил, таки взорвались фонтаном нечистот, окатив нерасторопных халдеев с ног до головы. Они, казалось, потеряли дар речи, уставившись на меня неподвижным взором.

– Тысяча извинений! – выдавил я и, развернувшись, пошел назад к столу, размышляя успею ли опустить зад на стул прежде чем меня вышибут отсюда пинками.

– Ты нормально, братан? – поинтересовался Акбар.

– Да, уже лучше.

За время моего отсутствия, за столом, прямо напротив меня, расположились три незнакомые телочки – какие-то знакомые Бабрака. Три одинаковые кошелки, с бессмысленным выражением лица поглощавшие три одинаковых салата. Мне они сразу не понравились. И, судя по тому, как они устали на заблеваные лацканы моего бархатного смокинга, я им – тоже. Первые несколько минут я просто смотрел на них с нескрываемой неприязнью, а после того, как одна из них спросила у Бабрака «что с вашим другом?», остервенело зарычал и запустил в нее стеклянной пепельницей, просвистевшей в миллиметрах от ее пустой головы. Телочка вскрикнула, вскочила со своего места и, схватив плащ, вылетела из кафе. Две другие поспешили последовать примеру подруги. За столом на несколько секунд воцарилась тишина.

– Братан, ты в дуб въебался? – уточнил Бабрак очень серьезно, но спустя пару секунд не выдержал и разразился басистым богатырским хохотом.

Я тоже натянуто осклабился – челюсти сводило, а мышцы лица дергались как коси-коси-ножка. Как ни странно, никто так и не выказал ни малейшего желания вывести меня из кафе, но было очевидно, что пора валить.

Разочарованный неудачей и убитый таблетками, я поймал такси и отправился домой. Уже светало и нужно было торо-

питься, чтобы успеть прошмыгнуть в свою комнату прежде чем проснется мама.

12

Мира была голубоглазой принцесской из тяжелого высокогорного клана, настолько серьезного, что, повстречав ее в первоумовской курилке, мне и в голову не приходило смотреть на нее как на половозрелую барышню с классной задницей и красивым лицом. Очень не хотелось сгнить в канаве за МКАДом.

Не смотря на то, что я не воспринимал ее в качестве носительницы женских прелестей, подобно всем своим сверстницам жаждущей флирта, романтики, крепкого члена – или чего там девочки хотят в восемнадцать – она, напротив, видела во мне источник всего вышеперечисленного, и не упускала случая недвусмысленно намекнуть на это, стараясь подтолкнуть к решительным действиям. В такие моменты я отводил глаза и смущенно хихикал, переводя все на «братскую волну», так чтобы было непонятно, кто из нас на самом деле маленькая целка. Впрочем, на самом деле оказалось, что никто.

– пончик умялю убери эту дурацкую фотку с аватарки, – писала мне Мира Вконтакте, увидев фотографию Аль Пачи-

НО.

– это же тони монтана!

– какая разница, у всех хачиков она)))

– пхах) да)

– ты же у меня такой модный, красивый, с загорелыми щечками))) убери)

– а ты мне за это что?)

– что хочешь.

Капля ледяного пота спустилась по моей спине к пояснице: ни одного смайлика, она была *чертовски серьезна*.

– а что у тебя есть?) – осторожно уточнил я.

– все, что есть. я все равно не смогу тебе отказать)

– лан уговорила), – я сменил лицо со шрамом на фотографию с собственной надменной физиономией.

– так же правда красивей))) – обрадовалась Мира.

– тебе видней)

– так чего ты хочешь в награду?))

– а что, если я скажу, что тебя?)

– твое право, пончик. я уже пообещала тебе все исполнить)

– тогда хочу тебя, – немного помедлив ответил я и с трудом удержался, чтобы не попросить Миру сразу же удалить переписку в целях конспирации.

– а когда ты меня хочешь?)

– не знаю, когда ты пригласишь меня в гости?)

– я завтра буду на даче)

– без родителей??

– с родителями, но у меня там отдельный домик, и ты можешь приехать ночью, когда они уже спят)

– а может ты просто останешься в москве?

– пончик, я же кавказская девочка – одну меня не оставят)))

– ок) тогда пиши адрес)

Я вышел на балкон, достал пачку экстра-легкого Парламента и закурил. С сигаретой в зубах реальные ситуации уже не казались такими уж реальными, превращаясь то ли в фильм, то ли в книгу – со мной в главной роли. Что до идеи проникнуть в подмосковные владения вчерашнего головореза и оприходовать его дочь – она казалось авантюрной. Она, черт возьми, и была авантюрной, но во мне вдруг проснулся джигит – в окно, под покровом ночи... Вся эта южная тематика.

На другой день за неимением собственной тачки, я стал прикидывать, кого из друзей я мог бы в это втянуть, и кто из них мог подписаться. Выбор сразу же пал на Акбара – у того хоть и не было собственных колес, но он мог бы снова одолжить девятку, на которой мы крепили барыгу, к тому же я был уверен в нем как в себе – варианты с подставами и

сплетнями исключались. Так, что я набрал его номер:

– Братан, есть вариант колеса вымутить на ночь?

– Ты поюзать хочешь или барыгу хлопнуть? – уточнил Акбар.

– Да не те колеса – я имею в виду тачку какую-нибудь.

– Хуй знает. А зачем?

– Короче, мне надо сегодня одну красотку дать, но она на даче. Причем там еще ее родители, братья и черт знает кто еще, поэтому ехать надо под утро.

– Ааа Джанфранко, – засмеялся Акбар, подразумевая, очевидно, Дон Жуан, – а че за телочка?

– Ты не знаешь.

– Черная?

– Какая разница?

– Тачку хочешь?

– Да.

– Черная?

– Да, да, да...

– Ты че за тип опасный, – обрадовался он, – ехать-то далеко?

– Десять километров от Москвы. На бензин я, если че, лаве скину.

– Ко мне сейчас кент мой едет – он за рулем. Если согласится, можем все замутить.

– Братское сердце, – обрадовался я, – по-братски, сделай,

чтобы он согласился!

– Давай, Джанкарло, наберу.

Через пару часов парни уже были возле моего подъезда – Акбар и его кореш по имени Бек-Мирза, крепкий приветливый даг в бархатном спортивном костюме и ярких замшевых мокасинах. Я сразу созвонился с Мирой и условился, что буду у нее в три часа ночи. «Надеюсь, все уже уснут» – написала она вдогонку.

До выезда оставалось несколько часов, а у меня как раз завалилась шишка гидропоники, так что я предложил отъехать в укромное место и скоротать время с ней.

– А есть через что? – спросил Акбар.

– Молодой! – ухмыльнулся Бек-Мирза и извлек из багажника красный бонг размером с ногу.

Дунув, мы заехали в Макдак, сожрали по бургеру, потом покурили еще и в приподнятом настроении отправились в путь. Было уже темно, когда мы пересекали МКАД. На поиски нужно поворота, а потом следующего, а потом следующего потребовалось еще часа полтора, но, наконец, мы въехали в нужный поселок. Мы припарковались в пятидесяти метрах от огороженных кирпичным забором двух гектаров, составлявших Мирин дачный участок, густотой застройки на-

поминавший скорее небольшой центрально-европейский городок. Парни закурили, а я набрал Мирин номер.

– Да, пончик, – послышался из трубки ее голос. Она была удивительно спокойна.

– Я на месте, детка.

– Сейчас я тебя встречу.

Положив трубку, я улыбнулся и подставил парням кулак:

– Не прощаемся.

– Давай, Франческо, за нас там тоже пару палок кинь, – рассмеялся Акбар, касаясь своим кулаком моего.

– Я, если чо, мотор не буду глушить, – подколот Бек-Мирза.

– Постараюсь в темпе вальса, – бросил я уходя.

Когда я вышел из машины, было часа четыре утра – успело рассвети, и слепящее солнце припекало макушку. Улица, по которой я шел (точнее укатанная грунтовая дорога между двумя глухими заборами), упиралась в другую, идущую перпендикулярно, метрах в ста впереди. Как раз в той стороне из ворот кто-то вышел. Я приложил ладонь к глазам на манер козырька и убедился, что это была моя крошка. Она шла навстречу – во вьетнамках и коротком белом сарафане, надетом на голое тело, с обнаженными загорелыми плечами и

распущенными черными волосами, струившимися шелком, как вода из-под крана. Она подходила все ближе, и я уже различал изгибы ее фигуры – идеального куска мяса, прикрытого невесомой материей. Мне захотелось схватить ее за задницу, прижать к забору и поиметь не отходя от кассы. Пока я прокручивал в голове эту сценку, она, замедлив шаг, подошла вплотную, поцеловала меня в губы и смущенно опустила глаза.

– Потрясающе выглядишь, – лучших слов у меня не нашлось, но это было именно то, что я хотел сказать: Ты. Выглядишь. *Потрясающе.*

– Спасибо, пончик, – улыбнулась она и пояснила, – сейчас пойдем вдоль забора, чтобы охранники не увидели.

– Как скажешь, бэбэ, – решив, не уточнять вооружены ли охранники, согласился я.

Выглянув из-за угла одного здания, Мира быстрым шагом переходила к следующему. Затем все повторялось вновь. Я полностью доверился ей и даже не смотрел по сторонам. Честно говоря, и не было такого варианта – даже если б очень захотел, я бы не смог отвести взгляд от ее шикарной упругой задницы, маячившей перед самым моим носом. Достаточно было протянуть руку, чтобы схватиться за нее. Именно это я и сделал.

– Потерпи, сладкий, – спокойно попросила Мира.

– Я не виноват, что кое у кого такая сексуальная задница, – пожал я плечами.

«Еще минута и я сорву с нее эту тряпку и задам такого жара!» – неоновой вывеской загорелось у меня в голове. Я просто не верил, что все это происходит.

Наконец, обогнув участок по периметру, мы вошли в Мирин домик, достаточно большой и густо напичканный дворцовыми цитатами, чтобы уменьшительно-ласкательный суффикс сразу же показался неуместным. Я все еще молча следовал за ней в тени свисавших со стен массивных деревянных рам, обрамлявших мрачноватые пейзажи эпохи Северного Ренессанса, украдкой косился на русский бильярд в викторианском стиле (!), притаившийся в дальнем конце гостиной, пока мы не оказались у винтовой лестницы, ведущей наверх. Мы поднялись. Из коридора вело три двери – в ванну, гардероб и Мирины покои. Обстановка розовой девичьей спальни состояла преимущественно из огромной кровати с балдахином.

– Малыш, ты просто идеальна! – рычал я, обхватив Миру сзади, и жадно стягивая с нее сарафан.

– Ты тоже, красавчик, – отозвалась она как-то слишком кротко.

Я толкнул ее на кровать и лег сверху, схватив за запястья так, чтобы она не могла пошевелиться. Мне просто хотелось сожрать ее. Отпустив тормоза, я вцепился ей в задницу и, преодолевая усталость, устроил спринт с шлепками, плевками и всякими дикими штучками. Обливаясь потом, мы кувыркались на необъятной постели, метражом напоминавшей однушку в панельном доме на московской окраине. Я выкладывался на сто десять процентов, а она безропотно потакала мне, благодарным поскуливанием отвечая на каждое движение.

Прошел, вероятно, час или полтора, и комната наполнилась ярким утренним солнцем. Взяв свое, мы молча лежали в постели – я на спине, а она на животе, обхватив меня рукой и носом уткнувшись в мое плечо. Я смотрел в потолок и гладил Мирины волосы. Мне отчаянно хотелось наговорить ей всяких глупостей, но это было бессмысленно – произошедшее в этой спальне не могло перерасти во что-то большее. Мира и сама понимала все лучше меня – в конце концов, это были их правила.

Собравшись с силами, я поднялся, отыскал свои трусы, натянул джинсы и нежно поцеловал ее красивый зад. Мира хихикнула, дождалась пока я оденусь и тоже встала с кровати. Я жадно смотрел на ее обнаженное тело пока она искала

на полу свой сарафан, когда поймал себя на мысли, что было бы неплохо, если бы отныне она всегда оставалась голой. Но мгновение спустя все ее прелести вновь скрылись под одеждой. И так всегда.

Пришло время валить.

– Ты все понимаешь, бэбэ, – сказал я, поцеловав Миру уже у ворот.

– Да. Увидимся в универе, пончик, – улыбнулась она, как ни в чем не бывало, и заперла калитку с другой стороны.

Я закурил сигарету, и поспешил к машине. Парни уже добились мою шишку и сонно обсуждали чьего-то близкого. Увидев меня, Бек-Мирза высунулся в открытое окно, и иронично зацокал языком.

– Пиздец, она у тебя ненасытная, походу! – усмехнулся он, когда я сел в машину.

– Да, я и сам себя чуть не за ногу оттащил! – улыбнулся я.

– Все, ты счастлив? – повернулся ко мне с переднего сидения Акбар.

– Как минимум, на сутки! А вообще, от души, пацаны, что кайф поддержали.

– Не вопрос, Джан-Карло, – Акбар потрепал меня по макушке, – че, может, в Ростикс заедем?

ПЯТЫЙ КУРС

1

1 сентября выпало на субботу, и в МГУ мне было не надо. Надев пиджак, я отправился в Оперу, где бесновался как в последний раз. 2 сентября я спал, а когда проснулся, пришло осознание того, что меньше чем через год балаган студенческой жизни закончится навсегда. По сути, он уже закончился – пятый курс студенты обычно проводили в совершенно другом статусе – их воспринимали иначе, не требуя аккуратной посещаемости, почти не глядя ставя «зачет», не ожидая великих дел на фронтах ночной жизни – легкомыслие было уже не по возрасту. Пятикурсники становились теньями, раковыми больными, готовящимися покинуть этот мир ради неизвестности. Раньше я гнал эти мысли, но, оказавшись на финишной прямой, вдруг почувствовал себя старухой у разбитого корыта.

Оглядываясь назад, я видел лишь вечеринки, наркотики, криминал и буйство провинциального шика. Заглядывая вперед, понимал, что будет непросто – фантомы высокооплачиваемой работы, домов на Рублевке и дорогих внедорожников растворялись в спертom воздухе. В настоящем же я просто валялся на смятой постели и прислушивался к донося-

щимся из коридора звукам – на полуслове смолк телевизор, гулко застучали по паркету каблуки, ключи вздрогнули колокольчиком – это мама собиралась на работу. Когда входная дверь, наконец, захлопнулась, и в квартире воцарилась тишина, я вышел из своей комнаты и, направился в ванну. Проходя мимо размашистого белого комода, я увидел пятьсот рублей под своими солнцезащитными очками и прикинул, что этого хватит на такси до МГУ и обратно. Возможно, даже останется рублей сто. Гребаная инфляция! Еще на первом курсе за сотку можно было уехать на первой же машине, а теперь приходилось торговаться, чтобы тебя повезли за двести.

Смыв в душе грязь и беспокойные мысли, я позавтракал и стал одеваться. Узкие джинсы с «багажником», длинная серая кофта с глубоким V-образным вырезом, из-под которой торчала майка с растянутым воротом такой же треугольной формы – мне больше не хотелось выглядеть солидно, хотелось побыть тинейджером, хотя бы еще немного. Гвоздем программы призваны были стать винтажные сапоги из затертой коричневой кожи, купленные с 80-ти процентной скидкой в очень модном бутике на Большой Никитской. Я с детства любил всех удивлять и теперь не мог дождаться, когда появлюсь в них в МГУ.

– Марк, космический убан, ты живой еще? – с улыбкой

от уха до уха приветствовал меня Хусик, едва я вышел из машины напротив входа в кафе Макс.

– Живее всех живых. А тебя, если честно, удивлен видеть.

– Почему?

– Тебя ж на пять минут посмеяться родили, а ты до пятого курса дожил.

– Давай, иди сюда, – Хусик принял меня в отдушибрацкиеобъятия.

Компанию ему на пятаке составляли знакомые пацаны, учившиеся на курс младше – Мага и Адам. Бледная кожа, золотые оправы, рыжие щетины – эти двое походили бы на еврейских математиков, если б не ключи от припаркованного здесь же Фольксвагена Фаэтон, которые Адам непрерывно крутил на пальце, и рукоятка мясницкого тесака, стыдливо выглядывающая из-за Магиного пояса.

– Курите, пацаны? – достав из кармана пачку, предложил я.

– Не, братан, от души, – отказался Адам за обоих.

– Как лето? На регион летали?

– Да нет, какой там! – грустно ответил Мага, – в Лондон пахан отправил английский учить – на два месяца. В гостинице там жил, бля буду, как гастарбайтер – вот такая клетушка, – он отмерил руками небольшой квадрат.

– Че за гостиница-то?

– Ритц называется – так-то ниче, но в однокомнатный, пидарасы, запихнули! – с досадой развел он руками.

Я иронично улыбнулся, и энергично зацокал языком.

– Сам-то где был?

– В июне в Италию слетал и сейчас в Турцию еще на неделю. А так здесь в основном.

Тут разговор переключился на авто-тюнинг и мне стало скучно.

– Внутрь не пойдете? – спросил я из вежливости.

– Нет, здесь, братан.

– Давайте тогда, – бросил я, уходя, – подойду еще.

У входа в Макс стояли какие-то первокурсники – довольно модно и дорого одетые, но все же видно, что недавно с поезда. До городов и весей к тому моменту еще не дошло слово «тренд», зато брэндами эти ребята уже орудовали.

– Марк, тормози, – окликнул меня Адам, когда я уже почти вошел в Макс.

Остановившись у самого входа, я дождался пока он подошел вплотную и приобнял меня за спину.

– Хорошо выглядишь, братан, но это, по-братски, много, – произнес он вполголоса, и взглядом указал на мои сапоги.

2

От Акбара я узнал, что Хуссейн хочет предъявить Мурзику за недополученную выгоду от приема барыги, который мы провернули еще прошлой весной. Что ж, прикинул я, могла получиться неплохая драка исход которой вряд ли кто-то взялся бы предсказать. Конечно, Хусик был покрупней и довольно резкий, но и про Мурзика говорили, что он нормальный боец – ни грама лишнего веса, поджарый (или как у нас говорили «паджеро»), техничный. Впрочем, не успев додумать эту мысль, я решил, что намерение скорее всего так и останется намерением, ведь Мурзик бывал в МГУ нечасто, а когда бывал, то в разных с Хусиком корпусах и обычно в другое время. Больше же им встретиться было попросту негде – Мурзик проводил досуг в фешенебельных ресторациях, а Хусик все больше на пятаке.

В тот вечер Мурзика угораздило заглянуть в Макс – однокурсник по имени Армен затащил перекусить после занятий и обсудить вписку на грядущую вечеринку в закрытом клубе кокаинистов. Парни уже успели поесть и, выкурив по последней сигарете, с треском высасывали из полосатых тру-

бочек остатки газировки, когда рядом с их столиком возник Хуссейн с двумя небритыми спутниками в бархатных спортивных костюмах и ярких замшевых мокасинах.

– Какие люди! Мурзик, куда пропал, старик? – нарочито добродушно начал он, – ты с меня трубку поклялся не брать, что ли?

– Здорова, – спокойно ответил Мурзик, вытирая салфеткой руки.

– Че, как дела даже не спросишь?

– Как дела, Хус?

– Да вот, разговор к тебе есть.

– Что за разговор? – Мурзик насторожился.

– Дело на сто касарей.

– Я этим больше не промышляю, братан, – покачал головой Мурзик, неторопливо поднимаясь со стула и сортируя по карманам разбросанные по столу пожитки.

– Да я тебя умаляю, ну!..

Мурзик ничего не ответил.

– Уходишь уже, что ли?

– Да, пора.

– Ну, так я тебя провожу и обсудим как раз, – безапелляционным тоном произнес Хусик, приобняв старого знакомого за плечо.

Солнце уже близилось к горизонту, но об этом можно бы-

ло только догадываться – осеннее небо стлалось бесконечным светло-серым баннером, слегка подсвеченным с той стороны. Через люк в крыше наглухо затонированного сто сорокового Мерседеса я видел лишь небольшой его кусок прямоугольной формы – и лишь когда задираю голову, чтобы выпустить в прохладный вечерний воздух новую порцию отработанного дыма. Тачка принадлежала отцу Акбара, улетевшему накануне на регион, а за рулем сидел сам Акбар, не упустивший случая подрезать плохо лежавшие ключи из закрытого ящика комода. Флагманский крейсер почивших 90-х давно лишился былого лоска: кожа на сиденьях потерлась, лобовое стекло надвое разделяла трещина, а тяговые кони под усталым капотом хрипели, словно загнанные. Но все же это были колеса, и мы с комфортом прокатились на них до Профсоюзной, где замутили кусок неплохого гашиша, и теперь, припарковавшись у кафе Макс МГУ, курили его с булавки, которую Акбар цеплял к одежде – от сглаза или типа того.

– Короче, прикинь, – многообещающе начал он, – одному типу в Нальчике ценканули, что в ауле недалеко от города какой-то дед выращивает убийственную шмаль.

– Это тебе Муслим, что ли приколот? – глупо захихикал я.

– Не-не, – заулыбался Акбар, а глаза его сощурились, как у китайца, – слушай, слушай! И, короче, тип этот один кон, на голяках, вспомнил про того деда и решил поехать замутить

у него. Ну, приехал, значит, в селуху, где тот жил, идет по улице – видит на крыльце сидит старик и курит трубочку.

– А это он, да? – попробовал угадать я.

– Чо? – сбился Акбар, – А, не-не, слушай, слушай! И, короче, тип этого старика спрашивает – отец, где тут шмали можно замутить. А тот ему, такой, повремени, сынок, присядь пока со мной, покури трубочку.

– Бляяя, – затянул я, и схватился за голову, почуввав какой-то подвох.

– Не-не! – замотал головой Акбар, – все нормально будет, слушай! Тип припал со стариком, взял трубочку, напаснулся и вдруг видит – солнце с самого верха кааак рухнет за горизонт – и вдруг резко темно стало!

– Да ну на хуй!

– Да! И по сторонам смотрит – а старика нет уже и на улице темно, прикинь.

– Забавно, – одобрительно кивнул я, и указал в сторону Макса, откуда вышли Хуссейн, Мурзик и три тела сопровождения, – вон, смотри, не пацаны идут?

На улице смеркалось и через затемненные окна вообще ни черта не было видно. Последние пешеходы уже давно ушли в сторону метро, а густо заставленные автомобилями обочины и тротуары лежали теперь нагие и холодные – в ожидании следующего утра и нового наплыва студентов. Разглядев что-то, Акбар резко закрыл окно, заглушил мотор и забло-

кировал двери, а когда я, оглянувшись, вопросительно посмотрел на него, сдвинул смех и приставил палец к губам. Будучи накуренным в хлам, я и сам не очень-то хотел с кем-то общаться – лень было парировать подьетки и балансировать на кортах. Тем временем парни остановились в нескольких метрах от нас, продолжая начатый еще в Максе разговор.

– ...а теперь ты мне сто касарей торчишь, – через открытый люк донесся голос Хусика.

– С какой стати? – предсказуемо возмутился Мурзик.

– Ну, как с какой? Ты грузился, что с барыги сотку можно поймать? Грузился.

– Я че, его казначей что ли? – отмахнулся Мурзик, – кто знал, что он бичом окажется?

– Это не ебет. Твои слова – сто тысяч, тебя за язык не тянул никто. С твоей наколки люди подписались на движение. В итоге мы зря рисковали. Поэтому за ту копейку, я с тебя по полной спрошу.

– Братан, я тебе ничего не должен, я также обломался, как и все остальные. Или ты думаешь, я сейчас обосрусь и из своего кармана тебе эти бабки разверну?

– Я не думаю, я уверен.

– А я уверен, что не вывезешь.

– А ты че, свою уверенность на мою перевести хочешь? – взбесился Хуссейн.

Услышав такое, Мурзик, заранее готовый бросить что-то в ответ, лишь бесшумно проглотил воздух, словно выброшенный на берег карась. Не найдя, что ответить он сложил на груди руки и, отведя взгляд, попытался осмыслить услышанное.

– Э, чо!?! – одернул его Хусик, – Э, БЛЯ!

Сделав резкий шаг навстречу, Хусик головой ударил зазевавшегося соперника в нос.

Из глаз Мурзика будто посыпались искры, а из носа хлынула кровь. Он не успел даже поднять руки и в тот момент легко мог лечь, но Хусейн почему-то отпустил его. Вместо этого он принял стойку и издевательски подмигнул:

– Еще хочешь?!

– Ну все – пизда тебе, – по-мужицки высморкавшись кровавыми соплями, разъяренный Мурзик бросился на агрессора, кулаками рассекая воздух, но так толком и не смог нанести ни единого удара.

Виртуозно уворачиваясь, Хусик вывел противника из себя, а, улучив момент, пробил ему лоукик. Это остановило и без того запыхавшегося Мурзика, а в следующую секунду колено Хусейна вошло бедолаге в грудь. Казалось, поединок

был окончен – дальше возможно было только избивание.

– Ну, чо, падла, будешь бабки отдавать? – нагнувшись над Мурзиком и взяв его за волосы спросил Хусейн.

– Тормози, все, окончен бой, – вмешался Армен.

– Будет окончен, когда бабки отдаст, – отмахнулся Хусик, и снова обратился к Мурзаяну, – ну, что, когда?

– Когда мне хуй отсосешь, – прохрипел тот.

После этих слов лицо Мурзика с размаху влетело в асфальт. Сопровождавшие Хусика костюмы, добродушно посмеиваясь, снимали происходящее на видео, и, казалось, не собирались останавливать своего приятеля.

– Ну че, надумал? – снова спросил Хусейн.

– Тебе в рот кончал, – разбитыми губами произнес Мурзик.

Теперь жизнь этого парня висела на волоске.

– АХ, ТЫ, ШЛЮХА! – рявкнул Хусейн и, вскочив, стал избивать Мурзика ногами, – ТЫ *БЕССМЕРТНЫЙ*, ЧТО ЛИ!?

– Тормози, он лежит уже, – прокричал Армен и бросился оттащить Хусика, но получил локтем в челюсть и отшатнулся в сторону.

– Тоже хочешь, тварь?! – повернулся к нему Хусик.

– Да, я тебя выебу, щенок, – психанул Армен, габаритами серьезно превосходивший всех присутствовавших. Однако, едва он произнес это, в ухо ему один за другим врезались кулаки костюмов так, что он оказался на земле.

Быстро смекнув, что есть неплохой шанс оказаться в луже крови рядом с Мурзиком, Армен откатился в сторону и, быстро поднявшись, выхватил травмак – буквально перед носом у подскочивших бойцов.

– ЧЕ, ТВАРИ, БУДЕМ ЖИТЬ НА КОЛЕНЯХ ИЛИ УМИРАТЬ СТОЯ?! – завопил он отчаянно.

– Тормози, брат, ты че творишь, – костюмы явно опешили от такого расклада.

– Че, теперь ударить жопы не хватает?! – смачно отхаркиваясь, орал Армен, размахивая пистолетом.

– Ствол убери – там посмотрим, – с издевкой ответил Хусик, решивший, видимо, поиграть в героя.

– А я, блядь, сюда не на Олимпиаду приехал! – зло ответил Армен и выстрелил ему в ногу и потом в плечо.

На этот раз уже Хусейн, вскрикнув, повалился на землю. Костюмы пятились назад, лишь повторяя как заклинание: "осади, брат, не обостряй".

В течении следующей минуты Армен кое-как оттащил

Мурзика в свою тачку и со свистом растворился в темноте. Следом ретировались бархатные костюмы, прихватив с собой старину Хусейна.

Акбар закрыл рот, достал булавку и насадил на нее плюшку гашиша.

3

Сонный Гиви сидел на высоком стуле у игрового автомата – в полумраке прокуренного зала на Новом Арбате – и мерно стучал по клавишам. Зал был почти пустой – от силы человек десять с небритыми осунувшимися лицами просаживали наличные промозглым пятничным вечером. Только спокойная музыка, размеренное пиликанье автоматов и составные междометия, изредка вырывавшиеся из самих сердец игроков, нарушали тишину этого склепа. Так было пока в зале не появился Мини-Гера в компании шарообразного чувака в бархатном фиолетовом костюме. Завидев Гиви, Гера похлопал своего подельника по плечу и отправился фильтрануть – туда-сюда, че почем.

– Оу, че ты, до хуя поднял, братуха? – протягивая руку, поинтересовался Гера.

Гиви ответил на приветствие молча и, казалось, нехотя –

ему пришлось оторваться от игры в момент, когда нужно было выбрать цвет – черный или красный.

– Давай я за тебя пробую, – неожиданно предложил Гера и, не дожидаясь ответа, ударил по красной клавише.

Оптимистично пикинув, аппарат удвоил выигрыш.

– Не надо, я сам, – Гиви терпеливо отстранил его руку и, решив, что вопрос исчерпан, на мгновение замер, чтобы выбрать следующий цвет. Гера внимательно посмотрел на него – будучи человеком по сути своей безудержным, он не терпел подобных заминок. Дав Гиви еще полсекунды, он снова взял инициативу на себя.

– Черный! – ударил он по клавише и выигранные кредиты с издевательским гудком испарились.

– Ну, не лезь, сказали же тебе, – раздраженно повторил Гиви, бросив на Геру испепеляющий взгляд.

– Да ладно, ладно, – с невинным видом пятясь назад Гера поднял свои шаловливые ручки, – давай я тебе пятьдесят рублей добавлю, че я проиграл.

– Да не надо мне твои пятьдесят рублей! Себе вставь и играй на здоровье.

– Попозже еще подойду, – бросил Гера и поскакал разыскивать фиолетовый костюм.

Гиви облегченно вздохнул и принялся мерно постукивать по клавише bet, лелея надежду поймать бонус. Его благородное лицо выглядело умиротворенным и только нога, упиравшаяся в густой синий кавролин, нервно дергивалась.

– Вот дерьмо! – выругался он.

Фэншуй был нарушен – Гиви пересел за другой аппарат.

Тем временем Мини-Гера, смотавшись в туалет и навернув пару кругов по залу, вернулся к фиолетовому, просаживавшему последние пятьсот рублей, отложенных на такси.

– Че за пацан? Знаешь его?

– Да, мой знакомый грузин, – объяснил Мини-Гера, – если поднимет сейчас копейку, я в нее тоже ворваться хочу.

– С кайфом – сделай.

Мини-Гера отчаянно хотел тусоваться, но все деньги уже были просажены в казино через дорогу, и теперь он связывал все надежды исключительно с выигрышем Гиви. Впрочем, Гиви как-то не очень обрадовался знакомому.

Заказав виски со льдом, он продолжал неторопливо стучать по клавишам. Но расслабиться уже не получалось – он

чувствовал, что ему в затылок упирается чей-то взгляд. Он обернулся – Гера стоял на расстоянии вытянутой руки:

– Ну чо, дает?

– Ну, так... – Гиви – человек отходчивый и интеллигентный – решил не эскалировать конфликт.

Дождавшись, когда выпала очередная выигрышная комбинация и настало время испытывать судьбу, Гера вновь без спросу влупил по красной клавише.

– Ты русский язык понимаешь?! Не делай так больше! – обычно спокойный Гиви на этот раз явно рассердился и смотрел на маленького грека, едва сдерживая порыв ненависти.

Геракл промолчал, но когда представилась возможность, самовольно пробил вновь – его начало клинить и он уже не мог подавить в себе хулигана. Это было последней каплей.

– Ах ты, мелкий хуй! – Гиви слез было с высокого табурета и угрожающе двинулся на Геру, как вдруг в неподвижном воздухе казино раздалось звонкое "БАЦ!". Резкое движение жилистого плеча, словно катапульта, отправило маленький кулачок на свидание челюстью Гиви. То ли ощущая за спиной поддержку крепкого кунака, то ли с перепугу, Гера попытался воткнуть оппонента, раз уж не оставалось надежды поживиться за его счет.

– ПИ-ДА-РАСКА! – отчеканил Гера, глядя Гиви прямо в глаза, и смачно харкнул на синий ковролин.

– Совсем страх потерял? – оправившись, прорычал Гиви и тут же – БАЦ! – получил в голову снова.

Гиви явно не был готов к избиению парня вдвое меньше себя, а, столкнувшись с такой неслыханной дерзостью, немного потерялся, едва не выпросив третий удар. К счастью, ситуацию разрешил подоспевший охранник.

– РРРУКИ ФУ! РРРУ-КИ!!! – словно уж изворачивался Мини-Гера, когда его за ухо выводили на улицу.

Стеклянные двери автоматически закрылись за его спиной. Гера дотронулся до горевшего уха и посмотрел по сторонам. Встретивший его ночной город шумел полифонией шагов, голосов и моторов; Новый Арбат сиял неспящими окнами, ксеноновыми фарами и неоновыми вывесками. Вдоль обочин и на тротуарах стояли машины – одни приезжали, другие уезжали. Из них выплывали девушки, расфуфыренные как едва столкнувшиеся с цивилизацией дикарки, на высоченных каблучищах, с размашисто накрашенными губами. Их оценивающе рассматривали сомнительного вида юноши в наборах (квази-)дорогой одежды. Тем временем фиолетовый не спешил выходить – кто его знает, может, игра пошла.

Вдруг из-за угла явно с серьезными намерениями выбежал целый выводок чумазных чернявых детей четырех, пяти, шести, семи лет:

– Дядя, дай, денег! По-братски, дай денег, дядя! Дядя, кушать хочу! – обступили они Мини-Геру.

– Ай, гулять так гулять! – решил Геракл и кинул детям последний полтинник, чем вызвал их нескрываемое возмущение.

Едва вырвавшись из их толпы, Гера устремился в сторону Октября с твердым намерением тусануть во что бы то ни стало.

– Э, брат, куда ехать? – бросились ему наперерез таксисты.
– На *кайфушки*! – смешливо выкрикнул Гера и, подпрыгнув, пристукнул в воздухе каблуками.

Страшно хотелось по полной.

4

Ада была лучшим из того, что случилось со мной в жизни – злая богатая кокаиновая телка со склонностью к полноте – она очаровала меня моментально. Прежде я уже видел ее

на Дамочке и пару раз в МГУ – теперь же она появилась в Опере. Крепкий зад и шикарный бюст, прикрытые коктейльным платьем стоимостью с половину моего гардероба, относились к категории тех самых, коими можно свершить революцию; блестящие черные волосы спадали на загорелые плечи, окаймляя красивое лицо, оттененное бархатом карих глаз, сражавших наповал холодным выражением акулы-людоеда. В этом взгляде читалось: есть только я. Других людей она воспринимала как топливо – нечто неодушевленное, пригодное лишь для того, чтобы служить компанией или обслугой. Я обожал таких.

– Бэбэ, ты одна? – нагло вклинившись между ней и ее замолчавшими на полуслове подругами, поинтересовался я.

Молниеносным взглядом Ада просканировала меня с ног до головы.

– Хочется ответить, что да, но со мной вон те красотки, – включив режим наибольшего благоприятствования, ответила она и кивнула на двух губастых невысоких брюнеток с танцевальными фигурами, недовольно косившихся на меня из-за спины.

– Привет! Красивое платье. Дай пять! Выпьете со мной? – повернувшись к телочкам, проговорил я с надменной улыб-

кой.

Телочек очень подкупает, когда один незнакомый юноша угощает сразу их всех. Поверив в образ славного молодого мажора, счастливо пребывающего в состоянии перманентного загула, они были рады простить мне мое дерзкое появление. На самом же деле я шел ва-банк, на последние гроши заказав все это пойло. Время близилось к утру и денег оставалось только на такси, а времени ровно столько, сколько требуется чтобы осушить стакан виски-колы, для того, чтобы позволить Аде убедиться – я именно тот классный парень, с которым она хочет провести ночь.

Бит рассекал воздух, мы обсуждали клубы и шмотки. Телочкам нравились мои суждения – непринужденные, но категоричные. Важно было сохранять баланс – не переборщить с понтами, но и не показаться слишком демократичным. Для них это значило бы, что я лузер, а для меня, что секса этим утром не будет.

«что делаешь? приедешь в блэк октобер?» – как птичье говно на рукав, упало мне на телефон сообщение от терпилы по имени Гриша – сам по себе, как и птичье говнона рукаве, он мне в хуй не упирался, но встреча с ним все же сулила удачу с этими телками.

«я в жопере. давай через полчаса в санрайзе позавтракаем! телок привезу» – потуже натянул я пружину медвежьего капкана.

Гриша действительно чем-то смахивал на старого Балую. Трапецевидный второкурсник с отменно некрасивым лицом и платиновой кредиткой – я выцепил его на каком-то дне рождения и взял в оборот, всем своим видом, поведением и разговорами дав почувствовать, что вся моя жизнь – сплошной праздник с ту секси курочками, лучшими клубами и безудержным весельем, проходящий по формуле «там, где Шома – там кайфово», как написал в своем микро-блоге один мой приятель.

«заметано, жду там» – спустя полминуты ответил Гриша.

С холодным лязганьем метала капкан захлопнулся.

– Поехали в Санрайз, позавтракаем! – силясь перекрычать изнывающий гул дрянной электронной композиции прокричал я в Адино ухо.

– Что? – не расслышала она.

– В Санрайз! Завтракать! Бери подруг, если хочешь!

Ада мельком взглянула на свои усыпанные бриллиантами часы – больше, чтобы я обратил на них внимание, чем, чтобы узнать время – и благосклонно кивнула.

Мы отправились на Новый Арбат.

Гриша всем своим необъятным пердаком уже растекся по двухместному дивану в лоснящемся полумраке этого неприлично дорогого и некогда модного заведения. С покрасневшим лицом он попивал виски и ковырялся в зубах, переваривая суп из акульих плавников.

– Здравствуйте, вчетвером будете? – белоснежной улыбкой, слишком искренней для пяти часов утра, встретила нас насоляренная хостесс.

– Здравсти, нас уже ждут, – ответил я, пропуская вперед телочек.

Гриша приветственно поднял руку.

– Оу, брацкое сердце! Как ты? – тепло приветствовал я его и с улыбкой добавил, – не помню, как кого зовут, сами познакомитесь.

– Тебя-то как зовут? – усаживаясь рядом со мной, поинтересовалась Ада.

– Зови меня Жано, – сделав бессмысленный реверанс кистью, попросил я.

– Окей, а я Ада.

– Аяаада?

– Просто Ада.

– Окей, просто Ада. Тебе сегодня уже говорили, что ты просто прекрасна?

– Возможно, в Опере было довольно громко.

– Ладно, будем считать, что я первый, – бросил я и повернулся к ее подругам, – кстати, Гриша сказал, что он крабовый король с Камчатки?

Все уже наелись и напились, когда за одной из телочек приехал ее бойфренд, а я, оставив Гришу с другой и нашим общим счетом, похлопал его на прощанье по плечу и заговорщицки прошептал "ты мой должник, брат". После чего поспешил удалиться вместе с Адой, как бы невзначай обмолвившейся, что живет на Пречистинке, в трех минутах езды от Санрайза.

– Мы с мамой недавно вернулись из Нью-Йорка, два месяца там проторчали, – поделилась Ада, – теперь режим нафиг сбился, по ночам спать не можем.

– Сейчас мама тоже не спит?

– Неа. Я тоже спать не буду, с собакой гулять пойду.

Поняв, что в гости попасть не удастся, я все же решил проводить ее до подъезда с мраморной лестницей, украшенной всякой кованной хренью.

- Погуляешь со мной с собакой? – предложила Ада.
- А что мне за это будет?
- Думаю, тебе понравится.

Ротвейлер по имени Фридрих встретил меня радушно и сделал вид, что сразу же принял за своего, но по глазам было видно, что ревнует. Выгуляв его на Гоголевском бульваре, мы вернулись к дому.

- Ну, что же. Спокойно ночи, бэбэ, – устало проговорил я, передав Аде поводок.
- В смысле? – удивилась она, – ты не зайдешь?
- Хочешь познакомить меня с мамой?
- А она скоро уедет.

Извинившись за раннее вторжение и перекинувшись с силиконовой ту секси мамой парой фраз, я прошел в Адину комнату и дождался пока она вернется из душа.

Пышное, загорелое тело, завернутое в розовое полотенце немедленно пробудило меня к жизни.

- Это еще ничего не значит, – лукаво улыбнулась Ада в ответ на мою ухмылку.
- Конечно, ничего, – ответил я, подняв ее на руки и бросив на кровать – под звук захлопнувшейся входной двери.

Когда в МГУ запретили курить, а в первом гуме возвели специальные аквариумы с неработающими вытяжками (те самые, где иные завсегда и проводили по восемь часов в день), обделенные второгумовцы переместились с сачка в предбанник подземного бункера. За закрытыми дверьми из обшарпанного ДСП дребезжащий светильник кое-как освещал огороженный перилами пяточок в три квадратных метра и пролет бетонной лестницы, уходившей куда-то в темноту. В поисках укромного места, где можно было беспалевно дернуть шмали, мы спускались туда с пацанами. На потрескавшейся плитке неопределенного цвета неизменно валялся мусор – пластиковые бутылки, окурки, картонные тарелки из-под пиццы и подобное дерьмо. Дальнейший же проход в terra incognita преграждала железная дверь с нанесенными через трафарет запрещающими надписями. Иногда эта дверь со скрипом отворялась и изрыгала краснолицых пролетариев с остекленевшими глазами, одетых в пыльные темно-синие робы. С лютой ненавистью бросались они на щуплых первокурсников, крича благим матом и даже распуская руки.

– А чо они так кипишуют? – поинтересовался Муслим, когда мы оказались у входа в подземелье.

– Ну, так это стратегический объект, – объяснил Гнус, – там же где-то вход в Метро-2 спрятан.

– Да, я ебал, – скептически посмотрел на него Муслим, – это, братуха, все сказки венского леса.

– Ну, может и так, но я через эти катакомбы согнувшись в три погибели чуть ли не до метро Университет доходил.

– А что там нужно делать? – вмешался я.

– Дуть, – глупо хихикнул Гнус и достал из кармана пакетик гидропоники с пластиковой молнией – в какие обычно кладут запасные пуговицы.

– Ну, пойдем приколимся. Заодно и шабанем.

– Только идите строго за мной, – наказал Гнус, – пока на место не придем – не смеяться, разговаривать только шепотом.

– Базару нет, – согласился Муслим, но по глазам было видно – не без иронии.

Гнус открыл дверь и прислушался к сквозняку, доносившему запах пыли и плесени. Путь был свободен. По очереди переступив порог, мы оказались в длинном коридоре: налево дрожал блеклый свет лампы накаливания и слышались звуки радио – похоже, там располагалась каптерка. Нам же в любом случае надо было направо. Юркнув в темноту и стараясь не топтать, мы пробирались между бетонных стен и бесконечных хитросплетений труб и проводов – где-то перешагивая через них, где-то нагибаясь, чтобы пролезть. То и дело из-за

углов слышались голоса и звуки шагов – краснолицые могли наброситься на нас в любую секунду. Под землей кач Муслима не возымел бы никакого действия, а драться с этими тварями на их территории казалось безумием. Пришлось бы бежать. Но, к счастью до этого не дошло – преодолев метров триста или пятьсот, оставив позади многие развилки и повороты, мы оказались в помещении с высокими потолками и металлической лестницей, уходящей наверх – там, на высоте примерно четырех метров, по периметру комнаты проходил узкий балкончик с перилами из арматуры, а в темном углу между теплых труб были спрятаны водный и парашют.

– Ну что, через что покурим? – Гнус предоставил нам выбирать.

– Как в кайф, пацаны, – равнодушно ответил Муслим.

– Давайте для разнообразия через парашют, – решил я.

Гнус выпятил нижнюю губу и покорно кивнул. Парашют представлял собой верхнюю половину двухлитровой пластиковой бутылки с крышкой из кусочка фольги с несколькими проделанными иголкой дырочками, вдавленного в горлышко на пол фаланги. Снизу к бутылке герметично крепился пустой целлофановый пакет.

Гнус достал увесистую шишку и стал увлеченно измельчать ее гриндером, а когда закончил не справился с управ-

лением и уронил все на пол.

– Блядь! – вскрикнул он, но, опомнившись, зажал себе рот ладонью.

– Все нормально, не просыпалось, – успокоил я его, подняв с пола гриндер – тот каким-то чудом не раскрылся, сохранив в себе все до последнего крапая.

– Блин, не могу, все из рук валится, – посетовал наш проводник.

– Это тебя джинны подъебывают, – поставил диагноз Муслим.

– В плане?

– Ну, джинны – джинны, есть, – Муслик не знал как еще объяснить.

– Братан, я не понимаю все эти ваши рэпперские штучки. Что значит "джинны подъебывают"?

– Ну, джинны, хуй его, типа бесов, демонов.

– И че они?

– Ну, походу, поселились в тебе и нет-нет подъебывают, – очень спокойно объяснял Муслим, как будто говорил о чем-то само собой разумеющемся. Среди кавказцев вообще считалось очень приличным разбираться в таких вещах.

– Они, братан, попутаетшь, иногда целыми семьями в человеке живут. Могут разрушать тебя и мешать всячески, могут наоборот помогать – в учебе или спорте или бизнесе или с телками. По-разному. Ты не затягивай главное – лучше на

корню эти движения пресекать.

– А как это можно пресечь? – поинтересовался Гнус, засыпав размельченную шмаль в фольгу.

– Ну, есть ритуал, короче. Я один кон видел как мулла в Нальчике из типа джиннов изгонял. Тот, бедолага, весь трясся как в лихорадке и быстро-быстро говорил хуйню какую-то. Чуть не отъехал, но, слава богу, выжил и очистился.

– Есть зажигалка? Подожди, – попросил меня Гнус, а сам стал вытягивать пакет из бутылки, постепенно наполняя его дымом, – а если хорошие джинны, их не надо выгонять?

– Как не надо!?! – оскорбился Муслим, – Даже если они кайф тебе поддерживают, все равно это нечисть.

Гнус снял пробку из фольги, наполненную выгоревшей шмалью, и подставил Муслим горлышко. Тот в свою очередь резко вдохнул дым, так, что пакет засосало внутрь бутылки.

– А как они в человека попадают? – уточнил я.

– Могут во сне в тебя поселиться, – выдохнув дым, проговорил Муслим и вернул парашют Гнусу, – ко мне один кон приходил джинн. После первого курса поехал на хату, а у нас в Нальчике дом, и я на втором этаже живу. Короче, жаркая ночь, пиздец, выдалась! Я ворочаюсь, в каком-то полубреду. И, значит, среди ночи просыпаюсь от какого-то рыка – как будто, хуй его, аллигатор в окно ломится.

Хапнув больше чем нужно, я проглотил часть дыма не в то горло. Заметив это, Муслим любезно прервался и прикурил

сигарету, дав мне придти в себя.

– И чо, и чо? – спросил я откашлявшись.

– Ну, в окно смотрю – нет никого. Лег опять на кровать, только засыпать начинаю – опять звуки. Я встал, думаю, закрою лучше, чтоб не мешало, а тут передо мной – ебанный свет – восьмирукое уебище с рогами – и как в глотку мне вцепится, как начнет душить. Я, бля того рот ебал, уже синеть начал. Изо всех сил пытаюсь его оттолкнуть, вырваться, но вообще не вариант. И тогда я начал аяты читать (из Корана стихи, жи есть) и, чувствую, у джинна хватка ослабевает. И я тогда вырвался, на балкон выбежал и во двор спрыгнул.

– Жесть, – прохрипел Гнус с набранным в легкие дымом.

– А куда джинн делся?

– Исчез. Там уже проснулись все – пахан, матушка – гай, гуй, сынок, чо случилось... Но прикол в том, чо у меня на шее синяки остались.

– Да ну хуй! Стремно было?

– Ну, как тебе сказать? Прикинь, чо тебя рогатая тварь с восьмиэтажный дом душит... Охуеешь, братуха, с такой темы? – спросил Муслим и тут же, дабы не оставлять недосказанности, сам же ответил, – Охуеешь.

Скурив еще по паре парашютов, мы отправились назад. Даже будучи убитым в хлам, я не боялся пролетариев.

– Э, поручик! – позвал Хусик официанта, – еще вазу с фруктами сделай – чтоб на столе пусто не было. Напитки скоро будут?

– Бармен уже готовит, – учтиво склонил голову загорелый холуй с идеальным маникюром, – что-нибудь еще?

– Еще кальян на вине в чашке из яблока принесите, – попросил Боря, бессмысленный квадратный мажор, которого невесть зачем притащил с собой Алишер.

Тем теплым апрельским вечером парни – Ислам, Хусик, Алишер и Боря – сидели в кальянной во втором этаже столь модного среди неистовствующих нацменов кинотеатра Ноябрь и неторопливо тянули двенадцатилетний виски с бодрящей Кока-колой. Восточная музыка и персидские ковры на полу и стенах создавали подходящую атмосферу, а две проходившие мимо грязнухи с копнами платиновых волос и глубокими декольте, не устояв перед добродушным исламским «иди сюда, туда-сюда», присоединились к компании и теперь с аппетитом ели одинаковые салаты, улыбаясь шире, чем могли раздвинуть ноги. Впрочем, интересны они были только Исламу – остальные не обращали на них никакого внимания.

– Братан, сам кто по нации? – поинтересовался Алишер у оперативно сработавшего кальянщика.

– Араб, – не отрываясь от своего ремесла, отрекомендовался тот.

– Уаай, братское сердце! – обрадовался Ислам, – асаламу алейкум!

– Вуалейкум салам, – смущенно отозвался кальянщик, пожимая протянутую руку.

– Меня Ислам зовут.

– Саид.

– Откуда сам, Саид?

– Из Сирии.

– Я с Ингушетии.

Саид понимающе закивал, а все присутствующие за столом, кроме телочек (у которых были заняты рты), последовали примеру Ислама, представившись, сообщив откуда они и непременно поручкавшись с кальянщиком. А Боря, приехавший в Москву из Норильска, даже упомянул, что его семья занимается никелем.

– Ты муджахид, Саид? – поинтересовался Алишер.

– Да, – добродушно улыбнулся тот, решив, что над ним подтрунивают.

– Красавчик! – обрадовался Алишер, – давай телефонами обменяемся? Как-нибудь вместе покайфуюем.

– Номерами? Давай... – немного настороженно согласился кальянщик.

Пока Алишер записывал номер нового знакомого за столом повисла неловкая пауза. Впрочем, неловкой она была только для телок, не понимавших в чем прикол, и, в глубине души, для Бори, которого происходящее привело в некоторое недоумение – но, желая быть в теме, он не подал вида.

Когда Саид по казенным надобностям скрылся в подсобке, Ислам лениво вытащил из внутреннего кармана кожаного пиджака золотой, инкрустированный бриллиантами Nokia Сирокко.

– Кайф, Марку позвоним? – предложил он.

– Да, я ему набирал уже, этому ебанату, – раздраженно отмахнулся Хусик, – говорит с телками какими-то обедает – часов шесть уже – цену себе, бля, набивает.

– Оу, Марк! – не дослушав Хуссейна, уже приветствовал меня Ислам, – здорова, братан! Че, делаешь? – не смотря на то, что музыка в кафе играла еле слышно, он зажимал одно ухо пальцем и кричал, как будто говорил по межгороду.

– Здорова, Ислам! Да вот из кабака выхожу, – тяжелой поступью поднимаясь по ступенькам, ответил я. Чинно оттрапезничав с Фросей и Мирой в Black November баре, расположенном в том же здании, что и кальянная, я прикидывал планы на грядущую ночь.

– А с кем ты?

– Да тут с девчонками, они уезжают уже, – не желая афишировать, что ужинал с Мирой, напустил я тумана, – а ты что делаешь?

– В Ноябре – с пацанами, кальянчик, чота-чота, – обрисовал Ислам, – кайф, подтягивайся.

– Давай, я рядом – скоро буду.

Распрощавшись с подругами у металлоискателя, что возле парадного входа, я, лавируя между группками прогуливавшихся по кинотеатру патлатых молодых людей в черных кожаных куртках, поднялся в кальянную и присоединился к парням.

– GTA Vice City игра, есть, – сходу начал я объяснять, – там в зависимости от района, на пятаках разные банды тусуются, толпишками по три-четыре человека – японцы, гаитяне, итальянцы, кубинцы – вот в Ноябрь заходишь – и, пиздец, одна чернота куда ни глянь, как будто в гетто попал, я ебу!

– И при чем все разных национальностей, – подхватил Хусик, – шас Гера со своими кентами подходил салам закинуть – один грек, один аварец, два осетина, чеченец...

– У нас, братан, тоже ассорти, – поддежрал Ислам, – ингуш, таджик, еврей, азербайджанец, русский. Сейчас со своими не модно тусоваться...

С четверть часа послушав о национальных коллизиях,

блондинки, пообещав увидеться с нами ночью в клубе, упорхнули. После себя они оставили лишь номера телефонов и приличный счет. Следом стали собираться Боря и Алишер, строившие наполеоновские планы на ночь, в которых нам места не было.

– Да, мы и сами скоро пойдем, – сказал Ислам, – давайте тогда счет попросим.

– Эу, поручик! – привычно позвал Хуссейн, – посчитай нас, ну!

Загорелый послушно засеменил к кассе.

– Твой Верту, братан? – обратил я внимание на Борин телефон, пока мы ждали счета, – восемь грин он, да, новый стоит?

– Да, – безразлично кивнул мажор.

– У меня, просто, тип один знакомый – Джафар – поехал один кон на Рублевку продавать такой какому-то деду. Приезжает, короче, видит там замок неебаться – башни, не башни, хуй его. Звонит в ворота – ему, прикинь, открывает накачанный негр в леопардовой шкуре. А Джафар шабанул перед тем как ехать – ну, думает, хуй с ним, мало ли кто, как время проводит. Так и так, объяснил: вот, привез телефон продавать. Ну негр ведет его в дом и заводит в такую комнату, типа зал тронный. Там сидит дед в мантии из чернобурки, в коро-

не – понял, да – как положено все. И такой, зачем, говорит, ты пришел ко мне, черный мальчик? Джафар – ну, чота-мёта, вот там созванивались с вами по поводу Верту, я привез – че, будете покупать, не будете? Дед его такой послушал и говорит: "Черный мальчик! Я велю спустить на тебя собак!"

– Да ну нахуй! – всплеснул руками Хусик.

– Ну, по крайней мере, так он мне сам прикалывал.

– Ох, нихуя себе! – мгновенно забыв про мою историю, воскликнул Ислам, заглянув в едва принесенный счет.

– Что там?

– Да тут, пиздец, какой ценник, оказывается. Мы на шестнадцать штук посидели. С тебя, Боря, с твоим кальяном и выпивкой вообще десять штук получается.

– Блин, а у меня всего десять, – расстроился Боря, который последний час только и думал о том, как классно поедет тусоваться.

– Кальян – восемь, две виски-колы по касарю, – безапелляционным тоном произнес Ислам.

В компаниях вроде нашей не принято было считать кто сколько должен – все кидали в общий счет с запасом – немного больше, чем за себя – или сразу за всех, если у других не было денег, а у тебя их было слишком много. О трахах и счетах не принято было говорить, но в данной ситуации это правило работало только для Бори, смиренно принявшего вердикт. Лишь на какое-то мгновение его умаляю-

щий взгляд вцепился в Алишера, но тот лишь равнодушно отвернулся – он был за рулем и за весь вечер выпил стакан газировки. Делать было нечего – вытащив из портмоне последние девять тысяч семьсот рублей, он, чуть не плача, протянул их Исламу.

– Ладно, пару бумаг себе оставь, раз последние – я за тебя докину, – махнул рукой Ислам.

Боря благодарно посмотрел на Ислама. «Вот это красавчик!» – прочел я в его взгляде. Едва знакомый парень не допустил, чтобы он остался совсем без копейки, отдав за него свои двести рублей! "Это потому что все мы братья – я хоть и не черный, но меня приняли как своего и проявили заботу обо мне. Поэтому за этих ребят я порву!" – промелькнуло в голове у Бори.

– Спасибо, – смущенно промямлил он, прощаясь с Исламом.

– Ладно, – подмигнул Ислам и, придерживав Борину руку, серьезно добавил, – в следующий раз рассчитывай свои возможности, пацан за свои слова отвечает.

– Да... просто не знал, что тут такой ценник ненормальный, – расшаркиваясь промямлил бедолага.

– Нормально делай – нормально будет, братан, – Ислам похлопал его по плечу.

Тучные фигуры Бори и Алишера понуро спускались по широкой мраморной лестнице, отсвечивая оголенными копчиками, как-то очень по-доброму выглядывавшими из щели между курткой и джинсами. Было видно, что магия пятничного вечера для этих парней уже улетучилась вместе с Бориной десяткой.

– И чо, и чо? – спросил я мнения друзей.

– Я на дальняк схожу, – сообщил Хусик.

– Да давай еще здесь посидим, – предложил Ислам.

Решив, что он шутит, я все же поднялся и одел пиджак. Однако Ислам не пошевелился. Вместо этого он вопросительно смотрел мне в глаза.

– Ну, тебе охота по касарю за стакан платить? – не выдержав, бросил я.

– А! – лукаво улыбнулся он, – так они по пятихатке! А кальян за двушку. Можем здесь еще покайфовать. Есть масть?

"Ох уж этот Исламка! – расслабленно падая на диван, подумал я, – вечно что-нибудь придумает!"

Среди ночи мы вышли из безымянного кафе и решили *не ехать* по клубам. За себя и телок я еще был уверен, а вот пацанов – Геру, Ислама и Хусика – вполне могли не пустить. Вместо этого мы отправились в МГУ, благо тачки было сразу две, а ночь выдалась теплой – к тому же весь этот сталинский ампи́р в свете ксенона должен был расположить белгородских девчонок к романтике.

Когда мы припарковались у подножия главного здания, Гера включил песню «Мой путь» – дуэт эстрадного исполнителя Тимати и безвременно почившего Ратмира Шишкова. Признаться, она нравилась всем, кроме Геры – онс нее просто кончал. Душа маленького грека, распаленная виски-колой, выдавалась далеко за пределы тщедушного тельца. Он отдавался песне, словно любимой женщине, его выкручивало наизнанку и рвало на части.

– Ратмир, нахуй ты такой красавчик!?! – вырывалось из его груди – он был на грани катарсиса.

Мы же, сидя на пыльных капотах представительских лимузинов, – брата Геры и отца Ислама – обжимались с телочками. Сохраняя равнодушные мины, в глубине души все радовались свежему ветру, теплой ночи и намечавшемуся гэнг-бэнгу.

– Гера, поехали, братан, – позвал я устало, когда трэк за-

кончился.

Он оглянулся не сразу. А когда оглянулся, показался каким-то потерянным и опустошенным – святой мракобес, голодный до кайфа и шальной копейки, рудимент девяностых, обреченный на вымирание или судьбу Дон Кихота под мутным московским небом. Он закурил сигарету, взглянул на меня и грустно повторил:

– Нахуй он такой красавчик...

Впрочем, спустя полминуты, сорвавшись с места в нарушение всех мыслимых правил, Гера оставил свою меланхолию на той самой улице – вместе с доброй половиной протектора.

Мы неслись по освещенному фонарями Кутузовскому, унося ноги от предвосходного неба, розовевшего за спиной, будто желая продлить ночь еще ненадолго. Два черных до блеска напидарашенных S-класса летели ноздря в ноздю – в одном ехали мы с Исламом, в другом – Гера с Хусиком. Поделенные поровну телки болтались на задних сиденьях, как собранная сумка для фитнеса или верхняя одежда или что там еще возят сзади. Едва мы достигли Парка победы, на горизонте пустынной дороги замаячила милицейская Лада, до отказа набитая краснорылыми старлеями и сержантами.

- Ислам, давай прикольнемся! – вдруг предложил Гера по телефону, выведенному на громкую связь.
- Давай! – с готовностью поддержал Ислам, – как?
- Мусоров видишь?
- Над мусорами что ли прикольнемся?
- Да! – дебильным смешком отозвался Мини-Гера, – на скорости давай их подрежем – ты справа, я слева!
- Братан, это ж мусора, – на секунду усомнился Ислам.
- Да похую, зато хаха половим!
- Ладно! Тогда – раз, два, три – поехали!

Как будто на закиси азота, обе тачки рванули со ста пятидесяти до двухсот пятидесяти километров в час и в миг настигли белую с синей полоской машину. Судя по сонным харям пассажиры ехали с дежурства. По замыслу их должно было сдуть в кювет, словно с горкой груженный домашней утварью грузовичек цветного семейства из классической американской комедии. По крайней мере, так я себе представлял.

- УАААА! – кричал Ислам.
- ОНАСЕКИИИИИИМ! – заливался Мини-Гера.

Вжавшись в сиденья, телки от страха и восторга включили ультразвук – на подобии того, что издают чуваки, призыва-

ющие верующих на молитву с вершин минаретов; а я успел разглядеть в окно лишь ошалевшие глаза мусоров – размером с чайные блюдца – когда мы со свистом пронеслись мимо них и с металлическим скрежетом ударились бортами друг о друга прямо перед их носом.

К счастью никто не пострадал – сработал АБС. Каким-то чудом затормозив, мы высыпали из машин.

– Вы че, совсем ебанулись? – недоумевали, простившиеся было с жизнью, мусора. Получив бычью дозу адреналина, они уже не выглядели такими вялыми.

– Прикольнуться хотели, – отмахнулся Мини-Гера.

В разборках, протоколах и телефонных звонках наступило утро. Телок мы отправили домой. Мини-Гера и Хусик объяснялись с подоспевшими дэпсами, а Ислам с мобильным в руках разгуливал по частично перекрытому из-за аварии Кутузовскому. Выслушивая ругань разъяренного отца, он с недовольным видом пинал по асфальту смятую жестяную банку.

Покасуть да дело, я прогулялся до ближайшей палатки, купил вафельный рожок и, откусывая от него большие куски

(облизывать мужчине не престо́ло), неторопливо брел назад.

Тем временем, Ислам, узнав о себе много нового, повесил трубку и направился к обочине, когда путь ему преградил трогавшийся с остановки автобус.

– КУДА ПРЕШЬ, БЛЯ!?! – рявкнул водитель.

– ЧО, НАХУЙ?! – с полоборота завелся Ислам, счастливый предоставленному шансу отвести душу. Глаза его мгновенно налились кровью.

Малочисленные утренние пассажиры в ожидании назревающего скандала припали к окнам, оживленно моргая слипшимися со сна глазами. Гера и Хусик тут же наострили уши, а на головах милиционеров сжались пилотки.

Водитель же, вдруг осознав, что сейчас его будут калечить, сменил гнев на милость.

– Не видишь, автобус едет, людей везет? – детским голосом пояснил он.

В ответ разящие удары настоящих костяных кулаков один за другим содрогнули стальной кузов.

– А-ну, выходи, пидарас! – прокричал Ислам в открытое

окошко кабины. -Хуй нюхать будешь!

Отпрянув в сторону, водитель решил не испытывать судьбу и, резко надавив на газ, с ветерком понесся к следующей остановке – подальше от греха.

8

Июнь в университете – мертвый месяц – занятия уже не идут, дети приезжают только на экзамены и консультации. Из тех, кто приезжает, примерно половина не курит, а из тех кто курит, процентов девяносто предпочитает делать это на улице. Первогумовские курилки стоят пустыми и даже завсегдагаи, весь год торчавшие в них безвылазно, куда-то испаряются. Именно в такую курилку-призрак я заглянул, сдав последний гос. Прикусив мундштук своего экстра-легкого Парламента, я попытался осмыслить прошедшие годы – что я вынес, чему научился. Итоги огорчали меня. Я узнал процентов десять из того, что мог, пристрастился к наркотикам и алкоголю, постоянно огорчал маму, а круг моего общения замыкался в основном на немислимых нацменах, точно знавших, что по жизни они хотят кайфовать в кальянных и сверкать туфлями в торговых центрах. Сам я слабо представлял, чем займусь дальше. Ясно было одно – хиповать мне уже хватит. У меня не было ни работы, ни профессии, ни желания учиться дальше. Я стоял, опершись о стену, и затяжка

за затяжкой переводил на пепел свою последнюю сигарету, когда мои размышления нарушила Мира:

– Эй, пончик, ты что такой задумчивый? – весело спросила она.

– Шаурмой траванулся, – ответил я первое, что пришло в голову.

Поцеловав меня, Мира стала рядом и насуплено уставилась в окно. Мы молчали. Наконец, я заглянул ей в глаза – там явно шел какой-то мыслительный процесс. Прикусив губу, она смотрела в точку и не обращала на меня никакого внимания. Испугавшись, что из ушей у нее сейчас пойдет пар, я несколько раз провел ладонью перед ее красивым лицом.

– Что? – опомнилась она.

– Сегодня последний гос сдал.

– Пончик, какой молодец! – вернулась она в свой обычный режим, – надеюсь, на «пятерку»?

– Ну, почти – главное, что сдал.

– Чем теперь будешь заниматься?

– Не знаю, хочу в Европу поехать, расслабиться, мозги проветрить.

– Про меня теперь забудешь и больше мы с тобой не увидимся, – грустно перевела она услышанное.

– Вздор! – возразил я, и, встретив ее удивленный взгляд, с улыбкой пояснил, – э, зачем так говоришь!?

– Потому что так и будет, – она достала из сумочки пачку тонких ментоловых сигарет.

– Мира! Ты куришь?!

– Нет, – она взяла сигарету в зубы.

Пошарив в карманах, я достал зажигалку и дал ей прикурить.

– А может ты меня похитишь? – сделав затяжку, оживилась она.

– Может и похищу. Ты же не будешь сопротивляться?

– Не буду.

– Да, даже если будешь! – улыбнулся я, – Кто из нас мужчина!?

В курилку зашли двое пожилых преподавателей в немодных серых пиджаках и закурили какую-то вонючую дрянь из золотистых пачек.

– Сколько ты зарабатываешь, пончик?

– Какая разница? Если я тебя похищу, это будет уже неважно, потому что мы все равно уедем.

Черт, это было бы охренительно наивно похитить девочку

из такой семьи и ждать, когда ее родственники приедут к тебе домой с мясницкими тесаками. Один из преподавов взглянул на нас с сожалением.

Докурив, Мира потушила свою зубочистку, и мы вышли на улицу. У самого входа в корпус были припаркованы две вылизанные тачки на спокойных колесах – Вольво S80 и Тойота Камри. Рядом стояли три молодых кавказца и вполголоса что-то обсуждали. Я удивился, что из окон машин не орал говнорэп или какой-нибудь запредельный шансон. Да и вообще, немислимые Брабусы сменили обывательские "шведы" и "японцы", а вместо того, чтобы кричать благим матом и плевать шелухой от семечек, эти парни что-то мирно обсуждали. Если бы не яркие замшевые мокасины поверх носков я бы и вовсе не признал в них нашешских.

– Дай сигарету, – попросил я Миру.

– Бери все, – протянула она пачку, – мне дома все равно курить не разрешают.

Несколько секунд мы стояли друг против друга. Ее голубые глаза скрывали длинные черные ресницы – думаю, она их даже не красила. Я хотел коснуться ее лица, чтобы она на меня посмотрела, но при свидетелях это было неуместно.

– Позвони как-нибудь, – попросила она.

– Конечно, дорогая.

Она поцеловала меня и вскоре скрылась за углом корпуса, где ее дожидался водитель. Я немного посмотрел ей вслед, а потом развернулся и побрел мимо вечного огня в сторону цирка. Неприглядное серое здание первого гума провожало меня безразличным взглядом сотен непромытых окон. В фонтане против главного входа барахтался какой-то патлатый биолог. Его пьяные друзья не давали ему выбраться, толкая обратно в бассейн.

– Э, босота! – крикнул я им, чтобы вернуться в тонус после трогательной сцены прощания, – я вам на грудь кончал!

У босоты, несмотря на повышенный градус и численное превосходство, не хватило жопы ответить.

Здесь же, у фонтана, на спинках скамеек сидели разношерстные компании студентов – от мажоров с золотыми Верту до готов со смоки айз. От одной из толпишек вдруг отделилось тщедушное тельце в клетчатых брюках – это Мини-Гера услышал мой клич.

– Оу, Марк! – засеменял он в мою сторону, виляя хвостиком.

– Че ты, Гера? – издали приветствовал я его.

- Ты на хату?
- Да.
- С кайфом – я тоже.

Он поравнялся со мной, и мы зашагали в ногу. Я не стал грузить его экзаменами и тем более распространяться по поводу Миры. Не теряя времени, Гера сам завел со мной бессмысленный первагумовский разговор:

- Ислама видел?
- Да, на экзамене был.
- Уехал он уже?
- Походу.
- Наверное, в Макс пошел.
- Хуй его, братан.
- А чо Муслим?

Мы дошли до Вернадки и встав под яблоней стали ловить такси. Машин было много, но большая часть ехала дальше, в сторону Юго-западной.

– Тебе лучше с Ломоносовского ловить, – посоветовал Гера.

Из заднего кармана я достал пачку Мириных ментоловых сигарет, вынул одну и, зажав в зубах, стал шарить по карма-

нам в поисках зажигалки.

– Это чо, бля, такое? – возмутился Гера.

– Что именно?

Словно тигр, маленький грек резким движением выхватил сигарету из моего рта и, сломав, бросил на землю. Я хотел было спросить, не въебался ли он дуб, но Гера предвосхитил мой вопрос:

– Пахан увидит – жёпу взорвет!! – пояснил он.

Я посмотрел на него так, будто он на моих глазах по-пионерски затушил свечи на церковном алтаре.

– Совсем рехнулся!?! – рявкнул я и дал ему подзатыльник.

– Э, ебанат! Руки не распускай – на, нормальную возьми, – протянул он мне свою пачку.

Я молча вытащил сигарету, но не успел прикурить, как перед нами остновилась желтая Волга с шашечками. Договорившись с таксистом, я простился с Герой и уехал.

МГУ для меня закончился.

ЭПИЛОГ

Босая Мира, стоя на подоконнике в своей комнате, держалась руками за раму и глядела в распахнутое окно. Август был на исходе, и дерзкий ветер тщился хоть шелохнуть тяжелый бархатный занавес, но вместо этого лишь задирали ночную рубашку, обнажая загорелые колени. Мира не видела Марка уже пару месяцев – с тех пор как они на сутки сбежали из дома. За двадцать часов, что они провели в Мариотте на Тверской-Ямской, ее отец чуть было не поднял на уши спецназ ГРУ. К счастью, она вовремя одумалась и все удалось замять, но теперь ее собирались сослать к отцовскому брату в Нью-Джерси, в какой-то несносный Принстонский университет, за который, впрочем, ее сеструха Макка прикалывала, что он по кайфу.

– Э, ты чо там мутишь, оу? – снизу раздался голос младшего брата – мальчишке было всего двенадцать, и он был старшим мужчиной в семье после отца. Голос был еще детским, но тон уже отдавал властными нотками.

– Ничего, занавеску поправляю, – в моменте нашлась Мира, – а ты чего не спишь? А ну-ка иди в постель!

– Э, сам разберусь! – рявкнул ребенок и скрылся во мраке.

Постояв так еще чуть-чуть, Мира спрыгнула на пол и закрыла окно.

– Еще виски-кола сделай, – велел Мини-Гера официанту.

– Какой виски желаете? – учтиво справился тот.

– Че есть, нормальное?

– Двадцатиднолетний Чивас? – низкий трюк – официант хамским образом проверял гостя на вшивость.

Мини-Гера значительно посмотрел на Фросю и скомандовал официанту:

– Неси двойной.

Гера недавно открыл собственное дело – торговал по СМС рингтонами и теперь прочно стоял на ногах.

– Че там Мира? – поинтересовался он, – у них с Марком было что-то?

– Да ничего у них не было, – Фрося нахмурилась и сверкнула сапфировым колье, – откуда вообще этот слух пошел? Это он тебе сказал?

– Нет, я его все лето вообще не видел. Так, босота всякая нет-нет распыляется, слухи и ползут... Говорят, Мирин пахан к матушке Марка звонил – искал его.

– В общем, это глупости. У Миры все прекрасно, уезжает учиться в Гарвард или что-то такое.

– Это во Франции?

– Нет, Гера, это в Лос-Анджелесе. Во Франции Сорбонна.

– С кайфом! – оценил Гера, развалившись в кресле, и вытащил из зубов застрявший шматок оленины.

Пацаны петочились на углу Большой Дмитровки и Столешникова возле входа в магазин Луи Виттон.

– Вчера, короче, диранул эту телку – Ада, есть, – делился насущным Бабрак, – пиздец че за сиськи у нее! Взорванные!

– И че, в очко дала? – с серьезным видом поинтересовался Гагик.

– Э, чо за вопросы у тебя?

– Нормально тебе при пацанах интерес задаю! Дала или не дала, приколи!?

Бабрак замялся:

– Ну, как дала – я только палец ей туда сунул.

– И как там? – с трудом сдерживая смех поинтересовался Гагик.

– Ну, тепло, – Бабрак расплылся в смущенной улыбке.

– Ай, ты че за человек такой, – бесшумно посмеиваясь, Ислам оперся о крепкие плечи Бабрака, – дикарь натураль-

ный, есть... Щеканул тогда хотя бы?

– Ебанный свет, че сразу щеканул, не щеканул?!

– Да я так чиста, чоб самому в курсе быть – здороваться с ней или не здороваться.

– Тогда не щековал – хорошая девчонка, пожалел.

– Красавчик! Как наиграешься, мне подгони, – застолбил очередь Ислам и подмигнул пацанам.

– Базару ноль ноль семь, братуха.

– А я пиздец как с Фроси кайфую, – мечтательно произнес малыш Гагик, недавно начавший заниматься аэробикой и похудевший до ста двадцати.

– Да, ниче такая. Ее, говорят, Хусик в рот ебал, – поделился Бабрак.

– Бля, я того рот ебал, кто ее рот ебал! – расстроился Гагик.

– Уаай! Смотри, какая! – одернул друзей Ислам.

Из Луи Виттона вышла высоченная брюнетка в темных очках, закрывающих пол лица. Цокая по мостовой сверкающими туфлями, она проследовала в сторону Петровки. Навстречу ей в клетчатых брюках гарцевал Мини-Гера.

– Не меня ищешь? – с вызовом бросил он.

Барышня прошла мимо, даже не обратив на него внимания.

– Че, Гера, телефон не дала? – подколот Бабрак, когда грек поздоровался с пацанами.

– Бля бу-дУ – бля бу-дУ, – многозначительно произнес Гера, – но это по-моему Марк был.

Мощная чеполаха тут же настигла его затылок.

– Э, ты ёбу дался, дурак, бля, – возмутился Ислам, – наш Марк может и не орел, но уж точно не женщина!

Марк надел солнцезащитные очки, повязал на голову новый платок и вышел на улицу. Ноги ужасно болели от каблучков – срочно надо было выпить. У Симачев Бара навстречу ему, пуская слюни, просеменил Мини-Гера.

– Не меня ищешь? – попытал он счастья.

«Кого ты спрашиваешь, ебанат?!» – так и хотелось бросить в ответ, но Марк таки взял себя в руки и, высоко подняв голову, прошел мимо.

Преодолев Столешников, Марк осмотрелся – у входа в Аврору его уже ждал Муслим на Харлее с логотипом бригады мучеников Аль-Аксы на бензобаке. Марк подтянул юбку

и, обхватив руками торс водителя, скомандовал: «трогай!»

А хуля вола ебать?

Г.Б.

Москва, 2012